

ПОД ЗНАМЕНАМИ ПУГАЧЕВА

(К 200-ЛЕТИЮ КРЕСТЬЯНСКОЙ
ВОЙНЫ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е. И. ПУГАЧЕВА)

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕЛЯБИНСК
1973

Научный редактор —
кандидат исторических наук
Р. В. ОВЧИННИКОВ

Составители —
Л. Н. БОЛЬШАКОВ, М. С. КЛИПИНИЦЕР

Под знаменами Пугачева. (К 200-летию крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева). Науч. ред. Р. В. Овчинников. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд., 1973.

195 с. с илл.

На обороте тит. л. сост.: Л. Н. Большаков, М. С. Клипаницер.

Эта книга посвящена 200-летию Крестьянской войны. В ней публикуются различные материалы, дающие представление о причинах ее возникновения, о личности Пугачева и его сподвижников, о характере боевых действий повстанцев, о роли, которая принадлежала народу в войне.

Авторы статей широко использовали вновь обнаруженные архивные документы. Читатель узнает также, какой огромный интерес проявлял к пугачевской теме А. С. Пушкин, какое отражение нашла она в картинах местных художников, в фольклорных произведениях. Рассказывается и о том, как выглядят сегодня те места, по которым проходила повстанческая армия вожака угнетенного крестьянства.

Южно-Уральское книжное издательство, 1973 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей

Р.В. Овчинников. Оренбургский край и Урал в Крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева

А.И. Александров. На горнозаводском Урале

Р.В. Овчинников. Документы свидетельствуют

С.А. Попов. Полковником пожалован

Г.Г. Голынский. Бугурусланский сподвижник Пугачева

Н.Г. Евстратов. «Набеглый царь» В.Г. Короленко

И.Т. Изотов. Достойное отображение

М.М. Чумаков, М.Ф. Якушев. Немые свидетели

Г.Г. Копылова. Художники рисуют Пугачева

П.П. Малый. Три текста песен о Пугачеве

Б.А. Коростин. По следам легенд

Ю.С. Зобов. Походы по следам событий Крестьянской войны

С.А. Попов. От Оренбурга до Орска

Коротко об авторах

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Два столетия миновало с той поры, когда на огромной территории юго-востока России вспыхнуло и забушевало пламя Крестьянской войны. Под знамена Емельяна Пугачева шли крестьяне, казаки, работные люди. Шли русские, татары, башкиры, чуваша, калмыки. Охватив огромную территорию от Пензы до Челябинска, от Пермского края до казахстанских степей, восстание нашло отклик в Петербурге и Москве, в столицах Пруссии и Англии, Швеции и Турции.

Одним из центров антифеодального движения стал Южный Урал. Жестокость оренбургских крепостников и уральских заводчиков не знала предела, крестьян и работных людей крушили батожем, стегали кнутьями, здесь царил разгул национального угнетения.

В гигантском размахе войны, в обширности территории, охваченной ею, оказались не только слабость крепостнической системы, но и, прежде всего, смелые, энергичные действия восставших. Движимые классовой ненавистью, они требовали не мелких уступок, не компромиссов, не переговоров. Борьба шла за то, чтобы добиться ликвидации системы феодального угнетения народа в масштабе всей страны. Еще в начале восстания Емельян Иванович Пугачев говорил, что он собирается «в Русь, которая... вся к нему пристанет». В отличие от своих предшественников — предводителей былых крестьянских войн, Пугачев действовал не от имени царя, а сам стал «мужицким царем» — «Третьим императором».

Восставшие народные массы видели в Пугачеве именно того «хорошего царя», который не только обещает, но и дает землю, волю. В Крестьянской войне активно участвовали работные люди, но в семидесятых годах XVIII века идеология этого предпролетариата России мало чем отличалась от крестьянской; его стремления сводились к тому, чтобы «вернуться к земле» и, в конечном счете, утвердить строй мелких производителей.

То было время, когда народ еще не мог возвыситься до организованного политического движения, а будущее идеологам «мужицкого Царства» представлялось совершенно туманным. Но восстание поработенных стало грозным предупреждением господствующим классам. Память о «набеглом царе», вызвавшем ужас среди дворян, оставила в их сознании глубокий след. Пусть по-феодальному, по-помещичьи, но пугачевское восстание побудило «верхи» решить крестьянский вопрос. В середине XIX века царское правительство вынуждено было пойти на освобождение крестьян — оно боялось, как бы это освобождение не началось «снизу», не повторилась бы новая «пугачевщина».

Крестьянская война 1773-1775 гг. оказала влияние на развитие передовой общественной и политической мысли России. Большое значение придавали ей все поколения русских революционеров. Законность, прогрессивность, необходимость борьбы угнетенного класса против угнетающего, крепостных крестьян против помещиков отмечал В. И. Ленин.

Память о Крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева живет и будет вечно жить в народе. Потомки пугачевских бойцов не раз храбро и мужественно сражались за

честь, свободу и независимость своего Отечества, за Россию социалистическую. Наше многонациональное государство стало родным домом более ста национальностей. Советские люди, построившие под руководством партии коммунистов новое, справедливое и свободное общество, гордятся своей великой Родиной, открывшей новую эру в истории человечества.

Эта книга посвящена благодарной памяти, которая хранит в себе, как святыню, все то, что связано с Пугачевым и Крестьянской войной. Не претендуя на исчерпывающую глубину разработки такой грандиозной темы, какой является пугачевская, она знакомит читателя с историческими и литературоведческими материалами, со статьями о событиях Крестьянской войны в нашем крае, с поисками и находками краеведов. Публикуются также документы, обнаруженные недавно в архивах, предания и легенды. Ряд произведений, составляющих книгу, дает представление о том, какой огромный интерес проявляли к пугачевской теме А. Пушкин, В. Шишков, В. Короленко, художники В. Перов, С. Иванов, С. Герасимов и другие.

Р.В. ОВЧИННИКОВ

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ И УРАЛ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е. И. ПУГАЧЕВА

Оренбургские степи и предгорья Южного Урала были главной ареной боевых действий повстанческих отрядов Емельяна Ивановича Пугачева и его атаманов в Крестьянской войне 1773-1775 гг. Именно здесь, на обширной территории Оренбургской губернии, границы которой простирались в то время от берегов Волги на западе до Зауральской равнины на востоке и от берегов Камы на севере до ковыльных степей Казахстана на юге, с осени 1773 г. до начала лета 1774 г. происходили основные события грандиозного антифеодального выступления. В активной вооруженной борьбе против крепостнической эксплуатации социального и национального угнетения, произвола помещиков, заводчиков и царской администрации участвовали самые различные социальные и национальные слои трудового населения губернии: горнозаводские, помещичьи и монастырские крестьяне, рядовая масса казачества и горожан, башкиры, татары, калмыки и казахи. Восстание в этом крае не было сломлено и после того, как главные силы Пугачева, вытесненные с Урала карательными войсками в начале лета 1774 г., направились в Прикамье и далее — в правобережные губернии Волги. До конца ноября 1774 г. продолжали борьбу в Уфимской провинции Оренбургской губернии отряды пугачевского бригадира Салавата Юлаева, а отдельные очаги партизанской борьбы в различных районах губернии были ликвидированы лишь к лету 1775 г. Оренбургская губерния, как и пять других губерний юго-востока Российской империи (Казанская, Тобольская, Нижегородская, Воронежская и Астраханская), находившиеся в зоне действий восставших, состояли на военном положении до 10 августа 1775 г. Лишь только тогда правительство Екатерины II приняло решение о прекращении полномочий командующего карательными войсками в этих губерниях генерал-аншефа графа П. И. Панина.

Начавшееся в середине сентября 1773 г. восстание в Оренбургской губернии, во главе которого встал беглый донской казак Е. И. Пугачев, являлось закономерным следствием углубления кризисных ситуаций в социально-экономической жизни феодальной России второй половины XVIII столетия, сопровождавшихся усилением крепостнической эксплуатации трудового народа и ростом классовых антагонизмов. Накануне Крестьянской войны крупные восстания охватили до 250 тысяч помещичьих, монастырских и горнозаводских крестьян. Волнения затронули калмыков, башкир и другие народности Заволжского края. В сентябре 1771 г. вспыхнуло восстание городских низов в Москве («Чумной бунт»). Многолетние волнения трудового казачества Яицкого войска привели в январе 1772 г. к восстанию против старшинской верхушки. В том же году происходили волнения среди казаков волжских и донских станиц. Правительство Екатерины II ценой невероятных усилий удерживало народ в повиновении. Война с Турцией (1768-1774 гг.) и события в Польше еще больше осложнили обстановку в стране, вызвали недовольство народа новыми тяготами. Плотина феодального правопорядка с трудом сдерживала напор народного возмущения, грозные всплески стихийных антикрепостнических восстаний, пока, наконец, эта плотина не была прорвана выступлением Пугачева, вскоре переросшим в Крестьянскую войну.

То, что война началась на далекой юго-восточной окраине страны и показала необычайную

стойкость восставших в борьбе, продолжавшейся около двух лет, объясняется рядом особенностей исторической жизни Оренбургской губернии того времени. Хозяйственное освоение многих районов этого края, начавшееся с середины XVIII века, сопровождалось усиленным захватом помещиками и заводовладельцами пастбищных земель и лесных угодий у местного нерусского населения, обширная полоса земель вдоль границы губернии была изъята администрацией для строительства укреплений и городов. Это неизбежно повлекло за собой рост национальных противоречий, выливавшихся порой в значительные восстания нерусских народностей. Хищническая крепостническая эксплуатация подневольного труда горнозаводских крестьян и работных людей на заводах Южного Урала вызвала, как ответную меру, массовые выступления против заводчиков и заводской администрации. В этой связи следует отметить крупное восстание горнозаводских крестьян в 1763 г., затронувшее отдельные южноуральские предприятия.

Описывая бедственное положение заводских крестьян, чиновник Оренбургской секретной комиссии гвардии капитан-поручик С. И. Маврин в рапорте от 21 мая 1774 г. доносил Екатерине II (впрочем, рапорт этот так и не дошел до рук императрицы): «Обратите взор свой на крестьян заводских, а паче, на приписных, которые отданы совершенно в жертву заводчикам. А оныя хищники ни о чем другом не помышляют, как о своем прибытке, и алчно пожирают все крестьянское имущество, ибо многия приписныя крестьяне ходят на иго работы от четырех- и до семисот верст. А порядок у них тот, что все оне, кои могут работать, разделены на три партии: одна работает, а другая идет на смену, и до тех пор первая не возвратится в дома, покуда другая не придет сменить. Работа ж сия на заводах большею частию тогда потребна, когда крестьянин должен доставать насущное пропитание. А когда земледелец не достанет из земли сокровища, то он — нищий... При заводах же есть ухватка и та, хотя, в протчем, нечестивая, — когда крестьянин работает на заводе, то, как выше уже сказано, за семьсот верст на треть года хлеба завести неможно нечево, и потому должен он хлеб и все нужное для себя получать у заводчика ж из лавки, а брать за такую цену, какая положена будет. А за все то, что приписной крестьянин не заберет, должен заработать по заводскому расположению. А как притом на щот работных людей несравненно ставят дороже, как бы надлежало, то крестьяня почти безсменно и должны быть в работе у них. А потому глас бедных и взывает свою самодержицу на обলেখение, елико можно, ига их»¹.

И совсем нельзя считать случайным тот факт, что именно заводские крестьяне, наряду с казаками, составляли наиболее стойкую часть бойцов повстанческих отрядов Пугачева. Докладывая об этом Екатерине II в рапорте от 21 мая 1774 г., чиновники Оренбургской секретной комиссии писали: «Что касается до заводских крестьян, то они были всех прочих крестьян к самозванцу усерднее, потому что им от него также вольность обещана, тож и уничтожение всех заводов, кои они ненавидят, в разсуждении тягости работ и дальних переездов, для чего и исполняли с усердием насылаемые к ним на заводы из злодейской названной Коллегии указы»². Антикрупнические настроения были характерны для подавляющей массы русского и нерусского крестьянства Оренбургской губернии, составлявшего до 165 тысяч душ и около 60% всего населения губернии (включая заводских, помещичьих, государственных — ясачных, экономических и дворцовых крестьян)³. О таких умонастроениях оренбургского крестьянства свидетельствуют факты их отдельных выступлений в канун Пугачевского восстания, а, в особенности, почти поголовное их участие в Крестьянской войне, когда они выступили в поддержку Пугачева и, по отзыву Оренбургской секретной комиссии, «шли в толпу его служить с охотою, а равно и возили провиант и фураж почти без чувствования тягости, обнадеясь на обещанные им льготы и вольность»¹.

Значительную сословную группу в составе населения Оренбургской губернии составляли казаки Яицкого войска и казачьих гарнизонов, расселенных по городам, крепостям и форпостам (казаки оренбургские, исецкие, уфимские, табынские, сакмарские, самарские и др.). Казаки издавна обладали известной сплоченностью, привычкой к воинской дисциплине, боевым опытом,

¹ Гос. публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, т. 668, л. 136 и об.

² ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. II, л. 5 и об.

³ В. М. Кабузан. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971, стр. 87-89, 99-101. Средняя численность крестьянства в 1773 г. установлена нами путем корректировки данных III (1762 г.) и IV ревизий (1782 г.).

¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. II, л. 5.

воспитывались в традициях борьбы против феодального наступления на их права, опираясь на старинные, демократические в своей основе формы общежития и самоуправления. Что касается яицких казаков, зачинщиков Крестьянской войны 1773-1775 гг., то они прошли боевую школу борьбы в многолетних волнениях и в восстании 1772 г. Трудовая часть яицкого казачества во время восстания 1772 г. боролась за восстановление войскового округа как высшего органа самоуправления, за предоставление ему прав выбора и отчетности атамана и старшины, за широкие прерогативы в распределении войсковых доходов, полную выплату денежного жалования, кормового и вещевого довольствия, не выдававшихся правительством в течение многих лет.

Разгром восстания 1772 г. на Яике и последовавшие за ним репрессии не сломили боевого духа казаков. Они ждали возможности и благоприятной ситуации для нового вооруженного выступления во имя защиты старинных казачьих вольностей и привилегий от посягательств со стороны феодально-абсолютистского государства. Казачество, столетиями аккумулировавшее на окраинах государства антифеодальные традиции и силы русского народа, должно было сыграть роль детонатора Крестьянской войны. Подготовка вооруженного выступления такого масштаба в иной социальной среде в условиях 1773 г. была бы просто невозможна. И казачество, предводительствуемое Пугачевым, успешно исполнило свою историческую миссию, выступив застрельщиком Крестьянской войны.

В такой исторической обстановке и началась осенью 1773 г. грандиозная антифеодальная война под предводительством Емельяна Ивановича Пугачева. Сам он происходил из обедневшей казачьей семьи. Родился в 1740 г. в станице Зимовейской на Дону. С 17 лет Емельян начал казачью службу. Тогда же участвовал в боевых действиях русской армии против Пруссии в годы Семилетней войны, где проявил «отменную проворность». В 1768—1770 гг. Пугачев сражается на фронте Второй турецкой войны. Здесь за отвагу при штурме крепости Бендеры 15 сентября 1770 г. он был произведен в хорунжего — младший казачий офицерский чин. В 1771 г. в связи с тяжелой болезнью Пугачев подал просьбу об отставке, но, получив отказ, стал уклоняться от службы. За это он подвергся репрессиям со стороны властей Донского казачьего войска.

В конце 1771 г. Пугачев бежал на Терек, где в январе 1772 г. был избран казаками Ищорской станицы ходатаем по жалобам Терского войска в Военную коллегию. В феврале того же года был арестован в Моздоке, но вскоре бежал.

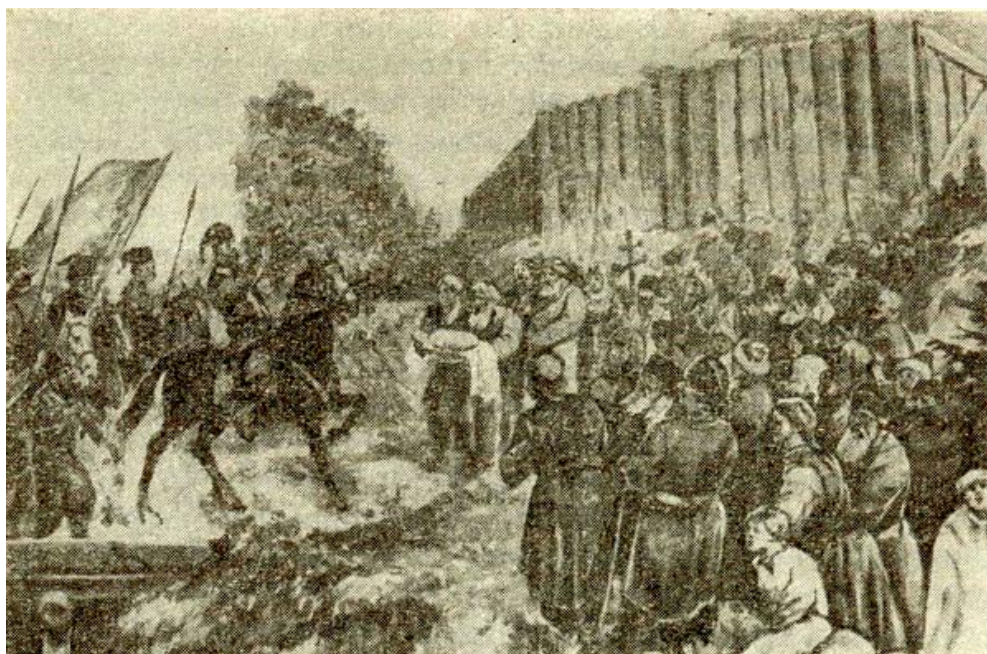
Весной и летом 1772 г. Пугачев жил в селениях раскольников-старообрядцев под Черниговом и Гомелем. В августе 1772 г., выдав себя за раскольника, выходца из-за польского рубежа, он получил на Добрянском форпосте паспорт для поселения среди заволжских старообрядцев на реке Иргизе, куда и прибыл осенью того же года. Здесь он и узнал о разгроме восстания яицких казаков «мятежной стороны» и о преследованиях его участников. Пугачев стал подговаривать казаков к побегу на вольные земли за Кубань, но вскоре по доносу его арестовали и в январе 1773 г. доставили в Казань. По решению Сената, утвержденному Екатериной II, был приговорен к ссылке на каторжные работы в Пелым (Зауралье). Однако в мае 1773 г. Пугачеву удалось бежать из Казанского острога. В августе того же года он снова появился в селениях Яицкого войска. В сговоре с группой яицких казаков — ветеранов восстания 1772 г. (И. Н. Зарубин-Чика, Т. А. Мясников, М. А. Кожевников, В. С. Коновалов и др.) Пугачев решил принять на себя имя «императора Петра III» и поднять казачество на новое восстание, надеясь на поддержку его со стороны крестьянства.

Пугачев и его сторонники усматривали в самозванстве огромные для дела восстания политические и стратегические выгоды. Признание Пугачева «императором Петром III» облегчало действия повстанцев, ибо все движение приобретало характер законной борьбы за восстановление на престоле «царя Петра Федоровича», коварно изгнанного Екатериной II и дворянами за намерение, якобы имевшееся у него, освободить крестьян из крепостной неволи. Иллюзии народа в отношении политики Петра III в крестьянском вопросе легко объяснимы, он незаслуженно завоевал широкую популярность в народе отдельными льготными указами, принятыми во время его недолгого правления (перевод крестьянства монастырских вотчин в разряд государственных, отмена гонений на раскольников, снижение казенной цены на соль и др.). В народе жили легенды, что «народный заступник» царь Петр III не погиб, но чудесным образом спасся и укрывается от дворян и Екатерины II. Ясно, что в этих условиях самозванство Пугачева являлось замыслом, облегчавшим процесс вовлечения народа в восстание как в законную борьбу против узурпатор-ши

престола Екатерины II и ее пособников-дворян — душителей крестьянской вольности. В XVIII в. народ идеологически не созрел до понимания революционной борьбы с самодержавием, защищавшим крепостнические порядки в стране¹.

В середине сентября 1773 г. Пугачев и его соратники завершили приготовления к восстанию. Первый отряд повстанцев насчитывал к тому времени 80 казаков. 17 сентября Пугачев обнародовал свой первый манифест, которым пожаловал казаков, татар и калмыков, служивших в Яицком войске, старинными казачьими вольностями и привилегиями. 18 и 19 сентября повстанцы дважды подступали к Яицкому городку, но, не имея артиллерии, отказались от штурма крепости. Отсюда Пугачев предпринял поход к Оренбургу, пополняя отряд казаками, солдатами, татарами, калмыками, казаками, захватывая пушки, оружие и боеприпасы в крепостях, сдавшихся повстанцам (Илецкий городок, крепости Рассыпная, Нижне-Озерная, Татищева, Чернореченская, Сакмарский городок). 5 октября повстанцы блокировали Оренбург, имея в своих рядах до 2500 бойцов при 20 пушках, и держали этот губернский центр в осаде около полугода, до конца марта 1774 г.

**Вступление повстанцев в Илецкий казачий городок 21 сентября 1773 г.
Картина художника В. Тельнова**

Слухи о боевых успехах восставших вызвали стихийные волнения среди помещичьих и горнозаводских крестьян, среди нерусского населения Оренбургской губернии. Учитывая это, Пугачев и его ближайшие сподвижники решили использовать столь благоприятную обстановку в интересах дальнейшего развертывания восстания, включая в него новые социальные группы и новые районы. Начиная с первых дней октября 1773 г., из главной ставки восставших, обосновавшейся под Оренбургом, по селениям и заводам разошлись посланцы с манифестами и указами Пугачева. В этих документах предводитель восстания объявлял народу вечную волю, освобождал труженников от подневольного труда на помещиков и заводчиков, от податей и повинностей, жаловал землей со всеми ее угодьями, провозглашал свободу вероисповеданий и ликвидацию системы национального угнетения нерусских народностей края¹. Казачье восстание стало приобретать зримые черты антифеодальной Крестьянской войны, поскольку русское и нерусское крестьянство начало играть роль массовой опоры движения, а социальные помыслы и чаяния крестьян стали доминировать в воззваниях Пугачева и его атаманов.

Под власть повстанческого центра перешла значительная часть Оренбургской губернии. В лагерь восставших шли тысячи добровольцев. Крестьяне везли сюда продовольствие и фураж, с

¹ М. П. Вяткин. Емельян Пугачев. Л., 1951, стр. 14—15; Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панеях. Пугачев и его сподвижники. Л., 1965, стр. 7—17.

¹ «Пугачевщина». Т. I. Из архива Пугачева (манифесты, указы и переписка). М.—Л., 1926, док. №№4—6, 8—10, 13, 14.

уральских заводов доставлялись пушки, оружие и боеприпасы. Пугачевский полковник И. А. Творогов рассказывал на следствии, что «с самого начала, когда еще к Оренбургу пришли, Пугачев разослал в ближний места указы свои, извещая о явлении своем и обольщая народ вольностью, свободою от платежа податей, также крестом и бороною, и всякими выгодами, а в то же время приказывал... набирать народ на службу в его толпу, почему народ, прельщаясь на сказанные выгоды, с радостию со всех сторон стекался кучами в нашу толпу, и в короткое время одних башкирцев пришло к нам тысячи с две, а крестьян — великое множество»¹. Сам Пугачев на вопрос следователя: не получал ли он помощи со стороны враждебных интересам России сил как внутри страны, так и за ее рубежами, твердо отвечал, что «посторонней помощи, кроме своего ухищрения, ни от кого не имел и получить не чаял. Да и на что де мне? Я и так столько людей имел, сколько для меня потребно, только люд нерегулярной»². К началу декабря в отрядах Пугачева под Оренбургом насчитывалось до 25 тысяч бойцов при 86 пушках. Для управления повстанческим войском Пугачев в ноябре 1773 г. создал Военную коллегия, которая являлась одновременно административным и политическим центром восстания.

Получив известия о первых крупных успехах Пугачева и узнав о неспособности местной администрации своими силами подавить восстание, правительство Екатерины II в середине октября 1773 г. организовало карательную экспедицию во главе с генералом В. А. Каром, вверив ему регулярные военные соединения и местные гарнизонные команды. В начале ноября Кар выступил на помощь осажденному Оренбургу, но в боях 7—9 ноября был разбит у деревни Юзеевой и отошел в Бугульму. В ноябре повстанцы разгромили вблизи Оренбурга карательные отряды, следовавшие со стороны Симбирска и из Сибири.

В ноябре 1773 — начале января 1774 г. восстание охватило Южный Урал, значительную часть Казанской губернии, отдельные районы Среднего Урала, Зауралья, Западной Сибири, северо-запада Казахстана. Восстал народ Башкирии во главе с Кинзей Арслановым и Салаватом Юлаевым. Под Уфой возник крупный центр повстанческого движения во главе с атаманом И. Зарубиным-Чикой, под контролем которого находились районы Южного и Среднего Урала, Прикамья и Зауралья. Значительные очаги восстания образовались под Екатеринбургом (И. Белобородов), у Челябинска (И. Грязнов, Г. Туманов), под Самарой (И. Арапов, Г. Давыдов, Н. Чулошников), в Закамье (В. Торнов), под Кунгуром и у Красноуфимска (С. Кузнецов, Салават Юлаев, М. Чигвинцев), на Нижнем Яике (А. Овчинников, М. Толкачев). Оренбургская губерния и смежные уезды с их значительными людскими ресурсами служили главной базой формирования и пополнения повстанческих отрядов. Штаб Пугачева активно использовал материально-технические резервы этого края для снабжения своего войска денежными средствами, продовольствием, фуражом, пушками, оружием, боеприпасами и амуницией. Не довольствуясь уже имевшимися пушками, Военная коллегия восставших организовала производство артиллерийских орудий и боеприпасов на Воскресенском заводе, пыталась наладить изготовление пушечных ядер и бомб для мортир и гаубиц на Кано-Никольском и Авзяно-Петровских заводах¹. В этом же направлении действовал и атаман И. Зарубин-Чика, пытавшийся организовать производство военного снаряжения на заводах Урала и Прикамья. В селе Чесноковке под Уфой, где находилась ставка этого атамана, действовала артиллерийская мастерская во главе с пленным офицером Прокофьевым. По распоряжению атамана И. Белобородова местные умельцы кустарным способом изготавливали порох (надо думать, что их наставником был сам Белобородов, отставной канонир, около семи лет прослуживший на Охтинском пороховом заводе под Петербургом)¹.

В общем же за время пребывания Пугачева в Оренбургском крае, на Южном Урале и в Прикамье (октябрь 1773 — июнь 1774 г.) его войско получило с 64 присоединившихся к восстанию заводов около 6200 бойцов (в пересчете на численность повстанческого полка — 12 полков), около 120 пушек, свыше 340 ружей, на 90 тыс. рублей продовольствия и фуража и почти 170 тысяч рублей чистыми деньгами)².

¹ «Пугачевщина». Т. II. М.—Л., 1929, стр. 142.

² «Вопросы истории», 1966, №3, стр. 132.

¹ «Пугачевщина». Т. I. док. №№10, 29, 35, 44, 46, 50, 51, 52.

¹ «Пугачевщина». Т. II, стр. 326; М. Н. Мартынов. Пугачевский атаман Иван Белобородов. Пермь, 1958, стр. 17, 42.

² А. И. Андрущенко. Крестьянская война 1773—1774 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969, стр. 337.

Однако уже к началу 1774 г. стали все отчетливее сказываться негативные стороны стихийного народного движения. Отсутствие четкого стратегического плана у руководителей восстания, слабая связь с отдаленными очагами повстанческой борьбы привели к тому, что Военная коллегия не смогла наладить надежного оперативного руководства действиями отрядов восставших на всей территории Крестьянской войны. Занятый осадой Оренбурга и Яицкого городка, Пугачев отказался от похода в Поволжье, что сужало массовую базу Крестьянской войны. Промедление Пугачева с осуществлением этого плана позволило правительству выиграть время для организации новой карательной экспедиции.

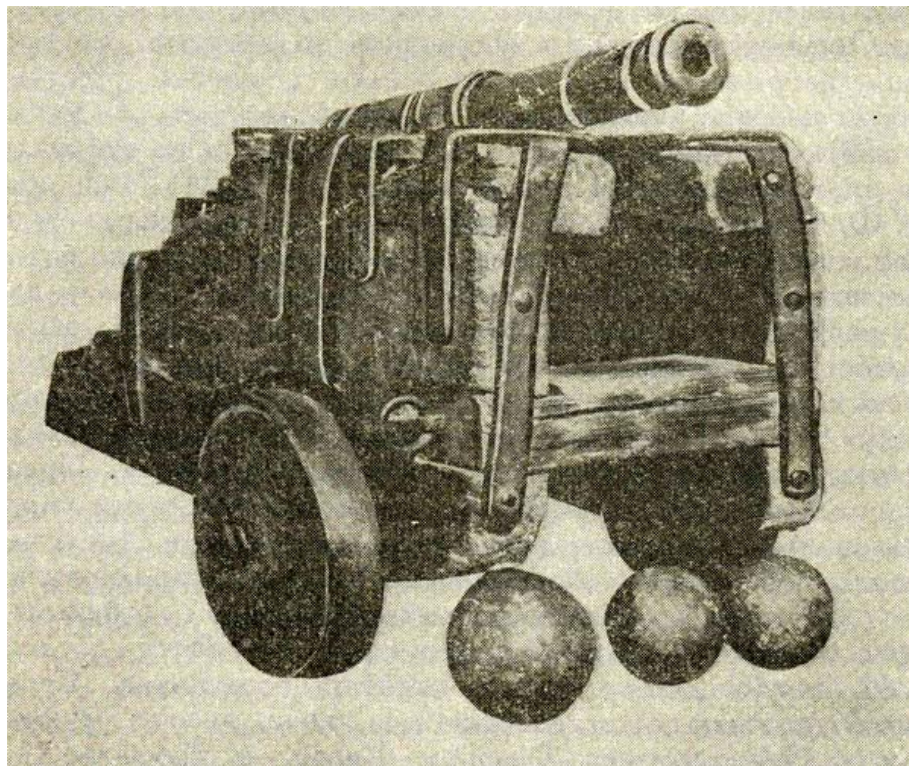
В декабре 1773 г. в районы восстания было отправлено до десяти кавалерийских и пехотных полков во главе с генералом А. И. Бибиковым. Карательные войска развернули наступление на широком фронте от Казани до Самары и вскоре нанесли ряд серьезных ударов повстанцам под Самарой, Алексеевском, Заинском, Бузулуком, Кунгуром и Екатеринбургом. Пугачев не смог оказать своевременную, военную помощь своими авангардными отрядами, которые вели неравную борьбу и отступали. Лишь после падения Бузулука (середина февраля 1774г.) он вывел часть сил из-под Оренбурга и пытался остановить дальнейшее продвижение неприятеля. Для генерального сражения Пугачев избрал наскоро укрепленную Татищеву крепость. В битве 22 марта повстанцы в течение шести часов упорно отбивали штурмующие колонны войск генералов П. М. Голицына, Ю. Ф. Фреймана и П. Д. Мансурова, но, наконец, были сломлены. Они потеряли всю артиллерию, понесли большие потери в живой силе. «Дело столь важно было, — писал после битвы генерал Голицын, — что я не ожидал такой дерзости и распоряжения в таковых непросвященных людях в военном ремесле, как есть сии побежденные бунтовщики»¹. Сам Пугачев, убедившись в трагическом исходе битвы, по настоянию своих сподвижников бежал к Оренбургу. Лишь отряд атамана А. Овчинникова сумел пробиться сквозь неприятельские войска и отойти к Илецкому городку. 24 марта карательный корпус подполковника И. И. Михельсона нанес поражение повстанцам в бою под Уфой, а вскоре захватил в плен и их предводителя — атамана И. Зарубина-Чикю и его ближайших соратников. Серьезный урон понесли восставшие и в других очагах движения (в Прикамье, на Среднем Урале, в Зауралье, на Нижнем Яике).

Сняв осаду Оренбурга, Пугачев в конце марта с остатками своих сил отошел к Каргале и Сакмарскому городку. 1 апреля здесь произошло новое сражение, в ходе которого войска генерала Голицына разбили Пугачева, захватили много пленных. В числе их оказались и видные сподвижники вождя восстания (М. Шигаев, Т. Падуров, М. Горшков, И. Почиталин, А. Витошнов и др.). С небольшим отрядом яицких казаков и башкир Пугачев сумел уйти от погони и укрылся в Уральских горах.

Крупные очаги восстания к середине апреля 1774 г. были разгромлены, но отдельные повстанческие отряды активно действовали в Прикамском крае (Бахтиар Канкаев), в Башкирии (Салават Юлаев), на заводах Южного Урала (И. Белобородое), в Оренбургских степях (А. Овчинников).

---

¹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1228, л. 390 и об.

Пушка войск Е. Пугачева

Сам Пугачев, укрывшись от преследования благодаря начавшемуся весеннему разливу рек, начал деятельную подготовку к организации нового повстанческого войска. Его манифесты вызвали новый мощный подъем освободительной борьбы. Поднялись на восстание трудовая Башкирия и горнозаводский Урал. Собрав на Белорецком заводе в главной своей ставке в апреле 1774 г. пятитысячное войско, Пугачев 6 мая захватил крепость Магнитную. Вскоре к ней подошли отряды атаманов Белобородова, Овчинникова и Перфильева. Продвигаясь отсюда на северо-восток, Пугачев овладел рядом крепостей (Карагайской, Петропавловской, Степной), а 19 мая штурмом взял Троицкую крепость. Однако, два дня спустя, в битве под этой крепостью повстанцы были разбиты войсками генерала И. А. Деколонга. С небольшим отрядом Пугачев снова отошел в Уральские горы. Его начал преследовать корпус подполковника И. И. Михельсона, который нанес повстанцам ряд сильных ударов. Но умело используя тактику партизанской борьбы, Пугачев каждый раз уходил от преследования, сберегал главные силы от окончательного разгрома, а потом снова собирал многотысячные отряды.

Вытесненный к началу июня из районов заводского Урала, Пугачев вступил в Прикамье, захватил Красноуфимск (10 июня), Осу (21 июня), Боткинский и Ижевский заводы (24—27 июня). Отсюда он решил вести свои отряды к Казани, а затем предпринять давно задуманный поход на Москву. 12 июля повстанцы штурмовали Казань, овладели предместьями и городом, но не смогли взять крепости-Кремля, где засели войска гарнизона. Вечером того же дня после боя с подошедшим корпусом Михельсона Пугачев вынужден был отойти от Казани. Бои под городом продолжались и 13 июля, но основное сражение развернулось 15 июля. Преодолев многочасовое упорнейшее сопротивление повстанцев, Михельсон нанес Пугачеву тяжелое поражение. Обе победы над Пугачевым под Казанью дали карателям ценой огромных усилий и значительных потерь. Сам Михельсон, опытный боевой офицер, награжденный за бои под Казанью императрицей Екатериной I золотой шпагой, украшенной бриллиантами, с изумлением отмечал невиданную стойкость и мужество пугачевского войска. Описывая первое из трех сражений (12 июля), он доносил, что пугачевцы «меня с великим криком и с такою пушечною и ружейною стрельбою картечами встретили, каковой я, будучи против разных неприятелей, редко видывал и от сих варваров не ожидал»¹. Оценивая действия повстанцев в битве 15 июля, Михельсон писал, что отряды Пугачева «наступали с такою пушечною и ружейною стрельбою и с таким отчаянием,

¹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 393.

коего только в лучших войсках найти надеялся»².

Потеряв в последней битве под Казанью всю артиллерию, до 2000 убитыми и 5000 пленными, Пугачев отошел на север и 17—18 июля перебрался с отрядом в 700 человек на правый берег Волги у Кокшайска.

Появление повстанцев на правом берегу Волги, в крае «классического» крепостничества, вызвало здесь повсеместные крестьянские восстания с участием нерусских народностей Поволжья. Вскоре после переправы Пугачев обнародовал знаменитый Июльский манифест — яркий антипомещичий документ. Манифест провозглашал освобождение крестьян от крепостной неволи и перевод их в разряд казачества, безвозмездную передачу народу земли со всеми ее угодьями, отмену подушной подати, других налогов и рекрутских наборов, повсеместное истребление дворян и администрации³.

Силы восставших росли. В Поволжье, кроме главного повстанческого войска, действовали многочисленные крестьянские отряды, насчитывающие сотни, а порой и тысячи бойцов. Движение охватило большинство поволжских уездов, подошло к границам Подмосковья. Создались реальные условия для похода повстанческого войска на Москву при опоре на многочисленные очаги крестьянских выступлений. Но именно в этот момент Пугачев, следуя ошибочному замыслу, решил покинуть районы массового крестьянского движения и устремился со своими главными силами на юг, к Дону, где надеялся пополнить отряды донскими казаками и лишь тогда предпринять поход к Москве. Продвигаясь на юг, войско Пугачева повсюду встречало поддержку простого народа. 17 июля Пугачев взял Цивильск, 20-го — Курмыш, 23-го — Алатырь, 27-го — Саранск, 2 августа — Пензу, 4-го — Петровск, 6-го штурмом овладел Саратовом. Набирая добровольцев из крестьян, горожан и казаков, Пугачев уходил все дальше на юг, оставляя за собой десятки разрозненных повстанческих отрядов.

Ошибочный стратегический замысел Пугачева позволил карателям по частям разгромить крестьянское движение в Среднем Поволжье, оттеснить главные повстанческие силы на юг, в малонаселенные степные районы Нижнего Поволжья.

В августе 1774 г. Екатерина II бросила против повстанцев значительную армию во главе с генерал-аншефом графом П. И. Паниным — свыше 20 пехотных и кавалерийских полков, казачьи части, дворянские корпуса. Эта сила, по словам императрицы, была способна привести в трепет любое соседнее с Россией государство. Войску Пугачева удалось еще взять Дмитриевск (Камышин) и Дубовку, увлечь за собой калмыков, часть волжских и донских казаков, но попытка овладеть штурмом Царицын 21 августа успеха не имела. После Царицына Пугачева покинули многие донские казаки, ушли калмыки.

Преследуемый корпусом Михельсона, Пугачев отступал вниз по Волге к Черному Яру, потеряв надежду поднять донское казачество. 25 августа в степи у Солениковой ватаги произошла последняя битва Пугачева против войска Михельсона. Из-за предательства группы заговорщиков — яицких казачьих старшин — повстанцы уже в начале боя лишились артиллерии. Недолгое сопротивление пугачевцев было сломлено. Не принесли успеха попытки Пугачева остановить беспорядочное отступление, а потом и бегство своих отрядов. На поле битвы Пугачев потерял до 2000 убитыми, каратели захватили в плен свыше 6000 повстанцев. В 17 верстах выше Черного Яра Пугачев с отрядом в 200 человек переправился на левый берег Волги и углубился в степи. 8 сентября 1774 г. у реки Малый Узень он был предательски схвачен заговорщиками из числа яицких старшин и 15 сентября передан военным властям.

Следствие над Пугачевым велось в Яицком городке и Симбирске, но основное дознание проходило в ноябре-декабре 1774 г. в Тайной экспедиции в Москве. В конце декабря состоялся судебный процесс по делу Пугачева и его главных сподвижников. На основании приговора суда, одобренного Екатериной II, 10 января 1775 г. на Болотной площади в Москве были казнены Пугачев и четверо его товарищей — А. Перфильев, М. Шигаев, Т. Падуров и В. Торнов¹. Остальные обвиняемые после тяжких телесных истязаний были сосланы на каторжные работы; семья Пугачева отправлена на «безысходное» заключение в крепость Кексгольм (ныне г. Приозерск на Ладого). В феврале 1775 г. в Уфе был казнен атаман И. Зарубин-Чика.

Но Крестьянская война не закончилась и после разгрома главного повстанческого войска.

² ЦГВИА, ф. 20, д. 1240, л. 348 и об.

³ «Пугачевщина». Т. I, док. № 19.

¹ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым (Публикация Р. В. Овчинникова).— «Вопросы истории», 1966, №3—5, 7, 9.

До ноября 1774 г. в Башкирии действовали отряды Салавата Юлаева (сам он, захваченный в плен, был сослан на каторжные работы в Эстонию, где погиб 26 сентября 1800 г.). Продолжали борьбу крестьяне Среднего Поволжья и центральных губерний. Движение в Нижнем Поволжье было подавлено только к лету 1775 г. Массовые репрессии против населения Поволжского края и Оренбургской губернии продолжались до середины 1775 г.

Несмотря на громадные успехи восстания, народ не смог взять верх в неравной борьбе против абсолютистского государства Екатерины II. Пугачев и его ближайшие сподвижники не могли преодолеть органических пороков, свойственных крупнейшим крестьянским выступлениям эпохи феодализма, внести решающие элементы организованности в стихийный ход борьбы, ликвидировать разобщенность действий восставших во множестве локальных очагов движения, создать дисциплинированную и боеспособную армию. Руководители восстания не могли выработать ясной и последовательной программы построения нового общественного строя, а все их усилия в этом направлении не пошли дальше представления о возможности создания некоей нежизненной крестьянско-казацкой утопии. К тому же в условиях России того времени не было таких сил, которые могли бы успешно предпринять и совершить социально-политический переворот в стране и создать новое общество.

Своими масштабами, массовым участием трудового населения в районах движения, продолжительностью Крестьянская война произвела неизгладимое впечатление на современников как в самой России, так и за ее рубежами. Один из видных приближенных Екатерины II, астраханский губернатор П. Н. Кречетников, еще в декабре 1773 г. писал, что поднятое Пугачевым восстание было страшнее, «нежели самая свирепая внешняя война»¹. И это была не фраза, а трезвая оценка значения Крестьянской войны для судьбы крепостнического строя. Выступление Пугачева поколебало извечные представления и трудового народа, и правящего класса феодалов о незыблемости и законности крепостнических порядков в России. Не случайно генерал-прокурор Сената князь Вяземский испрашивал у Екатерины II разрешения включить в текст приговора о казни Пугачева специальный тезис, подтверждающий незыблемость права дворян на личность и труд крепостных крестьян. «В сентенции, — писал Вяземский, — для большей ясности разсудили прибавить — в объяснение дворянского успокоения и утешения малодушных — речи, на каких надлежало б дворянству и крестьянству вновь доказать, что ее императорское величество твердо намерено дворян при их благоприобретенных правах и преимуществах сохранять нерушимо, а крестьян — в их повиновении и должности содержать»¹.

Грандиозное антифеодалное выступление на Юго-Востоке России во главе с Пугачевым не могло не вызвать всеобщего внимания современников за рубежом. События Крестьянской войны регулярно освещались в донесениях иностранных дипломатов при русском дворе, оживленно комментировались зарубежными газетами и журналами². Основываясь на донесениях своего посланника в Петербурге графа Сольмса, прусский король Фридрих II писал: «Я хорошо знаю, что главное внимание России в таковой момент казацкого восстания, переживаемый ею теперь, должно быть устремлено на подавление его. Это слишком важное дело, чтоб можно было откладывать его решение, и для России вполне необходимо приложить все свои старания, чтобы рассеять сначала эту грозу»³. Обильно информировал свое правительство о Пугачевском восстании английский посланник в России Роберт Гунниг, писавший в донесениях, что восстание было вызвано усилившимся угнетением народа, который «имеет справедливые основания к жалобам» и что «мятеж, приписываемый до сих пор Пугачеву и нескольким его последователям, в сущности обнаруживает обширное восстание самого тревожного характера»⁴. Он же отмечал, что «недовольство народа почти повсеместно... низшие классы, начиная от стен самой столицы, называют Пугачева не иначе, как Петр III»⁵. В таком же плане оценивали значение Крестьянской войны в своих реляциях австрийский посол граф Лобкович и французский посол Дюран.

Следует заметить, что западноевропейские государственные деятели и дипломаты

¹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1231, л. 232.

¹ «Вопросы истории», 1966, №9, стр. 147.

² См.: В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Л., 1961, стр. 261—282; П. Гоффман и Я. Вавра. Зарубежные отклики на восстание Пугачева (в коллективном исследовании «Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева». Т. III. Л., 1970, стр. 330—338.

³ Сборник Русского исторического общества. Т. 72, стр. 460.

⁴ Там же. Т. 19, стр. 432.

⁵ Там же, стр. 436—437.

пытались использовать внутривнутриполитические осложнения России, вызванные Крестьянской войной, в демаршах против внешней политики русского правительства (война с Турцией, польский и шведский вопросы).

Пугачевское восстание находило отклик в письмах зарубежных корреспондентов Екатерины II, барона М. Гримма, госпожи Бьельке, знаменитого Вольтера. Но их письма¹ муссировали преимущественно ту информацию, которую поставляла им сама Екатерина II, пытавшаяся изобразить Крестьянскую войну как безыдейное разбойничье выступление «маркиза» Пугачева, как бунт темной и необузданной черни, не осененный даже тенью политического сознания. Иностранные газеты и журналы, не имевшие, как правило, корреспондентской связи с Россией и довольствовавшиеся сообщениями «Санкт-Петербургских ведомостей» и сведениями из реляций дипломатических резидентов в Петербурге, заполняли подчас свои страницы самыми невероятными фантастическими измышлениями о Пугачеве и о возглавляемом им восстании.

Крестьянская война 1773-1775 гг. поколебала веру русского народа в незыблемость феодальных порядков. Последующее развитие классовой борьбы русского крестьянства шло до известной степени под воздействием примера Пугачевского восстания. Самодержавие и правительство, предпринимая те или иные шаги в области крестьянского вопроса, с тревогой наблюдая за ростом волнений в деревне и беспощадно подавляя их, постоянно оглядывались назад: за спиной стоял страшный призрак Крестьянской войны, призрак «Пугачевщины».

Крестьянская война 1773-1775 гг. оказала определенное воздействие на развитие освободительного движения и революционной мысли в России. Известным образом она повлияла на формирование антикрепостнической идеологии А. Н. Радищева и его окружения, ее опыт учитывался в программных положениях революционных демократов и народников. В речи на открытии в Москве в 1919 г. памятника Степану Разину В. И. Ленин отметил выдающийся вклад русского «мятежного крестьянства» в борьбу за свободу против притеснителей¹. Эта ленинская оценка с полным основанием может быть отнесена и к Крестьянской войне, под предводительством Пугачева.

Изучение истории Крестьянской войны 1773-1775 гг., начатое книгой А. С. Пушкина «История Пугачевского бунта» (СПб., 1834), интенсивно продолжается и в наши дни. Значительным вкладом в обширную историографию этого выдающегося события классовой борьбы XVIII столетия является вышедшее недавно коллективное исследование под редакцией профессора В. В. Мавродина «Крестьянская война в России в 1773-1775 гг. Восстание Пугачева». События, связанные с Пугачевским восстанием, нашли освещение во многих публикациях.

Однако имеющиеся исследования и публикации при всех их несомненных достоинствах не могут еще достаточно полно и основательно осветить обширный круг проблем истории Крестьянской войны. Некоторый вклад в решение этой задачи может внести содержание предлагаемого вниманию читателей настоящего сборника. Статьи, материалы и документы, публикуемые в нем, подготовлены историками, литераторами, фольклористами и краеведами Оренбургской области, Урала и Москвы,

А. И. АЛЕКСАНДРОВ

НА ГОРНОЗАВОДСКОМ УРАЛЕ

Восстание, поднятое Пугачевым в оренбургских степях, быстро перебросилось в горнозаводскую часть Южного Урала. Пугачевские посланцы встретили здесь единодушную поддержку. Приписные крестьяне южноуральских заводов активно пополняли ряды восставших.

6 декабря 1773 г. рабочие Златоустовского и Саткинского заводов направили своих разведчиков к пугачевцам. На Катав-Ивановском заводе они встретили пугачевского атамана И. С. Кузнецова, казака Табынской станицы. В Сатке этот атаман организовал власть «по народному выбору», взял 12 пушек, 250 ружей, 5 пудов пороха, 10000 рублей из заводской казны, много лошадей и быков.

24 декабря 1773 г. Златоустовский завод перешел под власть восставших. Атаман Кузнецов организовал здесь новую власть из выборных, забрал много оружия, пороха, заводских лошадей,

¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 13.

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 38, стр. 326.

распустил по домам до 500 человек чувашской и мордовской национальностей, приписанных к заводу, 250 русских вольнонаемных рабочих были направлены в армию Пугачева. Позднее в этом районе появился небольшой отряд атамана Ивана Никифоровича Грязнова, который быстро вырос до 700 человек.

Ближайший сподвижник Пугачева Иван Никифорович Зарубин-Чика поручил атаману, а позднее полковнику пугачевских войск Грязнову осадить и взять центр Исецкой провинции — город Челябинск. В Челябинске имелась небольшая деревянная крепость с двумя башнями. Населенная часть города по обеим сторонам р. Миасс была укреплена заплотом, рогатками и надолбами. На 1 января 1774 г. тут, помимо казенных строений, насчитывалось 412 обывательских домов.

Городской гарнизон составляли 450 казаков и солдат. К концу декабря 1773 г. он достиг 2 тысяч человек при 18 орудиях. Гарнизон, как отмечал исецкий воевода А. П. Веревкин, был крайне ненадежен. В письме сибирскому губернатору Д. И. Чичерину воевода доносил, что почти вся Исецкая провинция перешла на сторону восставших.

5 января 1774 г. в гарнизоне вспыхнуло восстание. И хотя его удалось подавить, положение в городе оставалось тревожным.

8 января 1774 г. к Челябинску подошел отряд атамана Грязнова. Он остановился в двух верстах от города, в деревне Маткиной, или Одноворовой (теперь эта черта входит в юго-западную часть Челябинска).

«Временные казаки» и городское население, собранные для защиты Челябинска, почти все разбежались. Тут остались только регулярные войска, рота Тобольского батальона и рота рекрутов, созданная на средства челябинского купечества. Восставшие челябинские казаки во главе с хорунжим Наумом Невзоровыш присоединились к отряду Грязнова. После обстрела, не желая лишнего кровопролития, Грязное потребовал добровольной сдачи города. С этой целью он направляет два воззвания: одно — к исполнявшему должность исецкого воеводы В. И. Свербееву, второе — к жителям города, солдатам гарнизона.

Обращаясь к жителям Челябинска, Грязное писал о справедливости поднятой Пугачевым войны, направленной на освобождение трудового народа.

«Говорю я вам, всему свету известно, сколько во изнурение приведена Россия. От кого же? Вам самим-то небезызвестно: дворянство обладает крестьянами, но хотя в законе божьем и написано, чтоб они крестьян также содержала, как и детей, но они не только за работника, но хуже почтили полян своих, с которыми гоняли за зайцами. Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что и в ссылках того никогда не бывало да и нет... И через то он соизволил... о крестьянах указать, чтобы у дворян их не было во владении»¹.

9 января 1774 г. к Челябинску подошел небольшой отряд секунд-майора Фадеева, следовавший из Тобольска для принятия команды над осажденным гарнизоном. Ему с боем удалось прорваться в город и несколько ободрить местные власти.

10 января к отряду Ивана Грязнова присоединились пришедшие под Челябинск крестьяне-повстанцы Кыштымского и Каслинского заводов, принадлежащих Демидову, а также несколько солдат и казаков тобольского отряда. Во главе повстанцев Кыштымского и Каслинского заводов стоял работный человек Григорий Туманов — один из видных организаторов крестьянского движения. Будучи походным атаманом Пугачева, он вместе с Иваном Грязновым возглавил руководство осадой Челябинска. Туманов хорошо говорил на татарском языке, знал русскую и мусульманскую грамоту. Позднее Пугачев назначил его секретарем своей Военной коллегии.

Армия Ивана Грязнова теперь состояла из 5 тысяч человек и 8 пушек. Грязнов решил взять город штурмом. Бой начался 10 января и продолжался около пяти часов. Повстанцы несли большие потери. Узнав о движении к Челябинску корпуса сибирских войск под командованием генерал-поручика И. А. Деколонга, Грязнов отступил к деревне Першиной, потам отошел к Чебаркульской крепости. Оставив под Челябинском небольшой отряд, он приказал ему блокировать город.

13 января войска генерала Деколонга после непродолжительного боя с повстанцами вступили в Челябинск. Главные виновники восстания (13 человек) 29 января 1774 г. были публично жестоко избиты, их клеймили каленым железом и сослали на каторжные работы. Среди них оказались государственный крестьянин Чумляцкой слободы Лаптев остальные — челябинские

¹ «Пугачевщина». Т. I. М.—Л., 1926, док. №70.

казаки.

Пополнив свое войско новыми отрядами башкир и горнозаводских крестьян, Иван Грязнов решает вновь предпринять наступление на город. В конце января, оставив Чебаркульскую крепость, он с 4-тысячным отрядом сбил передовые заслоны правительственных войск, занял деревню Першино, расположенную в пяти верстах от Челябинска.

Окрестное население радостно встречало восставших и охотно к ним присоединялось. Город оказался полностью заблокированным. Деколонг, бросив все свои силы против Грязнова, 1 февраля 1774 г. двинулся к деревне Першино. Бой длился весь день. Восьмого февраля двухтысячный отряд Деколонга был вынужден оставить Челябинск.

По существу, это напоминало бегство. В городе было брошено 648 четвертей муки, 37 четвертей круп, 389 четвертей овса, 20 479 пудов соли. Крестьянские отряды преследовали Деколонга, неоднократно нападали на его обозы; местное население, покидая деревни, укрывалось в лесах, чтобы не обслуживать карателей. Люди забирали с собой все припасы, скот, лошадей.

14 февраля Деколонг доносил генералу А. Скалону в Омске:

«Многие государственные, экономические и прочих ведомств крестьяне добровольно, без всякого от злодея принуждения не только к стопам его преклоняются, но, рассылая от себя к его партизанам нарочных, призывают в свои жительства...»¹

Заняв Челябинск, пугачевцы превратили его в свой опорный пункт. Город и уезд охранял повстанческий отряд атамана Григория Туманова. Отряд имел семь чугунных пушек. Башкирские отряды старшин Бейгазы Козямышева и Исы Токмагулова стояли вне стен города отдельными гарнизонами.

Позднее в бою под Троицком Туманов был захвачен в плен и отправлен генералом Деколонгом в Верхне-Яицкую крепость. Во время перевода в Оренбург, группа, сопровождавшая Туманова, и он сам были захвачены «набежавшими из орды киргизцами». Дальнейшая судьба этого человека неизвестна...

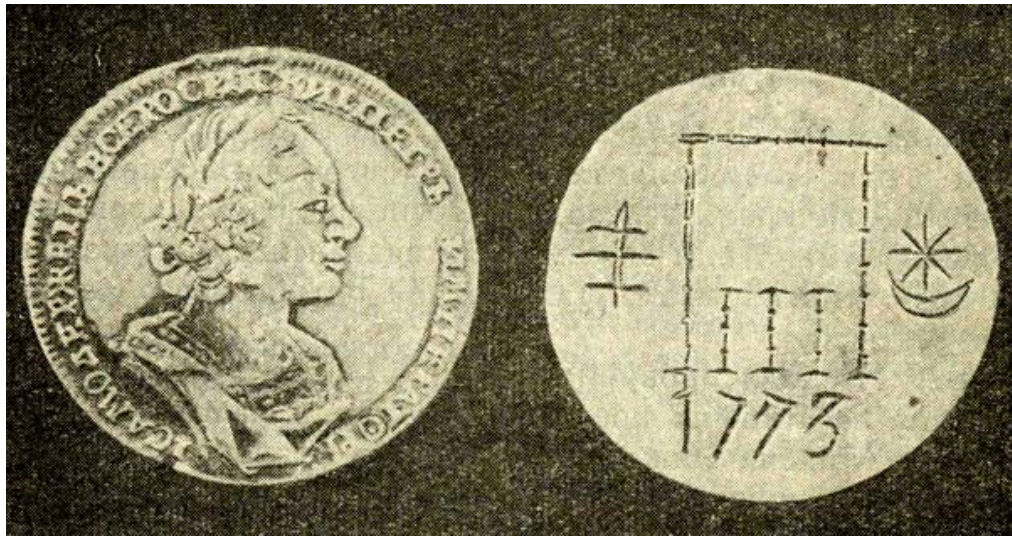
Вся Исецкая провинция, весь Южный Урал оказались в руках восставших крестьян, башкир и работных людей. Атаман Михаил Ряжев, отделившись от войска Грязнова, занял Миасскую крепость и направился в село Бродокалмак, подчиняя себе близлежащие деревни. Другой вожак крестьян, капрал Матвей Евсеев, прибыл с отрядом в село Течинское, где был встречен народом и священником с иконами, колокольным звоном и пением. В торжественной обстановке, после оглашения манифеста Пугачева, были сожжены все дела и долговые записи, назначены атаман и есаул.

В январе-феврале 1774 г. на сторону Пугачева в Исецкой провинции перешли Уйская, Коелгинская, Кичигинская, Еткульская, Еманжелинская, Миасская, Санарская казачьи крепости, а также все слободы Челябинского уезда: Верхне- и Нижне-Увельская, Течинская, Чумляцкая со всеми приписанными к ним селами и деревнями.

К числу ближайших сподвижников Пугачева относится Иван Наумович Белобородов. Отставной канонир, он примкнул к восставшим в декабре 1773 г. Вскоре Белобородов стал одним из руководителей повстанческого движения сначала на Среднем, а потом на Южном Урале. Армия Белобородова быстро росла и достигла трех тысяч человек. Вначале она занимала Билимбеевский и Нижне-Шайтанский заводы под Екатеринбургом.

---

¹ Х. Муратов. Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. Воениздат, 1954, стр. 101.

Медаль-рублевик, которой, по преданию, награждались сподвижники Пугачева. Справа — обратная сторона медали

В конце февраля 1774 г. Белобородов, потерпев поражение под Екатеринбургом, захватил Каслинский завод. Весной 1774 г. базой действий Белобородова стал Саткинский завод (основан в 1758 году). Это предприятие — одно из самых крупных на Южном Урале — давало ежегодно 184 тысячи пудов железа и 2 тысячи пудов меди. Здесь было занято около двух тысяч крестьян и работных людей. Все они перешли на сторону восставших.

Отряды Белобородова с боями прошли более 2500 километров. В Исецкой провинции И. Белобородов в начале мая 1774 г. присоединился к отрядам Е. Пугачева¹.

Восстание в Башкирии началось под воздействием манифестов Пугачева в октябре 1774 г. Народ выдвинул здесь своих предводителей — Салавата Юлаева, Кинзю Арсланова, Юлая Азналина, Батыркая Иткинина.

В декабре 1773 г. Пугачев направил в Башкирию старшинского сына Салавата Юлаева, присвоив ему чин повстанческого полковника. Такой чин был присвоен Салавату «по Просьбе бывших в его команде башкирцев». А было ему в ту пору всего лишь 21 год. Очень скоро Салават Юлаев стал одним из крупных вожakov повстанческого движения в Кунгурско-Красноуфимском районе и на Южном Урале.

Усилив свои отряды в районе Златоустовских заводов, Салават Юлаев в середине апреля 1774 г. направился к Симскому заводу, принадлежащему купцу Твердышеву. Работные люди и крепостные крестьяне радостно встретили повстанцев. К ним присоединились крестьяне Юрюзанского завода, вскоре был взят Катав-Ивановский завод. Многие из его работников вступили в отряд Юлаева. После ряда ожесточенных боев с отрядом Михельсона, Салават Юлаев в начале июня 1774 г. соединился с главными силами Пугачева в верховьях реки Ай.

Одним из ближайших помощников Пугачева являлся секретарь Военной коллегии повстанцев 30-летний Алексей Дубровский (под этим псевдонимом действовал бывший мценский кузнец и работный человек Златоустовского завода Иван Степанович Трофимов).

Вместе с работными людьми Златоустовского завода Дубровский перешел на сторону пугачевцев и в начале июня 1774 г. стал секретарем Военной коллегии Пугачева, оставаясь верным его помощником до последних дней восстания¹. Дубровский составлял основные документы, воззвания, приказы Пугачева и ему принадлежит авторство одного из замечательных манифестов Пугачева от июля 1774 г., провозгласившего основы крестьянской вольности:

«Повелеваем сим нашим имениным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах, оных супротивников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить, и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян всякий

¹ М. Мартынов. Пугачевский атаман Иван Белобородов. Пермь, 1958, стр. 1—52.

¹ «Пугачевщина». Т. II. М.— Л., стр. 220.

может возчувствовать тишину и спокойную жизнь...»¹.

К началу апреля 1774 г., отступая под натиском карателей, под Челябинском сосредоточилось до 5 тысяч повстанцев, из них 2 тысячи башкирских всадников. Командовали ими пугачевские полковники И. Грязнов, М. Михайловских, атаманы Г. Туманов и другие.

Не сдержав давления военной команды секунд-майора Д. О. Гагрин, повстанцы оставили Челябинск и отступили к Чебаркульской крепости. Но это было временное поражение. С появлением на Южном Урале Пугачева повстанцы снова возобновили свои активные действия. Заняв Вознесенский и Авзяно-Петровский заводы, они двинулись к Белорецкому заводу.

С Саткинского завода к Пугачеву, захватившему Магнитную крепость, пришел И. Белобородое с отрядом в 700 человек. Сюда же были собраны башкирские повстанческие отряды. Пугачев обещал вернуть башкирскому народу за верную службу все земли, ранее отнятые у него царским правительством.

Начинается новое формирование повстанческой армии. К лету 1774 г. пугачевское войско достигает 5 тысяч человек. 6 мая восставшие штурмом овладевают Магнитной крепостью. Здесь они стояли два дня. Со своими отрядами, с Нижнего Яика сюда прибыли атаманы А. Овчинников и А. Перфильев.

20 мая 12-тысячная пугачевская армия заняла Троицкую крепость, но вскоре вынуждена была ее оставить под натиском превосходящих сил противника. Двумя днями позже в 20 верстах от слободы Кундравинской Пугачев неожиданно встретился с отрядом правительственных войск подполковника Михельсона. Свои главные силы он направил на левый фланг, вынудив Михельсона производить перестроение во время боя. Пугачев атаковал конницей этот фланг противника и смял его. Солдаты в панике бросились бежать. Но повстанцы увлеклись преследованием. Михельсон, воспользовавшись этим, атаковал их во главе эскадрона изюмских гусар. Повстанцы отступили. В этом сражении Пугачев потерял последнюю пушку, «но людей, — как показал позднее Чумаков, — осталось множество».

Пугачев двинулся в горнозаводскую часть Южного Урала. С отрядом в 500 человек — русских крестьян и казаков — он уходил по Кундравинской дороге. Переправившись через р. Миасс, Пугачев останавливается в 35 верстах от Челябинска в башкирской деревне Байгазиной. В районе ее он соединяется с повстанческим отрядом Салавата Юлаева.

Получив сообщение о массовом крестьянском движении в Поволжье, Пугачев решил идти на помощь восставшим.

В середине июня 1774 г. Салават взял крепость Бирск и пошел на помощь Пугачеву, осаждавшему Осу — город на Каме. Под Осой Салават Юлаев был тяжело ранен, и Пугачев после сдачи Осы направился под Казань. К этому времени главные силы восставших вышли за пределы Южного Урала.

Направляясь в сторону Казани, руководители восстания, чтобы лишить преследующие их правительственные войска материальной базы и людских резервов, дают приказ об уничтожении покидаемых заводов и крепостей.

Несмотря на уход армии Пугачева из Исецкой провинции, повстанческое движение здесь продолжалось в виде партизанских действий отдельных разрозненных отрядов.

Лето 1774 г., когда восстание охватило Поволжье, явилось периодом самого массового движения. Но оторванность от Урала, как арсенала восстания и базы пополнения рядов восставших наиболее стойкими бойцами из среды горнозаводских крестьян и работных людей, давала заметно себя чувствовать.

После сражения под Казанью Пугачев сначала двинулся на Москву, но, учитывая перевес сил правительственных войск, свернул на юг, чтобы поднять на борьбу донских казаков. Однако правительство Екатерины II, быстро заключив к этому времени мир с Турцией, бросило против Пугачева огромную по тому времени армию — около 20 пехотных полков, несколько эскадронов конницы и легких полевых команд, два дворянских корпуса и около тысячи украинских казаков.

После поражения 25 августа 1774 г. под Царицыном Пугачев потерял надежду пробиться на Дон. Он переправился на левобережье Волги, чтобы снова двинуться на Яик и Урал. Но среди повстанцев начались раскол и измена. Пугачев был схвачен казаками и выдан правительству.

С именем Е. И. Пугачева на Урале связано много легенд и народных преданий.

Так, народная молва свидетельствует о том, что от правительственных отрядов Михельсона

¹ «Пугачевщина». Т. I. М—Л., 1926, док. №19:

Пугачев скрывался в мае 1774 г. с башкирцем-проводником в лесной глуши около озера Тургояк, что якобы само название этого озера (по-башкирски «Стоп-нога») связано с тем, что, ведя отряд Пугачева сквозь лесную чащу, проводник увидел гладь большого озера и крикнул «Тургояк!». Здесь и был разбит стан.

Много пугачевских преданий связано с горой Копанец на берегу Большой Сатки, с горой Дележной около д. Медведевой на правом берегу реки Ай.

Мятежные мотивы в годы Пугачевского восстания проникли в бытовую обрядность. Очевидцы так описывают крестины у казаков-старообрядцев. Когда мать приносила новорожденного к атаману, он спрашивал:

«— Чураешься барина и всех дел его?

— Чураюсь! — отвечала за ребенка мать.

— Будешь бить помещиков?

— Буду!

— Целуй саблю и пистолет!»

В истории России Крестьянская война под руководством Пугачева — одна из ярких страниц в летописи борьбы южноуральцев против царского произвола и угнетения.

Р. В. ОВЧИННИКОВ

ДОКУМЕНТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

I

Кризисные явления общественной жизни такого масштаба, как Крестьянская война в России в 1773-1775 гг., замечательны тем, что они выдвинули на авансцену истории выходцев трудового народа, людей большого природного ума, беззаветной отваги. Люди эти, прозябавшие дотоле в безвестности обыденной жизни, стали в ходе драматических событий народной борьбы героями исторических хроник, их боевые дела запечатлены на страницах архивных документов и в поэтической памяти народа.

Довольно хорошо изучена и освещена в нашей литературе деятельность таких выдающихся предводителей Крестьянской войны 1773-1775 гг., как Емельян Иванович Пугачев, Иван Никифорович Зарубин-Чика, Иван Наумович Белобородов, Иван Никифорович Грязнов, Кинзя Арсланов, Салават Юлаев и другие¹. Пристальное внимание историков и литераторов к биографиям Пугачева и его ближайших соратников обусловлено ведущей ролью этих деятелей в событиях Пугачевского восстания. Изучение их жизненного пути и боевой деятельности облегчает наличие довольно значительного количества исторических источников: документов, принадлежащих их перу или исходивших от их имени подробнейших протоколов их следственных показаний, официальной переписки военных и гражданских властей правительственного лагеря, мемуарных свидетельств современников и очевидцев восстания.

Меньше повезло в этом отношении в литературных и в исторических источниках тем деятелям Пугачевского восстания, которые находились как бы на втором плане событий 1773—1774 гг. Здесь имеются в виду руководители небольших отрядов восставших, организаторы борьбы в отдаленных очагах повстанческого движения. Имена этих деятелей лишь эпизодически встречаются в опубликованных исторических материалах, отрывочные сведения о них не дают возможности представить в полном объеме и последовательности характер их личного участия в Крестьянской войне. Между тем изучение их жизненного пути и боевой деятельности имеет первостепенное значение в исследовании генеральных и частных проблем истории Пугачевского восстания. Как эмиссары главной ставки Пугачева, эти деятели «второго плана» являлись инициаторами народных выступлений в отдаленных районах повстанческого края, способствовали развитию восстания вширь и вглубь. Они вступали в командование созданными ими же

---

¹ Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панях: Пугачев и его сподвижники. М.—Л., 1965; М. В. Жижка. Емельян Пугачев, М., 1951; М. Н. Матынов. Пугачевский атаман Иван Белобородов. Пермь, 1958; Салават Юлаев. К 200-летию со дня рождения. Уфа, 1952; А. Н. Усманов. Кинзя Арсланов — выдающийся сподвижник Пугачева. — «Исторические записки», т. 71, М., 1962; Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Т. I—III. Л., 1961—1970 (отв. редактор В. В. Мавродин; автор I тома — В. В. Мавродин, II и III тома — коллективная монография).

повстанческими отрядами. Боевые операции этих отрядов облегчили действия главных сил Пугачева, занятых осадой Оренбурга. Они обеспечивали пополнение Большого войска восставших новыми бойцами, снабжали его провиантом, фуражом, деньгами, оружием и боеприпасами. Они же первыми испытывали на себе тяжесть арьергардных боев против регулярных частей карательной армии, наступавшей зимой и весной 1774 г. к блокированным восставшими Оренбургу, Уфе, Челябинску и Яицкому городку. Бойцов отрядов ждали тяжкие испытания, многие из них пали в бою, другие оказались в плену, где подвергались жестоким телесным наказаниям, приговаривались к смертной казни, каторжным работам и к ссылке на вечное поселение. Они капитулировали перед властями Екатерины II лишь в безысходных ситуациях разгрома движения и стоически переносили репрессии.

Воссоздать жизненный опыт этих людей — благородная задача советской исторической науки. Необходимы большие трудоемкие усилия, чтобы среди множества документов о Пугачевском восстании, хранящихся в Государственных архивах СССР, обнаружить новые, доселе неизвестные источники. В этом отношении автору настоящей статьи за последние годы сопутствовали определенные удачи.

В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) и Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (ЦГВИА) внимание автора привлекли документы, о существовании которых прежде не знали. Наибольший интерес среди них представляют протоколы следственных показаний пленных повстанцев. Содержание этих документов, принадлежащих к разряду правительственных, освещает и оценивает события Пугачевского восстания с позиции его участников. Протокольные записи велись судейскими чиновниками, им присущи официозная фразеология и терминология: Пугачев именуется не иначе, как «государственный злодей, разбойник и самозванец», повстанческая Военная коллегия — «злодейской коллегией», а отряды восставших — «злодейскими толпами, шайками» и т. п. Но сквозь эти наслоения, сквозь «суздальскую мазню» застеночных протоколов отчетливо проступает подлинная история в том виде, как запечатлелась она в памяти подследственных, проступает реальный облик людей — участников восстания. В известном смысле протоколы следственных показаний следует рассматривать как автобиографические воспоминания повстанцев, записанные с их слов следователями.

Говоря о значении протоколов, как исторических источников, необходимо учитывать специфические условия их появления. Во время следствия, о чем нетрудно догадаться, проходила своеобразная психологическая борьба между следователем и подследственным. Первый из них, используя пытки и истязания, стремился (иногда в ущерб истине) добиться показаний, усугубляющих вину и участь подследственного. А последний, стремясь избежать новых истязаний, спасая свою жизнь, старался умалить свою истинную роль в событиях, связанных с восстанием. Его показания сводились к тому, что он примкнул к восставшим не по доброй воле, а «подневольно», что он исполнял поручения руководителей восстания, «из страха смерти», что он «по скудоумию» верил в то, что Пугачев — это подлинный «император Петр III», а затем, узнав об обмане, решил добровольно сдаться властям, и теперь, находясь «в руках следствия», осуждает Пугачева за самозванство и раскаивается в содеянном и т. п. Такие заявления, чаще всего не соответствующие истине, не принимались обычно всерьез следователем при вынесении приговора подследственному. Тем более подобного рода показания не должны приниматься в расчет современным исследователем, который, располагая многими другими документальными источниками, может установить истинную роль того или иного участника восстания в событиях 1773—1774 гг.

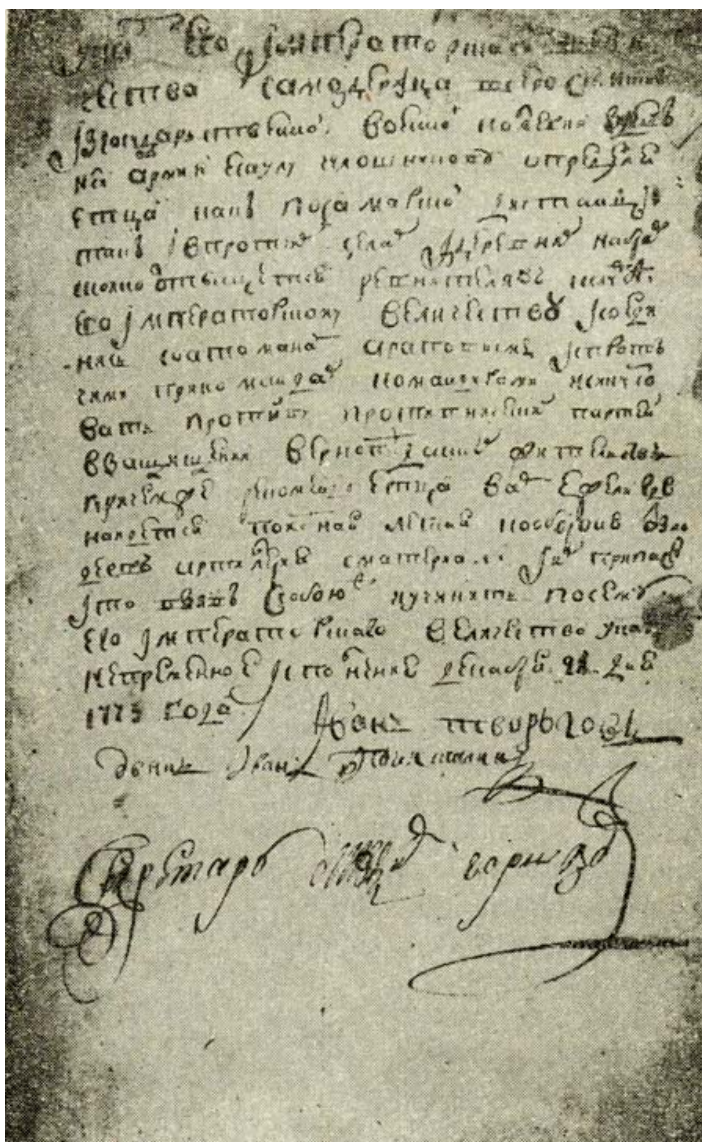
Из числа выявленных протоколов следственных показаний повстанцев в настоящей статье публикуются протоколы допросов двух пугачевских деятелей — отставного драгуна Ефима Ярыгина и атамана казаков Тоцкой крепости Никифора Чулошникова.

Ефим Ярыгин примкнул к восстанию в начале декабря 1773 г. Первоначально он исполнял обязанности курьера у пугачевских атаманов Г. Давыдова, Н. Чулошникова и И. Арапова. В этой должности Ярыгин и посетил в начале января 1774 г. Бердскую слободу под Оренбургом. Здесь располагалась главная ставка Пугачева и находилась повстанческая Военная коллегия. Позднее, исполняя предписание этой коллегии и атамана Н. Чулошникова, Ярыгин сформировал повстанческий отряд из жителей Сарбайской, Саврушинской и Аманатской слобод, с которым нес караульную службу в окрестностях этих слобод. В начале февраля 1774 г. он привел свой отряд в

Бузулукскую крепость и присоединился к отрядам атамана И. Арапова — руководителя повстанческого движения в Волжско-Самарском районе восстания. Тут 14 февраля 1774 г. Ярыгин участвовал в сражении против карательного корпуса генерала Мансурова, которое закончилось для повстанцев неудачно, позднее командовал небольшим отрядом, прикрывавшим Самарскую дорогу у Тоцкой крепости. После ряда арьергардных стычек с наступающим неприятелем, отряд отошел к Рассыпной крепости. Здесь Ярыгину стало известно о разгроме главных сил Пугачева в битве под Татищевой крепостью 22 марта 1774 г. Отступая с отрядом атамана А. Овчинникова к Яицкому городку, Ярыгин, поддавшись начавшейся панике, покинул этот отряд с группой повстанцев и вскоре сдался военным властям. Следствием его дела занималась Оренбургская секретная комиссия.

Показания Ярыгина представляют интерес как источник, довольно полно освещающий начало повстанческого движения в западных уездах Оренбургской губернии (район Бугуруслана). В декабре 1773 г. Ярыгин сообщил ценные сведения об организации повстанческих сил в этом районе, о действиях таких видных атаманов, как И. Арапов, Г. Давыдов, Н. Чулошников, об их постоянной связи с Военной коллегией Пугачева. Вместе с тем показания интересны и в том отношении, что они дают отчетливое представление о стихийном распаде движения по мере разгрома главных сил Пугачева — об явлении, столь характерном для Крестьянской войны.

Указ пугачевской Военной коллегии есаулу Н. Чулошникову о наборе добровольцев в повстанческие отряды и о совместных боевых действиях с атаманом И. Ф. Араповым 21 декабря 1773 г. фотокопия воспроизводится впервые

Более крупным предводителем восставших в этом районе был Никифор Чулошников. Имя

его чаще встречается в литературе и исторических источниках. Среди документов повстанческого движения сохранился адресованный ему указ Военной коллегии от 21 декабря 1773 г.¹ Протокол следственных показаний Чулошникова не только содержит последовательное описание деятельности этого видного пу-гачевца, но и позволяет отметить ошибочное утверждение о гибели Чулошникова в битве 22 марта 1774 г. под Татищевой крепостью, появившееся за последнее время в литературе².

Чулошников примкнул к восстанию в октябре 1773 г., до ноября того же года находился под Оренбургом, участвуя в осаде города. В конце ноября в чине есаула был послан Военной коллегией Пугачева в Бузулукскую и Тоцкую крепости для заготовления провианта, который и был позднее доставлен в Бердскую слободу. В конце декабря 1773 г., исполняя предписание Военной коллегии, сформировал отряд (93 человека), с которым пошел в Алексеевск под Самару на соединение с атаманом И. Араповым. Позднее, отступая вместе с ним по Старо-Московской (Самарской) дороге, вел арьергардные бои под Алексеевской, у Борской и Бузулукской крепостей (14 февраля 1774 г.), у Сорочинской крепости; 22 марта 1774 г. вместе с главными силами Пугачева участвовал в битве под Татищевой крепостью. После поражения здесь вместе с отрядом атамана А. Овчинникова отошел к Илецкому городку. В начале апреля 1774 г. был взят в плен и доставлен в Оренбург. До конца июня того же года находился под следствием в Оренбургской секретной комиссии.

Показания Чулошникова очень скупы, он старательно обходил те эпизоды, которые могли бы раскрыть его видную роль в событиях зимы и весны 1774 г. в западных уездах Оренбургской губернии. Тем не менее в этих показаниях можно найти интересный материал о том, при каких обстоятельствах перешли жители Сорочинской крепости на сторону повстанцев после прибытия туда отряда пугачевского полковника Д. Лысова, о мероприятиях Военной коллегии Пугачева, предусматривавших заготовление провианта для главного войска восставших под Оренбургом, о действиях отрядов атамана И. Арапова. Основная же ценность показаний Чулошникова заключается в том, что они освещают неизвестные ранее страницы биографии этого человека.

Рассматривая дело Чулошникова, Оренбургская секретная комиссия не поверила его показаниям о том, что он добровольно решил сдаться в плен властям. В приговоре комиссии говорилось: «Тоцкой крепости атаман Чулошников. Хотя из допроса его видно, что намерение имел явитца, но другие товарищи его в том не утвердили. А потому не видно его истинного и чистосердечного раскаяния. Лишить атаманскую чину, высечь нещадно плетьюми и написать в простые казаки до выслуги»¹.

Публикуемые ниже протоколы допросов Ефима Ярыгина и Никифора Чулошникова извлечены из документов делопроизводства Оренбургской секретной комиссии, находящихся в ЦГАДА. Документы снабжены примечаниями, содержащими необходимые фактические сведения об упоминаемых лицах, о событиях, учреждениях и т. п., а также раскрывающими ошибочные показания по конкретным вопросам.

Протокол показаний отставного драгуна Ефима Ярыгина на допросе в Оренбургской секретной комиссии 23 июня 1774 г.

В 1774 г. июня 23 дня отставной драгун Ефим Ярыгин (на которого показано, что он был от злодейских начальников послан в жительство для уверения о самозванце и набирания людей к нему в службу) в секретной комиссии допрашивай и показал.

В службу я вступил в 1750 г. из солдатских детей и продолжал оную 20 лет в Билярском конном полку. При вступлении в оную в верной ея императорскому величеству службе у присяги был. За что ведено чинить штраф и наказание знаю. О смерти покойного императора Петра Третьего я слышал.

А в 1771 г. за преломлением ноги из оног полку отставлен на свое пропитание и поселен в Аманатской слободе, в которой и жил.

¹ «Пугачевщина». Т. I. М.—Л., 1926, док. № 42 (стр. 58).

² Т. И. Беликов. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И., Пугачева (1773—1775 гг.). Элиста, 1971, стр. 100. Здесь же ошибочно утверждается, что в этом же сражении погиб и другой пугачевский атаман — Степан Речкин.

¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. II, л. 336.

А как в прошлом 1773 г. проявился в Оренбургской губернии самозванец, беглой донской казак Емелька Пугачев, о том опубликованныя ея императорского величества манифесты я слышал¹.

Но декабря 6 числа ездил я из дому своего для покупки соли в Бугурусланскую слободу, где и ночевал две ночи у тестя своего, потому что тогда у них был храмовой праздник чудотворца Николая. А на третий день приехал в тое слободу из самозванцовой толпы, называющейся полковником ис калмык Ганбунг² и с ним Кинельской слободы черкас человек с 50. А как он, Ярыгин, в то время пошел было купить соли к анбарам, то меня, не допустя до оных, взяли вышеописанные черкасы и привели обще с тремя малолетками, солдатскими детьми Аманастской же слободы, к реченому Ганбунгу, который их спросил, что мы за люди и кому мы служим. На что я сказал, что служим всемилостивейшей государыне Екатерине Алексеевне. А Ганбунг на сие сказал: «Как? Разве ты не слышал, что ныне есть государь Петр Федорович?» На что я отвечал, што про государя Петра Федоровича более ничего не слышал, как только, што он скончался. А Ганбунг азартно закричал на меня: «Врешь, дурак! За едакие слова должно тебя повесить! Но естли де ты пойдешь к государю в службу, то останесся жить. А когда не пойдешь, то не довольно тебя велю умертвить, но и всю вашу слободу разорю». Чего я испугавшись, сказал ему: «Рад батюшке государю Петру Федоровичу служить». Где тот самой час и обрезали у меня волосы по-казачьи. Потом приказал он, Ганбунг, своему писарю написать приказ в нашу Аманатскую слободу к командиру, отставному вахмистру Карнаухову в такой силе, чтоб он приехал к нему с 30 человеками служить государю. С которым приказом и послал он ис предписанных малолетков двух человек. Почему на другой день тот вахмистр Карнаухов с 30 человеками к нему, Ганбунгу, и приехал, которые и находились тут трои сутки. Потом пожаловал Ганбунг того Карнаухова в нашу слободу атаманом и отпустил всех в дома, в том числе и меня, приказав притом: когда будут спрошены, чтоб были в готовности. А потом после их и сам он, Ганбунг, уехал неведомо куда.

Потом от самозванца в Бугуруслан прислан был начальником той же слободы депутат Гаврила Давыдов.³

В бытность же мою в доме пришел к нам в слободу капитана Толстого беглой человек, как зовут, — не знаю, которой атамана Карнаухова просил, чтоб принят был в службу к самозванцу. Карнаухов послал его со мною в Бугуруслан к депутату Давыдову. Куда приехав, Давыдов, приняв от меня онаго человека, определив в казаки, а меня послал с сообщением к атаману Арапову⁴ в Борскую крепость. Но я его тут не застал, а сказывали, что он поехал в Бузулук, но я и тут его не нашел. Но как в Бузулуке сказали мне, что в Тоцкой крепости находится команды Арапова есаул

¹ Имеется, в виду манифест Екатерины II от 15 октября 1773 г. об отправлении карательной команды генерал-майора В. А. Кара для подавления восстания, поднятого в пределах Оренбургской губернии Е. И. Пугачевым (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 9, ч. I, М.— Л., 1938, стр. 164), а также, возможно, манифест от 23 декабря 1773 г. «О бунте казака Пугачева и о мерах, принятых к искоренению сего злодея» (Полное собрание законов Российской империи. Т. XIX, № 14091).

² Калмыцкий повстанческий отряд пугачевского полковника Ганбунга был одним из отрядов, действовавших в Ставропольско-Самарском крае Заволжья в октябре 1773 — январе 1774 г. (Т. И. Беликов Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773—1775 гг.). Элиста, 1971, стр. 68—92).

³ Давыдов Гаврила—депутат Уложенной комиссии 1767 г. от жителей Бугурусланской слободы. В декабре 1773 г. приехал в ставку Пугачева под Оренбургом, получил от повстанческой Военной коллегии указ о назначении его атаманом Бугурусланской слободы с поручением склонять народ на сторону восставших, набирать желающих служить казаками в повстанческие отряды и «защищать как Бугурусланскую слободу, так и ближайшие к ней деревни... всеми силами» от неприятельских войск. В декабре 1773 — марте 1774 г. Давыдов — видный руководитель повстанческого движения под Бугульмой и Бугу Русланом — в апреле 1774 г. был захвачен в плен карателями, доставлен в Казань, где содержался под следствием в местной секретной комиссии. 12 июля 1774 г. при нападении отрядов Пугачева на Казань был заколот конвойными офицерами секретной комиссии (ЦГАДА, ф. 6, д. 431).

⁴ Арапов Илья Федорович — беглый крестьянин заволжского помещика М. Арапова. Примкнул к Пугачевскому восстанию в октябре 1773 г., а вскоре, получив от Пугачева чин атамана, был направлен им для организации повстанческого движения в Заволжье. Наступая со своим отрядом по Самарской линии крепостей и селений, захватил в декабре 1773 г. Бузулукскую, Ельшанскую, Борскую и Красносамарскую крепости, а также Алексеевск и Самару. Действуя по указаниям Пугачева и его Военной коллегии, осуществлял общее руководство движением в Заволжском крае; помимо командования своим отрядом, руководил боевыми операциями отрядов Г. Давыдова, Н. Чулошникова, И. Чернеева, С. Речкина, О. Ломухина, А. Аитова, А. Размаметова, А. Сомова и других пугачевских атаманов. Оказывал ожесточенное сопротивление войскам генерала Мансурова, наступающим по Старо-Московской (Самарской) дороге к Оренбургу. Погиб в битве под Татищевой крепостью 22 марта 1774 г. (Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Т. II, Л., 1966, стр. 406—409; Т. III, Л., 1970, стр. 12—15, 20—27).

Чюлошников,⁵ то, приехав туда, подал Чюлошникову посланное со мною от Давыдова сообщение, но что в нем было написано, не знаю.

Однако ж Чюлошников, написав рапорт, послал меня с оным в Берду, в злодейскую коллегия⁶. И я, приехав туда, рапорт подал дежурному Шигаеву, а Шигаев⁷, велел отнести в коллегия, где тот рапорт, распечатав, прочли и говорили, что Чюлошников требует к себе людей.

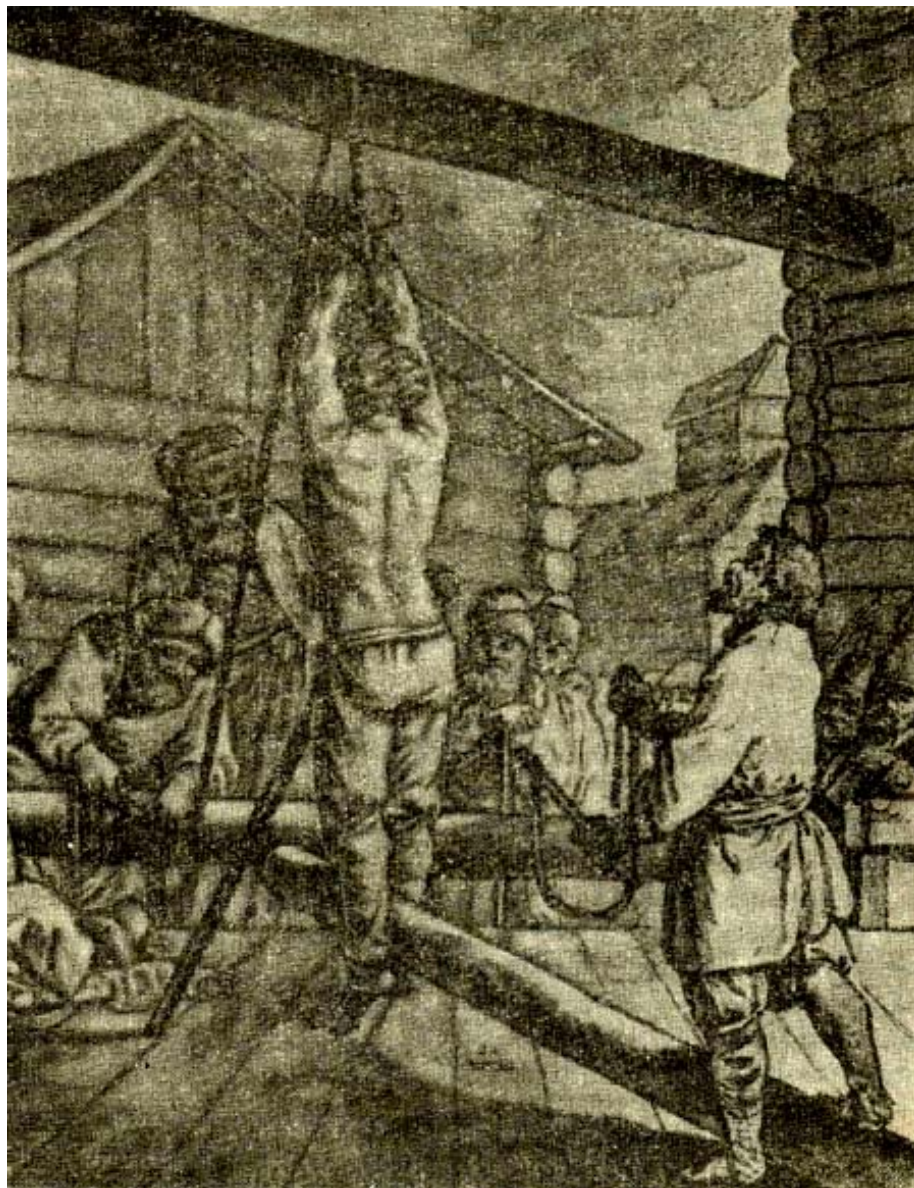
Тут пробыл я только один день, а ночью отправлен обратно к тому Чюлошникову, также и к Арапову с указами.

---

⁵ Чюлошников Никифор — атаман казачьей команды в Тоцкой крепости (См. о нем в вводной части статьи и протокол его следственных показаний в Оренбургской секретной комиссии (док. II).

⁶ Государственная военная коллегия была образована по инициативе Пугачева и его ближайших соратников в ноябре 1773 г. в Бердской слободе под Оренбургом как военно-политический и административный центр восстания. Коллегия занималась вопросами формирования повстанческих отрядов, их вооружения и снабжения, руководила главным повстанческим войском под Оренбургом и в некоторых других важных очагах движения, пыталась наладить гражданское управление на освобожденных территориях. Помимо этого она выполняла роль личной канцелярии Пугачева, изготовляя и рассылая манифесты и указы от имени самозванного «императора Петра III». Прекратила свою деятельность в конце августа 1774 г. после разгрома главных сил Пугачева в битве под Черным Яром (Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Т. II. Л., 1966, стр. 444—465; И. Г. Рознер Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов, 1966, стр. 66—67, 78—83 и др.).

⁷ Шигаев Максим Григорьевич (1724—1775), яицкий казак. В 1772 г. один из видных руководителей восстания яицких казаков, глава делегации от повстанцев в Петербурге. В сентябре 1773 г. открыто примкнул к Пугачеву, вскоре стал его ближайшим помощником. В октябре 1773 г. поднял восстание казаков Верхне-Яицкой линии крепостей. При организации в ноябре 1773 г. повстанческой Военной коллегии Пугачев назначил туда судьей Шигаева, поручив ему ведать вопросами снабжения повстанческого войска провиантом, фуражом, боеприпасами. Во время отсутствия Пугачева в Бердской слободе Шигаев руководил Военной коллегией и был главнокомандующим отрядами восставших под Оренбургом. Руководил операцией по разгрому войск оренбургского гарнизона в сражении 13 января 1774 г. После поражения восставших под Оренбургом весной 1774 г. был захвачен в плен в Илецком городке и содержался под следствием в Оренбургской секретной комиссии, а в ноябре 1774 г. перевезен в Москву. По приговору суда, происходившего 29—31 декабря 1774 г. был приговорен к смертной казни и повешен 10 января 1775 г. одновременно с Пугачевым и другими главными руководителями восстания (Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева, Т. II—III. Л., 1966—1970).

Наказание кнутом. Гравюра XVIII в.

С коими я, приехав в Тоцкую крепость, указ Чюлошникова подал, а от него поехал к Арапову в пригород Алексеевск⁸, которому также указ отдал. Арапов, прочтя оной, написал к Чюлошникову приказ, чтоб он как можно старался набирать людей сам, и для того б послал от себя по жительствовам. И с тем приказом послал меня Чюлошников же по сему приказу, списав с полученного из злодейской коллегии копию, при письменном приказе отдал мне, в котором написал меня сотником и с оным послал в Сарбайскую, Саврушинскую и Аманатскую слободы для набору в казаки людей. Почему, во-первых, приехав в Сарбайскую слободу и собрав тутошных обывателей, прочел данную мне Чюлошниковым с указа копию, чему все поверили и сказали, что государеву приказу противиться не будем.

А в самое то время явился тут у меня гвардии отставной сержант Сомов,⁹ которой, объявляя мне свое желание служить государю, говорил: «Я бы де набрал людей много в его службу, да также знаю, где взять пушки и порох, только де не знаю, как пробраться к Арапову». Почему я, написав билет, чтоб он, Сомов, до Арапова пропускаем был без задержания, отдал ему, с коим он и уехал.

Потом приказал я Сарбайской слободе приготовить к службе людей столько, сколько они годных выбрать могут, с тем: когда я за ними обратно заеду, чтоб были в готовности.

⁸ Алексеевск (пригород Самары)—главная база отрядов И. Ф. Арапова в начале января 1774 г.

⁹ Сомов Андрей, отставной гвардии сержант, атаман одного из повстанческих отрядов, действовавших в январе-феврале 1774 г. в Заволжье, под Тиинском, Черемшанской крепостью и некоторыми другими селениями. После взятия в плен казнен в Тиинске по приговору Казанской секретной комиссии.

И потом ис той слободы ездил в Саврушинскую и Аманатскую слободы, где также данную мне копию жителям объявлял, и набрал в оных в казаки: в Аманатской — 17, в Саврушинской — 60 человек, коих всех, вооружа копьями, заехал в Сарбайскую слободу. А как приехал, то мне обыватели объявили, что приготовленных с их слободы в службу людей, всего 40 человек, взял с собою атаман Ломухин¹⁰ в село Тимашево. Почему я с набранными мною казаками приехал в оное село и явился у Ломухина, которой с теми набранными мною казаками послал меня на эставау в деревню Кротову и приказал иметь разьезды и присматривать верных ея императорского величества войск, и где будет небольшое против нас число, — оных, ловя, представлять к нему, Ломухину. Где я и стоял недели с четыре.

А потом прислан был ко мне от Арапова приказ, чтоб я заступал место Аомухина, о котором давал знать, что он выступил в поход под Сарбайскую слободу, что я исполнил, и был тут двой сутки. А потом выступил с командою своею под тое ж Сарбайскую слободу, но тут Ломухина не застал, ибо он был верными ея императорского величества войсками разбит. А нашел уже ево в Кинельской Черкасской слободе, у которого отпросился я Аманатской слободы с казаками в дом свой, куда приехав, ночевал только одну ночь.

А потом пошел в Бузулук и явился у атамана Арапова, куда на другой день приехал с шайкой яицкой казак Степан Речкин¹¹. А на четвертый день прихода Речкина с пришедшею в Бузулук верных войск командою имели сражение, на котором и я был же, где всех нас разбили¹².

А по разбитии побежали мы в Сорочинскую крепость. Из Ссрочинской послан я был в Тоцкую крепость с тремя стами казаков, где и имели разьезды для присмотру верных войск. Но как и тут были разбиты ж, то возвратились в Сорочинскую крепость¹³. Но увидя, что уже она Пугачевым выжжена, пошел было я с своею командою в Илецкий городок. Но, не доходя до оного верст с семь, остановился на хуторах, где выпросил я у Речкина для стойки в Рассыпную крепость, куда и пришел с двумя стами человек, и стоял во оной до тех пор, как спросили под Татищеву крепость.

А как тогда был я болен, то скоро выступить не мог, но хотя и с нуждою, однако вышел. Не доходя ж Татищевой, встретились мне бегущие ис под оной яицкие казаки, атаманы Овчинников¹⁴ и Речкин, кои сказывали мне, что все их войско генерал князь Голицын¹⁵ разбил, и артиллерию с

---

¹⁰ Ломухин Осип, атаман Черкасской слободы на реке Черемшан. Примкнул к Пугачевскому восстанию в октябре 1773 г. Во главе крупного отряда повстанцев действовал в районе Бугульмы, Бугуруслана, Красного Яра и Кинеля зимой и весной 1774 г. Лишь летом этого года карательным командам удалось разбить его немногочисленный отряд. Сам Ломухин, захваченный в плен, был казнен по приговору Казанской секретной комиссии.

¹¹ Речкин Степан Леонтьевич (1725—1744), яицкий казак, участник восстания. Примкнул к пугачевцам в сентябре 1773 г. Участник осады Оренбурга. В январе 1774 г. повстанческой Военной коллегией был командирован на помощь отрядам атамана И. СР. Арапова, сдерживающим наступление карательных войск к Оренбургу. Один из руководителей восставших в боях под Бузулукской и Татищевой крепостями. После поражения в битве под Татищевой крепостью вместе с атаманом А. А. Овчинниковым Речкин отступил к Яицкому городку. Продолжал борьбу в низовьях Яика и на Иргизе вплоть до лета 1774 г. Захваченный в плен Речкин и его ближайшие товарищи по приговору генерала Мансурова были казнены в Яицком городке 16 июня 1774 г. (ЦГВИА, ф 20 — Секретная экспедиция Военной коллегии, кн. 9 (1239), л. 309).

¹² Имеется в виду сражение отрядов И. Арапова, С. Речкина и Н. Чулошникова против карательной команды генерала Мансурова, происходившее 14 февраля 1774 г. под Бузулуцкой крепостью и закончившееся тяжелым поражением повстанцев.

¹³ Сорочинская крепость была сожжена Пугачевым 7 марта 1774 г. из тактических соображений: накануне этого дня отряды, предводительствуемые им, в бою под деревней Пронкиной потерпели поражение. Отступая через Сорочинскую крепость, Пугачев решил сжечь ее, чтобы лишить неприятеля базы для дальнейших операций.

¹⁴ Овчинников Андрей Афанасьевич (1739—1774), яицкий казак. Участник восстания на Яике в 1772 г. Присоединился к Пугачеву в сентябре 1773 г., вскоре был избран походным атаманом яицких казаков-повстанцев. В ходе восстания вырос в крупного военного руководителя, являлся одним из главных советников и помощников Пугачева. Руководил важными операциями повстанческого войска (разгром корпуса генерала В. А. Кара в ноябре 1773 г. под Оренбургом, осадой Яицкого городка, захватом Гурьева и др.), отличился в боях под Татищевой крепостью, Казанью, Саратовом. После поражения Пугачева в битве 22 марта 1774 г. под Татищевой крепостью Овчинников вывел остатки повстанческих отрядов к Илецкому городку, а затем, после неудачного боя с корпусом генерала Мансурова у реки Быковки под Яицким городком, 15 апреля 1774 г. с частью оставшихся сил кружным путем через заволжские степи и Башкирию пошел на соединение с Пугачевым, с которым и встретился у Магнитной крепости 7 мая 1774 г. 23 августа Пугачев произвел Овчинникова в «генерал-фельдмаршалы», а два дня спустя Овчинников погиб в битве у Соленниковой Ватаги под Черным Яром. (Допрос Пугачева в Москве. — «Красный архив», 1935, № 69—70; «Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева», Т. 11—111, Л., 1966—1970).

¹⁵ Командующий авангардным корпусом карательных войск генерал-майор князь П. М. Голицын в битве 22 марта

ними бывшую всю отнял. Почему я и повернулся с ними назад в Илецкой городок, где были недолгое время.

И потом Овчинников взял тут три пушки и всех бывших злодейской толпы казаков, в том числе и меня, пошел к Яицкому городку¹⁶. Но не доходя до оногo, прошел Кинделинской форпост, от Овчинникова бежал с пятью человеками, слободы своей малолетками. И приехав на хутор Лутохина, остановились кормить лошадей, куда также приехали есаул Чюлошников, да называвшейся полковником татарин Аитов¹⁷ (которой теперь содержится здесь) с пятью человеками, где условились все явиться к верным командам. И для того проехав Сорочинскую крепость, пришли на Погромной редут и явились тут у отставного прапорщика Шкапского, с коим хотели ехать в Бузулук и еще явиться. Но приехавшим во оный редут майором Залесским взяты и везены были в Бугульму. Но как повстречался им на дороге ехавший по почте солдат и объявил, что господин генерал-аншеф Бибииков в Бугульме скончался¹⁸, то Залесский, поверотя назад, привез их всех в Бузулуцкую крепость, где и отдал майору Обухову, а Обухов послал их в Сорочинскую крепость к подполковнику Мильковичу, а от него присланы сюда, в Оренбург.

Пугачева почитал я за государя, потому что все находящиеся в его толпе таким его почитали, а притом и был об нем уверен чрез издаваемые от него манифесты, ибо я думал тогда так, что естли бы он не был прямо государем, так как бы он осмелился такая указы издавать? Теперь же, видя, што войски истребляют его толпу, верю, что он не государь, но злодей и разбойник.

К сему допросу отставной драгун Ефим Ярыгин руку приложил.

ЦГАДА, ф. 6 (Госархив, разряд VI — Уголовные дела по государственным преступлениям), д 467, ч. XIII, лл. 196—199 об. Подлинник.

Протокол показаний атамана казаков Тоцкой крепости Никифора Чулошникова в Оренбургской секретной комиссии. Июнь 1774 г.

Тоцкой крепости казачий атаман Никифор Чулошников.

В службе он состоит с 1763 г., из казачьих детей. В верной ея императорского величества службе у присяги был. За что велено чинить штраф и наказание знает. О смерти императора Петра Третьего знал. И что донской казак Пугачев принял на себя высокое название слышал.

Прошлого 1773-го года командирован он был Бузулуцкой крепости комендантом Вульфом¹ в Сорочинскую крепость для принятия пороху, куда он и приехал, и, взяв требуемое число пороху, хотел было ехать назад. Но в самое то время в крепости зделалась тревога пришествием злодейского атамана Дмитрия Сергеева (которой потом за злодейство Пугачевым повешен)². Но

1774 г. под Татищевой крепостью нанес тяжелейшее поражение повстанческим отрядам Пугачева. Тем самым был открыт путь для беспрепятственного продвижения к Оренбургу и для деблокады этого города, находившегося в осаде с начала октября 1773 г.

¹⁶ Отступая после сражения у Татищевой крепости к Илецкому, а затем к Яицкому городку, атаман А. А. Овчинников намеревался остановить продвижение корпуса генерала Мансурова. Однако после неудачного исхода боя 15 апреля 1774 г. у реки Быковки вынужден был покинуть район Среднего Яика и пойти на соединение с Пугачевым, отступившим в Уральские горы.

¹⁷ Абдрешит Аитов, ясачный татарин деревни Абдуловой Бугуль-минского уезда. Примкнул к восстанию в декабре 1773 г., сначала служил в отрядах пугачевских полковников И. Чернеева и Аита Раз-маметова. В январе 1774 г. отправился с рапортом в ставку Пугачева под Оренбург, где указом Военной коллегии был назначен полковником. Командовал повстанческим отрядом в боях под Бузулуком (14 февраля), под деревней Пронкиной (6 марта) и Татищевой крепостью (22 марта). В апреле 1774 г. был захвачен в плен карателями и препровожден в Оренбург, здесь содержался под следствием в секретной комиссии (Допрос А. Аитова от 23 июня 1774 г.— ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. XIII, лл. 192—195 об.).

¹⁸ Командующий карательными войсками правительства в декабре 1773 — апреле 1774 г. генерал-аншеф А. И. Бибииков умер в Бугульме 9 апреля 1774 г. Его смерть на некоторое время парализовала руководство боевыми операциями против повстанцев, потерпевших поражение в результате зимнего и весеннего наступления карательных войск. Новый командующий этими войсками, генерал-поручик Ф. Ф. Шербатов, был назначен на должность указом Екатерины II от 1 мая 1774 г., а фактически вступил на этот пост лишь 8 мая.

¹ Комендант Бузулуцкой крепости подполковник Вульф за самовольное оставление крепости при подходе повстанцев был позднее привлечен к военному суду, которым лишен офицерского чина и уволен со службы.

² Имеется в виду полковник из яицких казаков-повстанцев Лысов Дмитрий Сергеевич, казненный в январе 1774 г. по приказу Пугачева за мародерство и покушение на жизнь самозванного «императора Петра III».

как бывший в Сорочинской крепости комендант Иван Брентингам о пришествии того злодея по самое то время, как вошел в крепость, не знал, то и находился в великой трусости, что в таком случае делать. А наконец решился тем, чтоб того злодея встретить со всякой честью и позволить делать что он хочет. Оный разбойник был сперва в церкви и служил молебен по злодейскому обыкновению. Потом всю крепость ограбил, взяв многих жителей с собою, в том числе и ево, Чулошников, приказав команду в крепости хорунжему Сумарокову, выехал. И быв несколько дней в пути, приехал в Берду, где он, Чулошников, в числе протчих и находился долгое время, исполняя всякие злодейские повеления.

Потом послан он был в Бузулуцкую крепость за провиантом и привезть оной в Тоцкую крепость и пересушить в сухари, и отправить в Берду.

Когда ж он, Чулошников, те сухари ис Тоцкой крепости в Берду отправил, то вскоре прислан был к нему из злодейской коллегии указ³, чтоб набрать охотников в службу к самозванцу, сколько может, и соединица с атаманом злодейским Араповым, в помощь ему. Почему он в разных местах, в силу того злодейского повеления, и собрал 93 человека, с коими и пошел для соединения к Арапову к Самаре⁴. Но, не доходя оной, в пригороде Алексеевне попался ему Арапов навстречу, выгнанный из Самары⁵, с которым и пошли они в Борскую крепость, оттуда — в Бузулуцкую, из Бузулуцкой в Сорочинскую, куда и самозванец приехал, а оттуда в Татищеву, где Пугачев князем Голицыным разбит и бежал⁶.

А он, Чулошников, ушел же⁷, но не с теми мыслями, чтоб следовать за самозванцем, а искать случая, как бы ни есть ис той разбойничьей толпы уйти⁸. И пришел на Погромной редут, где явился у прапорщика Шкабского, а оной Шкабской прислал ево в Оренбург.

Пугачева за государя не признает, а уйти от него боялся, опасаясь смерти.

ЦГАДА, ф. 349 (Оренбургская секретная комиссия), д. 7279, лл. 128 об.— 129 об.
Подлинник.

II

Как императрица Екатерина II расценивала Пугачевское восстание?

Связанная необходимостью поддерживать в европейском обществе авторитет просвещенной и милостивой правительницы, она была крайне обеспокоена международным мнением относительно выступления Пугачева. «Европа подумает, что мы еще живем во времена Иоанна Васильевича; такова честь, которой мы удостоимся, вследствие этой выходки преступного мальчишки», — писала Екатерина II новгородскому губернатору Я. Е. Сиверсу в декабре 1773 года.

Екатерина не желала понять, что восстание было вызвано кризисными явлениями в социально-экономической жизни России, что Крестьянская война вспыхнула в результате стихийного возмущения трудового народа против крепостнической эксплуатации, что Пугачев и его соратники, выражая волю восставших, объективно стремились к коренной ломке социальных отношений в стране.

В одной из неизданных записок (декабрь 1774 г.) Екатерина высказывала недоумение и

³ Речь идет об указе повстанческой Военной коллегии Н. Чулошникову от 21 декабря 1773 г. о наборе добровольцев в повстанческий отряд из числа жителей Самарской линии и о присоединении набранной команды к отрядам атамана И. Ф. Арапова. Указ сохранился в подлиннике, напечатан в «Пугачевщине». Т 1. М —Л., 1926, док. № 42.

⁴ Отряды атамана И. Ф. Арапова захватили Самару 25 декабря 1773 г.

⁵ И. Ф. Арапов, оказав ожесточенное сопротивление команде премьер-майора К. Муфеля в бою 29 декабря 1773 г. за Самару, вынужден был оставить этот город и отойти к Алексеевску. Сражение за Самару положило начало тяжелым арьергардным боям повстанческих отрядов против регулярных войск генерала Бибикова, начавших с конца 1773 г. наступление на широком фронте от Казани до Самары.

⁶ Имеется в виду сражение 22 марта 1774 г. под Татищевой крепостью, закончившееся тяжелым поражением главных повстанческих сил, предводительствуемых Пугачевым, Овчинниковым и Араповым.

⁷ После поражения под Татищевой крепостью Н. Чулошников в составе отряда А. Овчинникова отступил к Илецкому городку. Сам же Пугачев с несколькими своими ближайшими соратниками (И. Почиталин, В. Коновалов, Е. Кузнецов и др.) бежал в Бердскую слободу под Оренбург.

⁸ Вместе с Н. Чулошниковым в плен сдались полковник из татар-повстанцев А. Аитов, сотник Е. Ярыгин, М. Дмитриев (Кизылбышенин) и др.

обиду по поводу неблагодарности народа, который, невзирая на «непрерывное излиянье милосердия», поднял мятеж и искажил картину «золотого века» ее правления:

«Кротость царствования, непрерывное излиянье милосердия на всякого рода подданных, неутомленные труды о поправлении законодательства в искоренении неправосудия лихоимства, взяток, притеснений и всякого рода пороков; одним словом, о постановлении и споспешествовании общего собственного блага, не обещали ничего кроме плодов признания и благодарности, но невежество, злость, суеверие и пороки, борющиеся противу истины и всякого рода доброго намерения и порядка сему противное показали»¹.

Однажды, в минуту «высочайшего» гнева, императрица не удержалась от недостойных ее сана бранных слов адрес восставших, заявив, что среди них «ни единого человека нету, которого имени назвать можно, — одна сволочь в невежестве, пьянстве и глупости погруженных подлых людей» (Из письма к Ю. Ю. Броуну от 7 апреля 1774 г.)². Но самую, пожалуй, наиболее отчетливую характеристику Пугачеву и возглавляемому им восстанию дала императрица в письме 24 октября 1774 г. к тому же Ю. Ю. Броуну, лифляндскому губернатору. Тогда Пугачева «связанного, скрученного, словно медведя»³ везли в Москву, и Екатерина уже успела ознакомиться с протоколами его допросов в Яицком городке и Симбирске. Вот что говорилось в этом письме:

«Пугачева я считаю на дороге к Москве. Он во всем винится и сам себя почитает всякой казни достоин. Он действительно донской казак Зимовейской станицы, и многие донские казаки его знают, и они никогда сами к нему не приставали.¹ А шалили с ним яицкие казаки, и башкиры, и татары, и волжские бурлаки, да беглые, коих на Волге много. Протчих же везде из деревень брали и гнали силою и застрашивая. А иногда и мужики, надеясь на свободу и на неплатеж податей, к ним пристали.

Теперь же везде и все тихо. Чужестранного ни единого человека при Пугачеве никогда не было. Он сам ни читать, ни писать не умеет. Служил в Прусском походе и в нынешней войне две кампании. Дворян он везде вешал по злобе. Сей разбойник неустрашим, но не видно в нем лишней остроты (ума), а еще меньше систематической смысл или дух, но урывками действовал, как на ум ни пришло. И наипаче прямой его предмет был грабежи, а потом—пить, есть хорошо.

Его история сходствует во всем истории разбойника Стеньки Разина, который завладел Астраханью² при царе Алексее Михайловиче и многими городами, называл себя царем Федором Федоровичем³ и посылал послов в Персию. И четыре года его из Астрахани не могли выбить⁴. Проказы те же, и в тех же местах, и теми же людьми. Сей край еще в великом невежестве, то есть Оренбургской, Астраханской и Низовья земли»⁵.

Из письма видно, что справедливая борьба народа против крепостнической неволи квалифицировалась Екатериной II как незаконное покушение на коренные основы жизни управляемого ею государства, в выступлении Пугачева она видела лишь проявление духа необузданной еще разбойной вольницы. Признавая, что успехи Пугачева во многом объяснялись поддержкой крестьянства, которое получило от самозванного «императора Петра III» свободу, землю и освобождение от подушной подати и рекрутских наборов, императрица твердо исходила из того, что все эти «мечтательные выгоды» никогда «несбыточны» для трудового народа, а само провозглашение этих свобод является тягчайшим преступлением против государственных законов Российской империи и «божественных установлений». Пренебрежительно отзываясь о Пугачеве и о конечной цели его предприятия, она не пожелала увидеть в манифестах, объявленных им, «систематического смысла или духа», хотя знакомство с этими документами должно было бы

¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. IV, л. 368.

² «Осмнадцатый век». Т. I. М., 1869, стр. 228.

³ Из письма Екатерины II к барону Мельхиору Гримму от октября 1774 г.— «Русский архив», 1878, № 9, стр. 10.

¹ В действительности, значительная часть донских казаков перешла на сторону Пугачева под Саратовом (5—6 августа 1774 г.) в битве на реке Пролейке (16 августа 1774 г.) и под Царицыном (20—21 августа 1774 г.).

² Отряды С. Т. Разина овладели Астраханью летом 1670 г.

³ Это заявление Екатерины II свидетельствует о нетвердом знании ею событий Разинского восстания. В действительности С. Т. Разин никогда не выступал под именем царевича Федора Федоровича (царевича с таким именем вообще не было в русской истории).

⁴ Неправа Екатерина II и в этом утверждении. На самом деле, разницы владели Астраханью немного более двух лет, они сдали Астрахань царским войскам уже в ноябре 1672 г.

⁵ «Осмнадцатый век». Т. I. М., 1869, стр. 232.

убедить ее, что в них проводилась весьма ясная и определенная линия на коренную ломку социальных отношений в стране.

Пугачев в оценке чиновников Оренбургской секретной комиссии

Заслуживает внимания характеристика личных свойств Пугачева, которую дали ему А. М. Лунин и С. И. Маврин. Эти гвардейские офицеры — сотрудники Оренбургской секретной комиссии — в мае-июне 1774 г. вели следствие и вершили суд над ближайшими соратниками предводителя восстания. В докладе императрице Екатерине II от 21 мая 1774 г., аттестуя Пугачева, они писали: «Бывшие при самозванце ближайшими сказывают.., что они отличающихся от них умами людей, разными случаями в толпу попавшихся, ни в каких советах не принимали. И Пугачев их не любил. Из сего оного можно понять, что Пугачев — не дурак, ибо он, зная сам себя, не приглашал в советы умных да и не искал дружбы для того, чтоб они не усмотрели его невежества и не зделали в том противу его возстания, ибо он грамоте не знал, но, обманывая глупцов, хвастал пред ними, что он умеет на 12-ти языках чужестранных, а во уверение того и писывал пред ними тарабарские (по народной пословице) грамоты...»¹

«Из показания многих видно, что он в злодеяниях прехитрой, лукавой и весьма притворной человек, ибо, уверяют об нем, что он мог плакать, когда только хотел, во всякое время, а сие и служило простому народу удостоверением, что вымышляемые им слова не ложны».²

«Обольщал он вольностию»

Манифесты самозванного «императора Петра III» — Пугачева пользовались необычайной популярностью среди простого народа. Следствие этого — постоянный приток свежих людских сил в повстанческие отряды. Один из ближайших соратников Пугачева, член его Государственной военной коллегии, яицкий казак Максим Григорьевич Ши-гаев на допросе 8 мая 1774 года в Оренбургской секретной комиссии рассказывал: «Надежду же большею частью имел он (Пугачев) на чернь, которую обольщал он вольностию, льготою и старою притом верою. Да и в самом деле, простой народ со всех сторон стекался к нему (до оришества верных войск)³ кучами, и, почитая его за истинного государя, преклонялись к нему с усердием, да и все бывшие в его толпе таким же его почитали»⁴.

«Обнадеясь на обещанныя им льготы и вольность»

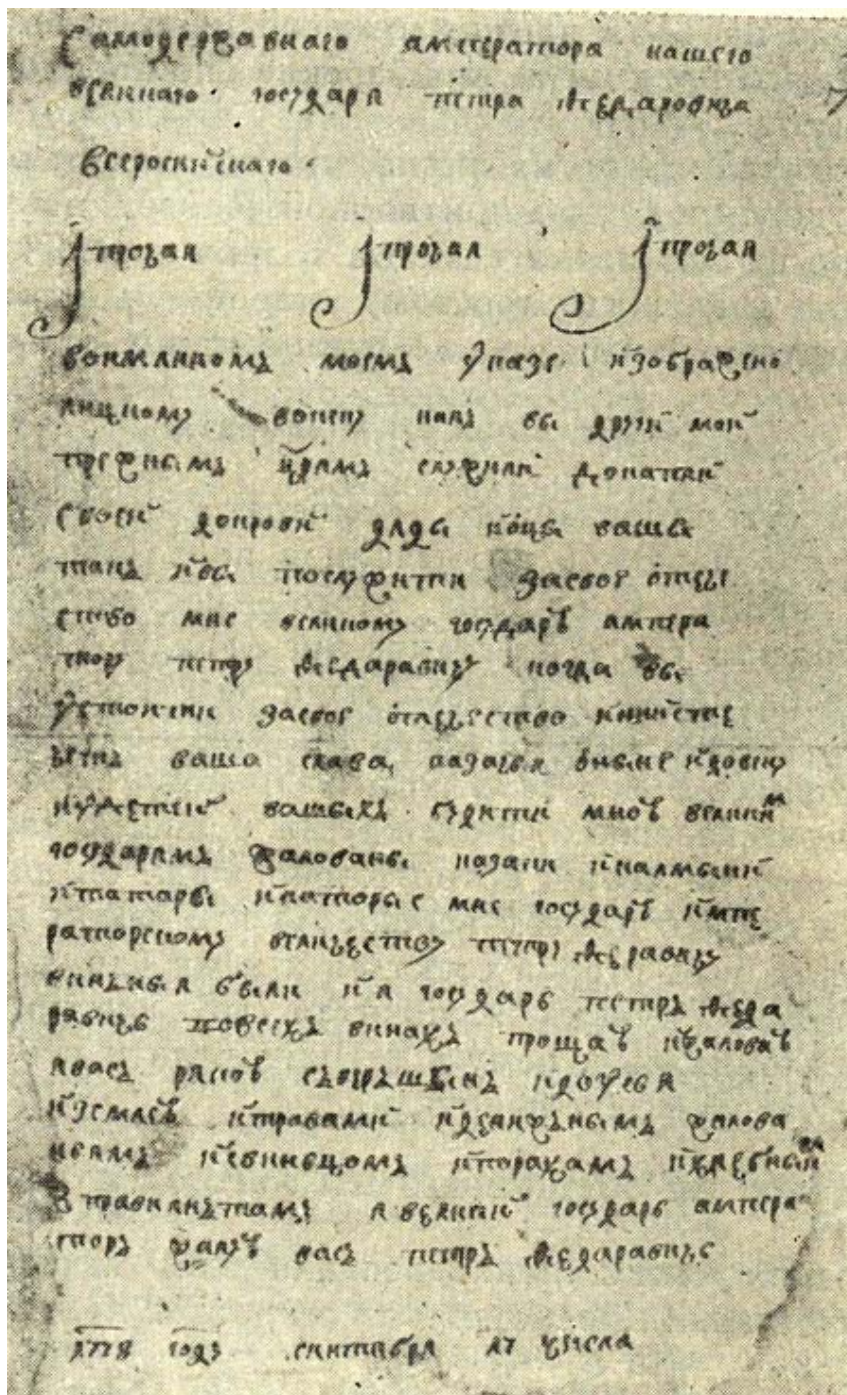
Объясняя успехи антикрепостнической агитации Пугачева и его ставки, Оренбургская секретная комиссия в докладе императрице Екатерине II от 21 мая 1774 года писала: «По приходе под Оренбург самозванец не умедлил отрядить из своей шайки верных своих людей для разсеяния лжесоставных своих так называемых манифестов, хотя и глупо написанных, но для простаков-поселенцев казались они полезными в рассуждении обещаемой им вольности, льготы, креста и бороды. Что самое, а может статься, и вкравшееся в народ издавна сомнение о смерти покойного государя послужило ему главным удостоверением в простом народе.

¹ В архиве сохранились четыре подлинных рукописи Пугачева. (См.: Р. В. Овчинников. «Автографы Пугачева». — «Вопросы архивоведения», 1960, № 6, стр. 56—59).

² ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. II, лл. 7—10.

³ Имеется в виду прибытие карательных войск Екатерины II к Оренбургу в конце марта 1774 г.

⁴ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 37.

Именной указ Пугачева («императора Петра III») яицким казакам 17 сентября 1773 г.

И шли в толпу его служить с охотою, а равно и возили провиант и фураж, почти без чувствования тягости, обнадеясь на обещанные им льготы и вольность.

Но что касается до заводских крестьян, то они были всех прочих крестьян к самозванцу усерднее, потому что им от него также вольность обещана, тож и уничтожение всех заводов, кои они ненавидят в разсуждении тягости работ и дальних переездов, для чего и исполняли с усердием насылаемые к ним на заводы из злодейской названной Коллегии указы...»¹

«А народу у меня как песку...»

В ноябре 1773 г. граф А. Г. Орлов с одобрения императрицы Екатерины II уговорил находившихся в Петербурге яицких казаков Афанасия Перфильева и Петра Герасимова отправиться с секретным поручением в повстанческие отряды под Оренбург. Прибыв на место,

¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. II, лл. 5—6.

они должны были разоблачить перед казаками-повстанцами самозванство Пугачева и, опираясь на своих сторонников, арестовав, выдать его властям. В декабре Перфильев прибыл в Бердскую слободу под Оренбургом и встретился с Пугачевым. Между ними произошел знаменательный разговор. Впоследствии, в сентябре 1774 г., Перфильев на допросе в Яицком городке вспомнил и рассказал об этом разговоре. При встрече Пугачев спросил у Перфильева:

«Что, де, как обо мне в Петербурге говорят?» На то он, Перфильев, отвечал: «Да бог знает, батюшка! Мы от больших господ ничего не слыхали. А слышали в кабаках от черни, да и то, не вьявь, а тихонько говорят, что явился, де, около Оренбурга император Петр Третий и берет города и крепости». Самозванец говорил: «Ето правда! Ты сам видишь: сколько теперь взято крепостей. А народу у меня как песку. А дай сроку, будет время и к ним в Петербург заберемся, — моих рук не минуют. Я, де, знаю, что вся чернь меня везде с радостью примет, лишь только услышит.»¹

Перфильев посвятил Пугачева в тайну заговора, направленного против него, открыл ему цель своего приезда. Перфильев был прощен Пугачевым и позднее стал верным его сподвижником, служил полковником в повстанческой войске. Оказавшись в плену после поражения восстания, он, как и Пугачев, принял смерть на эшафоте в Москве 10 января 1775 г.

С. А. ПОПОВ

ПОЛКОВНИКОМ ПОЖАЛОВАН

Указ Емельяна Пугачева

о присвоении звания полковника

башкирскому старшине Медету Миндиарову

Указов Емельяна Пугачева от имени «императора Петра III» известно очень ограниченное количество. В первом томе сборника «Пугачевщина» опубликовано всего 28 манифестов и именных указов¹. Надо полагать, что ими не исчерпываются сохранившиеся именные указы крестьянского вожака. Вероятно, в некоторых архивах и музеях еще хранятся неизвестные доселе широкому кругу историков отдельные указы самозванного «Петра III». К числу их относится подлинный указ Пугачева от 5 июня 1774 г. о возведении в чин полковника башкирского старшины Медета Миндиарова, хранящийся в фондах Оренбургского областного краеведческого музея за № 3315. Ниже приводится текст указа².

Место печати

**Божиею милостию мы,
Петръ Третий император
и самодержавец Всероссийский
и прочая и прочая и прочая**

Известно и ведомо да будет каждому,
что Дунайской волости Медеть Минди-
аровъ служилъ старшиною, а тысяща
семь сотъ семдесятъ четвертаго года
июня пятаго дня за оказанную ево к службе
ревность и прилежность полковником
пожалованъ. Того ради, Мы симъ жалуем
и учреждаемъ, повелевая всемъ нашим
верноподданным онаго Миндиарова нашим
полковником надлежащим* образомъ
признавать и почитать. Напротив чего
и мы надеемся, что он в томъ ему все-
милостивейше пожалованном чине
такъ верно и прилежно поступать будет,

¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 373.

¹ «Пугачевщина». Т. I. М.—Л., 1926.

² Этот указ был опубликован нами в журнале «Советские архивы», 1966, № 3, стр. 75—77. В журнальной статье мы указали, что указ публикуется впервые. Мы ошиблись. Уже после опубликования выяснилось, что он был ранее опубликован, но с пропусками, Н. Н. Модестовым в журнале «Русская старина», 1918 г., январь-февраль.

как то верному и доброму рабу надлежить
Во свидетельство того мы собственною
рукою подписали и государственною
нашею печатью укрепить соизволили.

Данъ июня 5 дня 1774 г. Петръ

Необходимо сделать несколько замечаний в отношении самого документа и о том, как он оказался в фондах музея.

Указ написан на одной стороне вдвое сложенного листа старинной плотной бумаги с водяными знаками в виде правильно чередующихся вертикальных линий и латинских букв RJWR по середине одной стороны листа и плохо заметного изображения герба или вензеля на середине другой стороны. Для хранения лист был сложен вчетверо.

Указ скреплен именной печатью Емельяна Пугачева, оттиснутой на красном сургуче. Печать поставлена в левом верхнем углу документа. За исключением середины, где сургуч выкрошился, печать сохранилась хорошо. Она полностью (идентична гравюре с печати Е. Пугачева, опубликованной А. С. Пушкиным в первом издании «Истории Пугачева» и повторенной затем в академическом издании Полного собрания сочинений А. С. Пушкина. Она также полностью соответствует описанию именной печати Е. Пугачева, вырезанной в Яицком городке в начале 1774 г.¹

Печать Пугачева на указе о присвоении звания полковника башкирскому старшине Медету Миндиарову

¹ Р. В. Овчинников. Обзор печатей на документах Е. И. Пугачева, его Военной коллегии и атаманов.— «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». Изд. Академии наук СССР, М., 1961, стр. 328—335.

Печать круглой формы, диаметр ее — 3,2 см. Посередине изображение и бюст молодого мужчины в профиль. Грудь его исчерчена параллельными полосками, которые, по мнению исследователя печатей повстанческих властей Р. В. Овчинникова, изображают императорскую мантию, наброшенную на плечи. Лицо передано схематично. Выделяется острый длинный нос. Гравер изобразил на голове несколько непонятный головной убор, заканчивающийся на лбу крестом или короной. Р. В. Овчинников интерпретирует его как лавровый венок, увенчанный короной¹.

По краевой окружности печати хорошо сохранилась надпись, состоящая из пяти букв, разделенных друг от друга точками, двух сокращенных слов и даты. Начало надписи обозначено звездочкой или розеткой. Текст надписи: «Б. Г. П. П. Т. имп. и самодерж. Всерос. 1774», что означает: «Большая государственная печать. Петр Третий. Император и самодержец Всероссийский. 1774»².

Публикуемый указ Пугачева был доставлен в Оренбургскую ученую архивную комиссию местным краеведом И. В. Черновым.

Уроженец Оренбурга, оренбургский казак И. В. Чернов (1825—1902 г.) долгое время служил в канцелярии башкиро-кечерякского войска, затем был попечителем 1, 2 и 3 башкирских кантонов. Состоял членом Оренбургской ученой архивной комиссии. Оставил любопытные записки — воспоминания об оренбургских губернаторах, опубликованные после его смерти в XVIII выпуске Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии³.

Бывая по служебным делам в Башкирии, И. В. Чернов мог получить этот указ от потомков старшины Миндиарова.

Весьма интересным является время выдачи указа. Он составлен 5 июня 1774 г., то есть через день после сражения Пугачева с полковником Михельсоном у деревни Киги (3 июня) и в день сражения у деревни Мясогутово бывшей Дунайской волости Сибирской дороги Уфимской провинции¹. Во время этих боев башкирские повстанческие отряды показали большое мужество и стойкость. Вероятно, Медет Миндиаров был участником боев и, как отличившийся в них, был возведен в чин полковника.

В нашем распоряжении более подробные данные о личности Медета Миндиарова и о его дальнейшей судьбе отсутствуют.

Г. Г. ГОЛЫНСКИЙ

БУГУРУСЛАНСКИЙ СПОДВИЖНИК ПУГАЧЕВА

Широко известны в истории имена ближайших сподвижников Пугачева: атаманов Ивана Никифоровича Зарубина-Чики, Ивана Яковлевича Почиталина, Афанасия Тимофеевича Соколова—Хлопуши, Ивана Наумовича Белобородова, Салавата Юлаева. Но мало кто даже в самом Бугуруслане знает, что среди верных и надежных помощников Пугачева был житель Бугурусланской слободы Гаврила Давыдов. Между тем это яркая историческая личность. Задолго до пугачевского восстания он в 1767 г. встречался в московском Кремле с самой императрицей Екатериной II, и уж она и ее окружение постарались, чтобы имена подобных сподвижников Пугачева навсегда исчезли из памяти народной и нигде в официальных документах не

¹ Р. В. Овчинников. Цит. соч., стр. 330. В примечании Р. В. Овчинников указывает, что представленный на этой печати человек похож на Петра III, изображение которого имеется на медали, вычеканенной в 1762 г. в честь союза, заключенного между Петром III и королем Пруссии Фридрихом II.

² В журнальной статье мы предложили чтение этой надписи иначе, а именно: «Великий государь Петр Третий. Император и самодержец Всероссийский. 1774». Мы были введены в заблуждение неясностью очертания первой буквы надписи, которую мы рассматривали как букву «В», а не «Б». Идентичность печати рассматриваемого документа с печатью, приводимой А. С. Пушкиным, а также описание именной печати Е. Пугачева Р. В. Овчинниковым, ясно указывает, что первой буквой является «Б», а не «В».

Н. Н. Модестов также рассматривал первую букву надписи как «В» и ошибочно читал эту надпись как «В» городе Петербурге Петр Третий. Император и самодержец Всероссийский. 1774».

³ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVIII, Оренбург, 1907, стр. 224. Здесь же помещены биографические данные об И. В. Чернове, стр. 3—14.

¹ Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники. Т. III. СПб, 1894. Очерки по истории Башкирской АССР, т. I. ч. 1. Уфа, 1956, стр. 224.

упоминались.

Только спустя шестьдесят лет после Крестьянской войны А. С. Пушкин в своей «Истории Пугачева» впервые упомянул Давыдова, а в 1876 г. в сентябрьском номере журнала «Русская старина» был опубликован очерк «Бугурусланский депутат Давыдов».

Во второй половине XVIII века в России, как известно, началось разложение феодального хозяйства, стали развиваться капиталистические отношения. Этот процесс сопровождался усилением крепостного гнета и — как следствие — волной крестьянских восстаний на Урале, в Поволжье и в других местах России и на Украине.

Напуганная размахом народного движения, Екатерина II в письме князю А. Вяземскому писала: «Нужда теперь в том состоит, чтоб крестьян привести в должное рабское послушание и усмирить. А ежели будет сопротивление — употребить против них оружие и даже до пушек». В то же время императрица делала вид, что она готова облегчить положение народа, сочинила лицемерный Наказ, создала комиссию по составлению Нового Уложения взамен Соборного Уложения 1648 г., которое, как известно, окончательно оформило крепостное право.

Орден, которым, по преданию, награждал своих сподвижников Пугачев. Текст с левой стороны: «Царь Петр Федорович жалует тебя», с правой: «Крестом, бородой и волей казацкой 1773»

Депутатами комиссии (их было 564) в подавляющем большинстве были избраны помещики, купцы, крупные чиновники. Крепостных здесь не было совсем. Среди депутатов имелось лишь небольшое число государственных крестьян, представителей так называемых чернососных хлебопашцев. Среди последних оказался и депутат от ясачных крестьян Бугурусланского ведомства Оренбургской губернии бугурусланец Гаврила Давыдов.

Наказ, который он повез с собой в Москву, не сохранился, не дошли до нас содержащиеся в нем требования пославших его в Москву крестьян. Думается, однако, что для Давыдова не прошли бесследно бурные заседания комиссии, выступления делегатов от «низов», общение с депутатом оренбургских казаков сотником Тимофеем Ивановичем Падуровым и сотником астраханского казачьего войска Василием Васильевичем Горским — будущими активными участниками Пугачевского движения.

Указом императрицы личность депутата объявлялась неприкосновенной, они не подлежали смертной казни. Всем им были выданы золотые депутатские знаки, на лицевой стороне которых изображался вензель императрицы Екатерины II, а на обратной выбиты слова: «Блаженство каждого и всех».

Первое заседание комиссии состоялось 30 июля 1767 г. в Грановитой палате Кремля в присутствии Екатерины II. После торжественных речей депутаты были допущены к целованию ее руки. Через несколько лет эта «всемиловитейшая» рука, не дрогнув, подписала сентенцию о казни пугачевцев-депутатов.

Заседания комиссии для выработки Уложения, то есть основных законов государства, продолжались шестнадцать месяцев. Деятельность комиссии, вскрывшая неприглядную картину

«золотого века» Екатерины II, напугала императрицу, и она пресекла сбою игру в либерализм. Под предлогом начинавшейся войны с Турцией Большая комиссия, так и не выработав Нового Уложения, была распущена, на что крестьянство, обманутое в своих надеждах, ответило новыми волнениями.

Социальный взрыв становился неизбежным, и когда он произошел, крестьянские массы встали на сторону Пугачева. Довольно было двух или трех эмиссаров Пугачева, свидетельствует А. С. Пушкин, чтобы поднять на восстание целые области. «Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции».

Уже в ноябре 1773 г. примкнули к движению и жители Бугурусланской слободы с окрестными селениями. Одним из самых крупных отрядов, восставших в этом районе, был отряд депутата Давыдова.

Из материалов генерал-майора Павла Потемкина, начальника секретной комиссии по следствию, суду и расправе над пленными участниками Пугачевского восстания, явствует, что Давыдов еще до появления Пугачева — самозванного «императора Петра Федоровича» знал о смерти Петра III. Ему был известен указ Екатерины II, где говорилось, что объявившийся в 1773 г. императором «не кто иной, как беглый с Дона казак Емельян Пугачев». Однако Давыдов примкнул к Пугачеву и в качестве выборного делегата вместе с Иваном Захлыстовым поехал в Бердскую слободу, под Оренбург, для встречи с ним. В Берде Давыдов пробыл четыре дня, получил от Военной коллегии предписание о том, что ему в дальнейшем надлежит делать. В помощь Давыдову Пугачев выделил 30 казаков.

Между ними произошел следующий разговор:

— Мне сказывали, — обратился Пугачев к Давыдову, — что ты был депутатом и хочешь просить, чтобы вашу слободу не разоряли, так вот я велю дать тебе указ, чтобы никто вам никакой обиды не чинил, а ты бы сам разыскал, у кого из вашей слободы что и кем пограблено.

Вновь назначенный атаман обещал Пугачеву вскоре прислать донесение об ущербе, который понесли бугурусланцы от грабителей, выдававших себя за пугачевцев и тем самым бросавших тень на крестьянское движение.

Возвратившись в Бугуруслан, Гаврила Давыдов собрал 500 человек, годных к военным действиям, и во многих местах расставил свои пикеты. Он часто рапортовал в Берду о положении в районе Бугуруслана.

Спустя месяц в Бугуруслан прибыл посланец атамана Арапова — поп из чувашской деревни Стюхино с повелением привести народ к присяге Пугачеву. Местный священник Максим Петров привел в церкви к присяге самого Давыдова и всех жителей Бугуруслана. Екатерина Пизэктении была исключена, и имя ее ведено нигде не упоминать.

Документы рассказывают об упорном сопротивлении бугурусланских пикетов войскам генерал-майора князя П. М. Голицына.

В районе Татарского Кандыза (Северный район) действовал татарский отряд Моисея Мустафина, а отряд Сейтангула Имайкайка — у деревни Шарипово (Асекеевский район). Все три отряда постоянно контактировали между собой и в случае нападения царских войск оказывали помощь друг другу.

После ряда упорных боев, в середине апреля 1774 г., повстанцы были разбиты, а Давыдов и семнадцать его приближенных схвачены в с. Суровцево и позднее доставлены в Казанскую тюрьму. Секретная комиссия в составе гвардейских офицеров Н. Горчакова, В. Собакина и других, руководимая П. Потемкиным, признала Давыдова виновным в пособничестве Пугачеву и решила: «Лишая его депутатского достоинства, учинить смертную казнь — повесить...»

Постановление было направлено в столицу для «высочайшего утверждения». Через некоторое время генерал-майор Потемкин получил следующее повеление Екатерины II:

«Хотя Давыдов за свои злодеяния достоин жестокой казни, но как мы уже единожды навсегда торжественно всех депутатов от смертной казни освободить обещали, то и сей клятвопреступник, хотя по злодеяниям своим и не достоин бы освобожден быть от поносовой казни, однако ж по сему нашему обещанию освобождается. При сем повелеваем, приведя его со всеми обрядами для осуждения на смерть к виселице, лишить депутатского звания, и потом, прочтя ему сентенцию комиссии во всей ее силе и не чиня ему казни, тут же заковать в кандалы и послать под крепким караулом на каторгу в Ригу, где всю жизнь его употреблять в тяжких на Двине работах».

Отправить на каторгу Давыдова из Казани не успели. Весной 1774 г. начался второй этап Крестьянской войны. Сформировав на Южном Урале и в Прикамье большое многонациональное войско, Пугачев направился в район Среднего Поволжья. 12 июля пугачевцы штурмовали Казань. Повстанцы вошли в город. Осадив Казанский Кремль, Пугачев захватил тюремный острог и выпустил невольников на свободу.

Однако среди освобожденных Гаврилы Давыдова не оказалось. Когда повстанцы начали штурм Казани, караульный офицер в точности выполнил предписание Потемкина «не щадить при крайности жизни виднейших колодников» и шпагой заколол Давыдова в тюремной камере. Так 12 июля 1774 г. погиб виднейший сподвижник Пугачева.

Другой депутат комиссии — Т. И. Падуров — был повешен в Москве 10 января 1775 г. спустя несколько минут после того, как палачи четвертовали Пугачева.

В связи с этим А. С. Пушкин писал, что казнь Падурова, как депутата, была «противузаконна» и что: «Падуров, как депутат, в силу привилегий, данных именным указом, не мог ни в каком случае быть казнен смертью». И далее: «Может быть, сама государыня о том не подумала. Вот один из тысячи примеров, доказывающих необходимость адвокатов».

Напоминания адвокатов не нужны были Екатерине II. Как видно из ее предписания Потемкину по поводу Давыдова, она прекрасно помнила об «именном указе». Но такова была цена царского слова.

Н. Г. ЕВСТРАТОВ

«НАБЕГЛЫЙ ЦАРЬ»

В. Г. КОРОЛЕНКО

Пугачевская тема в русской литературе никогда не была лишь темой прошлого; в течение очень длительного времени — не только на протяжении XIX в., но и в начале XX столетия — она оставалась жизненно актуальной. И это находит свое объяснение в специфических условиях исторического развития России, одной из особенностей которого являлся широкий размах крестьянского антифеодального движения.

Сама жизнь постоянно подсказывала обращение к этой теме, таившей в себе возможность широких, далеко идущих обобщений и выводов.

Не была случайной эта тема и для Короленко, она закономерно и органично входила в творческое наследие писателя. В той или иной связи он касался ее в произведениях 90-х годов, в частности, в рассказе «Художник Алымов» (1896), помогающих глубже уяснить конец задуманного и начатого исторического романа о Пугачеве. Народное свободолюбие, исконная мечта о вольной и просторной жизни всегда находили в душе Короленко живой отклик и и горячее сочувствие. В массовых народных движениях, подобных движению Разина и Пугачева, писатель видел могучее проявление свободолюбивого духа народа, нетерпимости к гнету и насилию. Но вместе с тем он видел и другую их сторону: стихийность, неорганизованность. Вопрос о соотношении стихии и разума должен был занять существенное место в идейном замысле романа. Именно в таком плане, даже несколько акцентируя элемент стихийности Пугачевского движения, Короленко попытался потом в письме к жене из Уральска сформулировать основной мотив своего будущего повествования: «Картина человеческой неправды и подлости, с одной стороны, неясные инстинкты дикой воли, картина разгула и разнузданности этой дикой воли, с другой стороны, и среди этих темных разбушевавшихся сил — мечта о какой-то будущей правде, как звезда среди туч, — вот как мне рисуется основная нота моей повести».

Замысел исторического повествования созрел и вынашивался в сознании писателя постепенно, в течение длительного времени. Рождение его относится еще к концу 80-х г., когда, будучи членом Нижегородской ученой архивной комиссии, Короленко познакомился с архивными документами, относящимися к Пугачевскому восстанию.

К созданию романа о Пугачеве Владимир Галактионович приступил, будучи вооруженным обширными историческими познаниями, накопленными в результате глубокого изучения различных источников — печатных и архивных.

Короленко-историк — это особая тема, которая уже привлекла и, видимо, будет еще

привлекать к себе пристальное внимание исследователей.

К. И. Чуковский в своих воспоминаниях рассказывает о том, как он, «прислушиваясь к беседе Короленко с Тарле» (беседа происходила в 1910 г.), «впервые увидел, каким глубоким знатоком старины был Владимир Галактионович: русский восемнадцатый век он знал во всех его тончайших подробностях не как дилетант, а как настоящий ученый-исследователь, а в этой области его эрудиция, насколько я мог судить, была не ниже эрудиции Тарле.

Для того чтобы так подробно говорить, например, о Пугачевском восстании, как говорил о нем он, нужно было многолетнее изучение рукописных и печатных архивных источников»¹.

Задумывая роман о Пугачеве, Короленко, естественно, должен был определить свое отношение к предшествующей

исторической и художественной литературе, посвященной той же теме. Официальную историографию с ее заведомо тенденциозным, искаженным освещением Пугачевского восстания Короленко должен был, как и Пушкин, начисто, отвергнуть.

Казенные источники, по словам писателя, рисуют участников пугачевского движения «на одно лицо»: туманное скопище призраков, отмеченных общей характеристикой бунтовщиков и злодеев. В историческом очерке «Пугачевская легенда на Урале», приведя выписку из следствия Оренбургской секретной комиссии об Емельяне Пугачеве, где он именуется извергом и злодеем, воспитанным «адским млеком», Короленко замечает: «Все современные официальные характеристики Пугачева составлялись в том же канцелярски-проклинательном стиле и рисуют перед нами не реального человека, а какое-то невероятное чудовище, воспитанное именно «адским млеком» и чуть не буквально злопахнущее пламенем».

В то же время Короленко признавал большую заслугу-Пушкина, впервые воссоздавшего исторически верный и художественно полнокровный образ Пугачева. И эта заслуга, в глазах писателя, была велика тем более, что Пушкин смело пошел наперекор установившейся традиции в изображении Пугачева. «Как истинно гениальный художник, — писал Короленко, — Пушкин сумел отрешиться от шаблона своего времени настолько, что в его романе Пугачев, хотя и проходящий на втором плане, является совершенно живым человеком.

Посылая свою историю Пугачевского бунта Денису Давыдову, поэт, между прочим, писал:

Вот мой Пугач. При первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой.
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

Между этим образом и не только сумароковским извергом, возлюбившим сатану, но даже к Пугачевым позднейших изображений (например, в «Черном годе» Данилевского) — расстояние огромное. Пушкинский плутоватый и ловкий казак, немного разбойник в песенном стиле (вспомним его разговор с Гриневым об орле и вороне) — не лишенный движений благодарности и даже великодушия, — настоящее живое лицо, полное жизни и художественной правды»¹.

Но тут же Короленко замечает, что «возникает большое затруднение всякий раз, когда приходится этого «лихого урядника» выдвинуть на первый план огромного исторического движения». Таким образом, Пугачев представлялся писателю все еще неразгаданной во многом личностью, но личностью, несомненно, замечательной, заслуживающей самого пристального изучения. Как пишет Короленко, на пути историков множество следственного материала, фальсифицированного сознательно и бессознательно. Наша же художественная литература после Пушкина даже сделала шаг назад в смысле понимания этой крупной и во всяком случае интересной исторической личности. От «лихого урядника» и плутоватого казака мы подвинулись в направлении «адского млека» и лубочного злодея. И можно сказать без преувеличения, что в нашей писанной и печатной истории, в самом центре не очень удаленного от нас и в высшей степени интересного периода, стоит какой-то сфинкс, человек без лица.

В поисках разгадки этого сфинкса Короленко не мог ограничиться одним чисто книжным изучением эпохи и архивными поисками. В плане работ по собиранию материалов для будущей повести, широко задуманном писателем, особое значение придавалось им поездке на Урал. Эту

¹ К. Чуковский. Современники, 1962, стр. 163.

¹ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 8, стр. 432.

поездку он предпринял летом 1900 г. Именно здесь, на Урале, на земле яицких казаков, которая стала колыбелью Пугачевского восстания, Короленко больше всего надеялся услышать и записать предания, легенды и песни, хранимые в народе, — эти, по меткому и образному выражению Гоголя, «звонкие живые летописи».

«Попытаться собрать еще не вполне угасшие старинные предания, свести их в одно целое и, быть может, найти среди этого фантастического нагромождения живые черты, всколыхнувшие на Яике первую волну крупного народного движения»¹, — так сам писатель определил потом одну из главных целей своей поездки на Урал.

Надежды, которые возлагал Короленко на эту поездку, вполне оправдались. Можно даже утверждать, что писатель нашел больше, чем ожидал. В течение почти трех месяцев, проведенных в Уральске, он проделал огромную и разнообразную работу, которая велась одновременно в двух направлениях. Поездки по ближним и дальним казачьим станицам и поселкам, беседы со стариками дополнялись целеустремленными архивными поисками, которые также оказались весьма результативными и плодотворными. Писатель был поражен обилием найденных материалов, новизной и свежестью фактов, неизвестных еще исторической науке своего времени.

Результатами своего путешествия на Урал Владимир Галактионович остался очень доволен. Но тем не менее задуманная им и уже начатая историческая повесть о Пугачеве все же не была написана. Подготовленные большей частью конспективно главы и фрагменты повести² еще не дают полного представления о замысле и его развитии. Некоторые из них были закончены еще до поездки на Урал, другие — на основании материалов этой поездки. Начало повести, по определению самого Короленко, представляет собой нечто вроде пролога и знакомит читателей с Пугачевым в более раннюю пору его жизни, когда он был участником войны с Пруссией. Местом действия начальной главы является лагерь русских войск в Пруссии.

Уже здесь раскрываются некоторые черты Пугачева: смелость, удаля, находчивость, обостренное чувство собственного достоинства. Но главное, что интересует писателя в этом человеке, — это рождение ненависти к произволу и насилию. Пугачева, только что совершившего смелый, героический поступок, по приказанию майора Денисова связывают и секут нагайками за ничтожную провинность. Это был настолько вопиющий акт несправедливости и насилия, что Пугачев не мог с ним примириться и забыть. Именно отсюда, по мысли писателя, начинается и растет в нем затаенная боль, гнев, а вместе с ними и «мечта» о возмездии. Последующие фрагменты переносят нас уже в Яицкий гарнизон и в Петербург.

Тут же намечается и образ Скаловского — молодого, критически настроенного офицера, примкнувшего потом к Пугачевскому восстанию. По-видимому, Короленко предполагал сделать его одним из главных героев первого плана, противопоставив М. А. Шванвичу, который тоже перешел на сторону Пугачева, но руководствовался при этом личными, эгоистическими побуждениями. В отношении Шванвича Короленко делал в 1903 г. специальный запрос в Оренбург А. И. Мякутину, члену Оренбургской ученой архивной комиссии: «Было бы большой услугой истории, — писал он, — если бы удалось разыскать подробности о некоторых сподвижниках Пугачева. Меня лично интересует предыдущая служба Шванвича, который потом передался Пугачеву, а также: за что, особенно, был сослан и содержался в Оренбурге известный Хлопуша, как его звали. В Уральском войсковом архиве я нашел указание, что Шванвич служил в самом Оренбурге, года за 2 до Пугачевщины»¹.

Скаловский характеризуется как человек «с большими странностями», «мечтатель». У него обостренная восприимчивость к страданиям. В той части, где рассказывается о службе Скаловского, напрашивается некоторая параллель с «Капитанской дочкой». Отец Скаловского, старик-фрондер, ушедший (В отставку, узнав, что его сын попал в фавор и замечен Екатериной, приказывает ему немедленно перевестись из гвардии в армию и, покинув столицу, уехать на окраину. Так, Скаловский очутился в Яицком городке и стал просить причислить его к казакам. «Записка», которую он представляет графу Орлову, а через него — Екатерине, характеризует его как человека незаурядного, прямого и честно мыслящего. Переход Скаловского на сторону Пугачева был поступком осознанным и не случайным, а мотивированным высокими идейными побуждениями.

¹ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 8, стр. 433.

² См.: Короленко. Записные книжки(1880—1900).М, 1935.

¹ В. Г. Короленко. Записные книжки, стр. 485.

Таким образом, вопрос об участии дворянина-интеллигента в крестьянском восстании, очень занимавший Пушкина в его работе над Пугачевской темой, должен был найти существенно важное место и значение и в историческом романе В. Г. Короленко.

Оба писателя отправлялись от исторического лица — Шванвича, но художественно переосмысливали его и трактовали различно. Шванвич, очевидно, должен был войти в роман Короленко без существенной трансформации, то есть таким, каким он представлялся писателю из истории по известным источникам, но с явным заострением его отрицательных свойств. Сущность Шванвича определялась самим писателем в следующих выражениях: «беспорядочность, тщеславие, самолюбие и снедающий эгоизм»¹.

Это как раз те самые свойства, которыми наделил Пушкин Швабрина. Зато противопоставленный ему (вымышленный герой) Скаловский интеллектуально представляется выше, сложнее пушкинского Гринева. Он должен был пройти сложный путь «от идеализации Екатерины до отчаяния и перехода к Пугачеву». И этому переходу придавался глубокий, почти символический смысл, долженствующий показать слияние стихийного свободолюбия, поднявшегося из глубин русской народной жизни, с передовыми освободительными идеями века просвещения, носителем которых был Скаловский¹.

Особенный интерес представляет глава повести, конспективно изложенная писателем в письме к жене, непосредственно после поездки в Таловский умет. В ней рассказывается о первой встрече казацкого атамана Мартемьяна Бородина с Пугачевым, только что появившимся на Урале и выдававшим себя за иногороднего купца. Пугачев зорко присматривался к накалявшейся обстановке, с затаенной, болью воспринимает страдания угнетенных и гонимых людей. В этой же главе впервые появляется И. Н. Зарубин-Чика, будущий соратник Пугачева.

Ареной действия романа должен стать не только Яик и вообще Заволжье, но и Петербург. Соответственно этому и круг действующих лиц намечался довольно широким. В романе должны были предстать не только Пугачев и его соратники, участники восстания, но и правительственный лагерь, двор Екатерины, ее окружение, фавориты, из которых особенно занимал писателя Григорий Орлов, человек сильных, необузданных страстей, непомерного честолюбия.

Роман, задуманный в таком широком историческом плане, требовал большой подготовительной работы. И как ни много в этом смысле дала писателю уральская поездка, полной, законченной картины еще не было. План писателя предусматривал еще одну поездку на Урал, в Оренбург.

По-видимому, немалую трудность в работе над романом представлял образ самого Пугачева. Если, по мнению Короленко, «фактическая история бунта с внешней стороны разработана обстоятельно и подробно», то «главный его герой остается загадкой»². Культ личности героя, противопоставляемого пассивной толпе, характерный для народников, Короленко не разделял. Еще в 1887 г. в дневнике он четко определил свое понимание вопроса о личности и массах, их соотношении, заявив, что «то, что мы называем героизмом, — свойство не одних героев», и что задача нового искусства — «открыть значение личности на почве значения масс». Надо полагать, что и в своих поисках, в раздумьях о Пугачеве Короленко руководствовался этим убеждением, стремясь уяснить «массовую подкладку событий». И в этом отношении его концепция Пугачева и Пугачевского восстания в целом определенно заключала в себе скрытую полемику с субъективной социологией народников. Как об этом уже было замечено выше, писателя не могли удовлетворить ни «лубочный злодей», воспитанный «адским млеком», ни «романтический герой во вкусе шиллеровского Моора». Тем больше настойчиво и целеустремленно изучал он народные предания и легенды, бытовавшие среди уральского казачества. Здесь, по словам писателя, ни строгие указы, ни глаголи и крючья Панина не успели вытравить из народной памяти образ «набеглого царя», оставшийся в ней неприкосновенным. Само название повести «Набеглый царь» взято, по-видимому, писателем из предания, записанного И. Железновым под названием «Видение»¹.

Изложив кратко содержание этой легенды, Короленко делает следующую запись:

¹ В. Г. Короленко. Записные книжки. 1935, стр. 368.

¹ См.: Б. Федоров. Короленко-историк. Памяти В. Г. Короленко. Изд. «Задруга». Под ред. В. А. Мякотина, М., 1922. стр.112—113.

² В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 8, стр. 431.

¹ И. И. Железнов. Уральцы. Очерки быта уральских казаков, т. III, 1910, стр. 51.

«Заглавие пожалуй: «Набеглый царь». В этом предании уже рисуются туманные черты «набеглого царя», с которым связано горе и пролитие крови»². По замыслу писателя это предание должен был рассказать старый казак ночью, на хуторе, где ночевал в это время еще не объявившийся Пугачев.

В народных преданиях писатель искал и находил те живые, человеческие черты, которых не хватало, по его мнению, «печатному» Пугачеву. «Интересно, — писал он И. Ф. Анненскому, — что в то же время как «печатный» исторический Пугачев до сих пор остается человеком «без лица», Пугачев легенды — лицо живое, с чертами необыкновенно яркими и прямо-таки реальными, образ цельный, наделенный и недостатками человека и полумифическим величием «царя». Меня самого поразило это, когда я собрал воедино все эти рассказы¹. В своем романе писателю хотелось представить Пугачева как живого человека, без всякой романтической идеализации.

Лишая Пугачева романтического ореола, Короленко не снижал его, а ставил на реально-историческую почву и в зависимость от определенных исторических условий. Этим определялось и своеобразие восприятия писателем пугачевского фольклора. Короленко больше фиксировал свое внимание на обыкновенных, человеческих чертах, на том, что делало Пугачева живой личностью, подверженной человеческим слабостям, личностью понятной, доступной, близкой самим творцам и рассказчикам легенд.

Значительное место в изображении личности Пугачева должен был занять, наряду с социальным, нравственно психологический аспект. Пугачев в романе Короленко должен был предстать психологически более сложным. Поэтому писатель большое и, пожалуй, преувеличенное значение придавал самозванству Пугачева, стремясь уяснить его психологическое содержание. Он подводил его под те общие психологические основания самозванства, исследованию которых еще в 1896 г. посвятил большой очерк «Современная самозванщина»². Однако очень дававший себя чувствовать в нем отвлеченный, нравственно психологический подход к вопросу мешал писателю правильно понять и объяснить самозванство как явление социально-историческое, как своеобразную форму проявления классовой борьбы. И это осложняло трактовку Пугачева некоторыми ошибочными тенденциями.

Там же, где Короленко прочно стоял на социально-исторической почве, он приходил к интересам, глубоким наблюдениям и выводам.

Как и для Пушкина, Пугачев для Короленко — личность незаурядная, яркая, сильная. Но то, что Пугачеву удалось поднять на борьбу и повести за собой народ, стать во главе широкого массового движения, объяснялось, по мнению Короленко, не какими-то особенными личными его качествами, а, прежде всего, обстановкой, сложившейся к тому времени, объективными социально-историческими условиями. Поэтому Короленко не мог принять версию местного казачьего писателя и этнографа И. И. Железнова, который в полемике с пушкинской «Историей Пугачева» пытался «выгородить» яицких казаков, представить дело таким образом, что во всем был виноват Пугачев, обманувший наивных и доверчивых казаков, что они оказались просто заблудшими овцами.

Большой заслугой Короленко было настойчивое и целеустремленное исследование именно этих объективных предпосылок и условий, предопределивших успех Пугачева, поддержку его со стороны широких масс народа, в частности, яицкого казачества. Сам факт самозванства Пугачева, то есть принятие на себя имени и сана Петра III, стал возможным, по мнению писателя, благодаря распространенности в народе иллюзорной веры в «справедливого царя». Во время поездки на Урал Короленко мог убедиться, до какой степени среди казачества глубоко укоренилась вера в истинность «царского» происхождения Пугачева. В «Пугачевской легенде на Урале», этой как бы увертюре к задуманной исторической повести, Короленко замечает, что «убеждение в том, что пришелец, поднявший роковую бурю в 1773 г., был настоящий Петр Федорович, держится на Урале не только в простом рядовом казачестве».

Конечно, это была только легенда, ни мало не соответствовавшая действительности, не заключавшая в себе никакой фактической правды. Но она привлекала писателя своей истинностью в том смысле, что в ней он находит своеобразное преломление, отражение извечной мечты страдавшего народа о справедливости и правде. «Пугачевскую легенду на Урале» Короленко

² В. Г. Короленко. Записные книжки (1880—1900), 1935, стр. 366

¹ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 8, стр. 505.

² «Русское богатство», 1896, № 5 и 8. На связь этого очерка с задуманной повестью о Пугачеве указал Ф. Д. Батюшков.

заканчивал следующими словами: «Да, этот образ был только тень гонимого царя. Но тень эта потрясла Россию... Степное марево, привидение — и целый ряд завоеванных крепостей и выигранных сражений... Для этого нужно было глубокое страдание и вера... И она была, правда, вся проникнутая невежеством и политическим суеверием, которые, к сожалению, долго еще жили в темных массах, как живут и теперь эти фантастические легенды на Урале».

Примечательна в этом отношении и запись Короленко на полях I тома книги Дубровина «Пугачев и его сообщники»: «Тоска, надежда, сострадание народа к царю, пострадавшему и страдающему от царицы, от которой сильно страдал и народ». Этим наивным и горячим убеждением, этими долгими ожиданиями истосковавшегося народа Короленко и склонен был объяснить тайну успеха Пугачева, сумевшего овладеть массами и повести их за собой. «Сила Пугачева, — писал он в очерках «У казаков», — была в наивной и глубокой народной вере, в обаянии измечтанного страдальца-царя, познавшего на себе гонение, несущего волю страдальцу-народу». В этом смысле Короленко и заметил, что Пугачевское движение представляется ему «по своей психологической основе одним из самых верноподданнических движений русского народа»¹. Здесь надо подчеркнуть слова «**по своей психологической основе**». Проблема, которую ставил и исследовал писатель в своем историческом романе, интересовала его, как отмечалось выше, не только в социальном, но и в психологическом плане. По свидетельству современника, революционера-народника Н. С. Тютчева, «вопросы коллективной психологии были вообще в те годы модными», и Владимир Галактионович (это было во время их совместной поездки по Волге в Саратов) «много говорил (в непосредственной связи с задуманным историческим романом — Н. Е.) о психологии массы, слагающейся при выдающихся явлениях природы или общественных движениях»¹.

Сила Пугачева, секрет его успеха и коренились, по мысли писателя, в этой массовой, коллективной психологии, в общности стремлений, чувств, настроений, объединивших и сплотивших разнородные элементы в единое целое. Единение народа в одном и том же чувстве, в одном убеждении и порыве — громадная и непреодолимая сила. И эта сила обеспечила Пугачеву временный успех. Народ истосковался в страстном ожидании своего избавителя. Чаша терпения переполнилась, напряжение достигло своего предела. Эту накаленную атмосферу тревожного ожидания, нервозности Короленко попытался художественно воссоздать в главе, написанной после поездки «а речку Таловую, где находился исторический умет. Содержание этой главы он конспективно рассказал в письме к жене от 28 августа 1900 г. Здесь полон глубокого смысла выведенный образ обезумевшего Никеша Выровщикова. Никеша едет ночью по степи и на вопрос встреченных, куда едет, отвечает: «В Питер еду. К царю. Об отце просить». А отец Никеша был казнен за то, что ходил с жалобой к царице. Интересна творческая история этого образа. Впервые он возник в воображении Короленко еще до поездки на Урал, но уже в то время, когда писатель, исследуя исторические источники, «вживался» в эпоху. Затем, работая в Уральском -войсковом архиве, он, к своему удивлению, обнаружил документально засвидетельствованного, реального прототипа своего вымышленного героя. Сам Короленко обо всем этом писал в письме к жене: «Интересно вот что: помнишь, я тебе говорил еще в Петербурге, что мне рисуется молодой казак, едущий ночью и плачущий. Я хотел этой фигурой изобразить нервное состояние, в котором тогда был народ на Урале. Теперь нашел краткое указание в Пугач. деле: командировались казаки в Оренбург отвезти «найденного в степи шатающего безумного и безгласного человека», который сказан казакам Сакмарской станицы. Кажется, с моим представлением о том времени — я на настоящей дороге»¹.

Этот случай имел для писателя важное, принципиальное значение как доказательство того, что логика художественного вымысла вела его по верному пути, развивалась в соответствии с логикой самой жизни, и, таким образом, правда художественная не расходилась с правдой исторической. Короленко хорошо понимал, что вопрос о соотношении вымысла и исторической деятельности имеет для исторического романа особенно важное значение, и, как это видно из того же письма к жене, он очень дорожил исторической правдой. «Все это, конечно, чистый вымысел, — отмечал по поводу упомянутой выше главы повести, — но я думаю, нигде от исторической правды не отступаю».

¹ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 8, стр. 445.

¹ В. Г. Короленко в воспоминаниях современников, 1962, стр. 88.

¹ В. Г. Короленко. Записные книжки, 1935, стр. 367.

Атмосферу страстного и напряженного ожидания народом своего избавителя Короленко передает и с помощью образа Чики, будущего сподвижника Пугачева. В его уста он вкладывает знаменательные слова, выражающие тоску о народном вожаке: «Эх, кабы теперь Разин или Некрасов... Да нет!» А он уже был тут, рядом, новый Разин, пока еще выдававший себя за иногороднего купца. Народ психологически был подготовлен к восстанию. Нужен был человек, который бы возглавил движение. Среди фрагментов к повести «Набеглый царь» имеется следующая характерная запись: «Мотив. Все нашли царя. Киргиз соединился с казаком, казак с башкиром, заводской рабочий, еще недавно защищавший заводы от того же башкира, теперь шел с ним рядом, найден царь, настоящий, общий, способный всех примирить, установить гармонию интересов. Великая народная мечта, великий и трагический обман»¹.

Однако в этой несколько романтической и, на первый взгляд, поэтически стройной концепции не все выдерживало историческую критику. Конечно, иллюзорная вера в «справедливого» царя действительно была присуща широким кругам крестьянства, в особенности она укоренилась среди яицких казаков. И не только в то время. Пережитки ее, трансформируясь, давали себя чувствовать и позже, вплоть до XX века. В. И. Ленин в 1905 г. писал: «Первый день русской революции с поразительной силой поставил лицом к лицу старую и новую Россию, показал агонию исконной крестьянской веры а царя-батюшку и рождение революционного народа в лице городского пролетариата»². В этом отношении тема иллюзорности крестьянских надежд и мечтаний о «справедливом царе» сохраняла свою актуальность и для того времени, когда Короленко задумал свой роман.

Но несомненно также и то, что для многих участников движения совершенно не имело значения, настоящий ли царь Пугачев или нет. Важно, что он выступал против крепостнического гнета, за освобождение народа.

Вопрос о самозванстве Пугачева не имел (никакого значения для горнозаводских рабочих людей, а также и для представителей национальных меньшинств, принимавших участие /в Пугачевском восстании. Согласно башкирскому преданию, Салават Юлаев так говорил башкирам: «Является ли Пугач царем или нет — это нас не интересует. Пугач — против русских чиновников, генералов и бояр, для нас этого достаточно»³.

То единение людей разных национальностей вокруг Пугачева, которое отмечал Короленко, возникало прежде всего на социальной и более широкой, чем мечта о «справедливом» царе, основе.

В процессе работы над пугачевской темой писателю пришлось неизбежно коснуться и вопроса о так называемых жестокостях Пугачева. Тенденциозные измышления реакционных историков о якобы его исключительных жестокостях Короленко отвергал и в то же время внимательно фиксировал факты жестокостей правительственных войск, местного начальства по отношению к восставшим. При этом он опять-таки опирался на народные показания, а также и на архивные материалы. В беседе с М. Е. Верушкиным¹ Короленко говорил: «Я вот изучаю эту эпоху, и так уже изучил, что, кажется, изо дня в день могу рассказывать, когда и где был, шаг за шагом, Пугачев и что делал, и мне пришлось прийти к такому заключению, что очень уж извергом в нашей литературе изображается Пугачев, а по всем данным он далеко таким не был. По тогдашнему времени, когда население повсюду теснили, он был гораздо мягче тех, с кем народу приходилось иметь дело. Он был беспощаден с врагами, которых брал в бою, но с мирным населением обходился совсем неплохо...» Сохранились выписки Короленко из народных преданий, записанных И. И. Железновым. В одном из них Короленко особо выделяет и подчеркивает слова старого казака И. М. Бакирова: «Да разве солдатские командиры под конец бунтовства меньше перевели народу? Пожалуй, еще больше. Он, к примеру, казнил и вешал тех, кто не веровал в него, а солдатские командиры казнили и вешали тех, кто веровал».

«Самозванство Пугачева, — замечает М. Е. Верушкин, — конечно и для Владимира Галактионовича несомненно, но ему хочется осветить эту историческую личность в несколько ином свете...»

¹ В. Г. Короленко. Записные книжки, 1935, стр. 367.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 216.

³ См.: А. Н. Лозанов. Песни и сказания о Разине и Пугачеве, Л., 1935, стр. 212.

¹ Макар Егорович Верушкин — местный учитель из казаков, с которым Короленко ездил по казачьим станицам. Его воспоминания о пребывании писателя на Урале были напечатаны в газете «Уралец» за 1903 г., № 77.

Если бы писателю удалось завершить начатое повествование, то это, несомненно, было бы новым словом о Пугачеве не только в художественной литературе, но и в исторической науке.

Несмотря на большую подготовительную работу и обилие собранных разнообразных материалов, историческая повесть «Набеглый царь» все же осталась ненаписанной. Почему? Исследователи, ставившие перед собой этот вопрос, по-разному отвечали на него. Они исходили из индивидуально творческих особенностей Короленко как писателя малых лирико-эпических форм, полагали, что его художественное своеобразие целиком проявилось в специфических короленковских очерках и рассказах. Роман же, требующий эпической широты и объективности, — не его жанр, жанр, не соответствующий особенностям дарования писателя.

Исследователи литературного наследия и комментаторы «Записных книжек» писателя — С. В. Короленко и А. Л. Кривинская — объясняли незавершенность романа тем, что «в 1905 году Короленко приступил к новой большой теме, выполнение которой считал важным делом своей жизни — начал писать «Историю моего современника». Ему приходилось беречь время и силы, уже убывавшие, для этой большой работы, заслонившей собою все другие художественные замыслы»¹. Наконец, ряд мемуаристов, а вслед за ними и некоторые современные исследователи творчества Короленко (Г. Бялый, Г. Миронов) считают, что работа над историческим романом была заслонена и отодвинута бурной современностью, «зlobой дня», которая властно приковывала внимание писателя к текущим общественным событиям, безраздельно овладевала всеми его духовными силами.

И все же можно думать, что дело не только в том, что в процессе работы у писателя могли возникнуть затруднения иного порядка, связанные уже с самой концепцией повести и трактовкой ее главного героя. По-видимому, в идейно-тематическом составе повести все еще недоставало каких-то существенных звеньев. Так или иначе Пугачев оставался для писателя все-таки неразгаданным. И тот нравственно-психологический аспект освещения его, о котором говорилось ранее, возможно, начал вызывать сомнения у самого писателя.

Как видно из переписки с М. Е. Верушкиным, Короленко и не рассчитывал на скорое завершение своего романа. 30 ноября 1902 г., очевидно, в ответ на какие-то слухи, дошедшие до Уральска и сообщенные ему М. Е. Верушкиным, он писал: «Насчет романа из жизни казачества якобы законченного мною, — пустяки. Это смешивают с историческим, который далеко не готов и будет не скоро»¹. Последовавшие затем события первой русской революции, приковавшие к себе внимание писателя, могли внести какие-то новые коррективы в первоначально сложившуюся концепцию. Следовательно, возможно, появились трудности, осложнявшие и замедлявшие работу.

Несмотря на то, что повесть «Набеглый царь» не была написана, уральская поездка в целом все же оказалась весьма плодотворной. Ее творческим результатом явились не только разнообразные материалы, собранные для исторической повести, но и очерки «У казаков», написанные в 1901 г. в Полтаве и опубликованные в журнале «Русское богатство» в том же году (№№ 10, 11, 12). Связь очерков с задуманной исторической повестью «Набеглый царь» совершенно очевидна. Они явились как бы подступами к повести, предварительным уяснением исторической темы на современном материале.

Жизнь уральских казаков, изображению которой посвящены в основном очерки «У казаков», представляет

здесь в постоянном соотношении с прошлым, с событиями пугачевского времени и под углом зрения социально-антагонистических противоречий, многообразных по форме, и сталкивающихся интересов. Прошлое и настоящее предстают в их взаимосвязи как звенья единого, непрерывного исторического процесса. Картины и характеристики сегодняшней жизни постоянно чередуются с экскурсами в прошлое, воскрешающими те или иные страницы, эпизоды предыстории и истории Пугачевского движения. Это придавало очеркам «У казаков» необычайно широкую историческую перспективу. От современности как бы протягиваются нити к прошлому, которое, по словам писателя, «властно и цельно владеет душой в этом степном просторе»¹. И это обращение к истории многое объясняло и делало понятным в современной жизни. С обостренной восприимчивостью писатель фиксировал пережитки и отголоски далеких социальных конфликтов, которые, в свое время, закономерно приводили к взрыву народного негодования.

¹ В. Г. Короленко. Записные книжки (1880—1900), 1935, стр. 486.

¹ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

¹ В. Г. Короленко. Записные книжки, стр. 415.

Такой аспект освещения современности придавал Пугачевской теме особую актуальность, выводя ее за пределы чисто исторического значения. Все это лишний раз доказывает, что очерки «У казаков» менее всего были этнографическими, какими их обычно считали, и более всего социальными, заключавшими в себе широкие социально-художественные обобщения, и внутреннеполюемичными. В плане идейного развития писателя они означали более глубокое осознание и критику субъективно-социологических концепций и общинных заблуждений народников, признание неодолимости объективного хода исторического развития. На протяжении всего произведения Короленко развенчивает иллюзию «вольной степи», общинного духа, согласия и единения, царящих якобы в Уральском казачьем войске.

Антагонистические, социально-классовые противоречия в так называемой общине и судьба бедных, угнетенных людей в «вольной степи» — такова сквозная, главная тема очерков. Писатель пользуется каждым случаем, чтобы показать, что тот бунтарский, мятежный дух, который исстари отличал рядовое казачество, не угас еще окончательно и подспудно живет в массе бедных, малоимущих казаков.

Под этим специфическим углом зрения освещалось все увиденное писателем в современной жизни на Урале. Даже картины природы своеобразно преломлялись сквозь призму исторических воспоминаний и раздумий на пугачевскую тему. Как это справедливо еще заметил Ф. Д. Батюшков, тень Пугачева незримо присутствует почти на каждой странице очерков «У казаков».

И. Т. ИЗОТОВ

ДОСТОЙНОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ

(«Емельян Пугачев» — В. Шишкова)

Тема грандиозного крестьянского восстания XVIII в. под руководством Емельяна Пугачева нашла широкое освещение в русской литературе XIX века, а затем и в советской литературе.

Первым серьезно обратился к этой теме, как известно, А. С. Пушкин. В 1833 г. он написал историческое исследование «История Пугачева» и тогда же задумал повесть «Капитанская дочка», которая была напечатана в 1836 г. Пушкин создает широкую историческую картину, с разных сторон охватывающую русскую действительность эпохи большого крестьянского движения.

Пушкин правильно воспроизводит, в основном, характер Пугачевского восстания как события исторически неизбежного, а вождя восстания Емельяна Пугачева изображает истинным выразителем народных чаяний.

В последующей литературе пушкинская, в основном положительная трактовка Пугачева была отвергнута дворянскими романистами. К Пугачевскому восстанию обращались неоднократно на протяжении XIX века многие писатели — В. Савинов, Е. Салиас, Г. Данилевский, А. Соколов и др. Однако напрасно было бы искать в их произведениях правдивого изображения Крестьянского восстания — в них нет ни анализа положения закрепощенного крестьянства, ни фактов жестокого произвола и издевательств помещиков над своими крепостными рабами, ни сколько-нибудь правдоподобного воспроизведения событий, фактической стороны восстания. Историк М. Ковалевский говорил по поводу авторов этих романов, что они плохо знают историю, слабо представляют себе действительное развитие событий. Исключение представляет один Салиас: он совсем не знает истории.

В советской литературе появилось немало произведений, посвященных пугачевскому восстанию. Интерес к этой теме вполне понятен. Крестьянские восстания расшатывали устои Российской империи.

Первые произведения в советской литературе больше были посвящены раскрытию образа Пугачева, чем изображению восстания. Это были небольшие поэмы или пьесы. В 1921 г. вышла лирическая драма С. Есенина «Пугачев», в 1924 г. — пьеса К. Тренева «Пугачевщина», В. Каменскому принадлежит поэма «Емельян Пугачев», опубликованная в 1931 г. Спустя 6 лет появилась поэма Б. Липатова «Пугачев», а в 1938 г. — пьеса И. Луковского «Емельян Пугачев». Но при всех достоинствах этих произведений, написанных с иных исторических позиций, Пугачев все же изображается здесь либо слишком примитивным, игрушкой в руках своих сообщников, либо крайне модернизированным, современным. По-настоящему Пугачев не был понят в этих

произведениях. (Еще В. Г. Короленко называл его загадкой, сфинксом, он хотел писать роман о Пугачеве. 10 лет собирал материал, но роман так и не увидел свет, очевидно, потому, что Короленко не удалось разгадать эту историческую «загадку» и, прежде всего, загадку самозванства Пугачева).

Предстояло заново поставить вопрос о Пугачеве и о восстании в целом, изучить и переосмыслить весь материал и осветить его не в поэме или пьесе, где полностью задача не могла быть разрешена, а в широком эпическом плане.

Эту задачу взял на себя В. Шишков, написавший трехтомную эпопею «Емельян Пугачев». Шишков поставил перед собой весьма обширные задачи: 1) рассказать с документальной точностью и почти исчерпывающей полнотой историю Пугачевского восстания; 2) вскрыть причины восстания, объяснить, почему оно приняло такой грандиозный характер, охватило громадную территорию и продержалось в течение года; 3) дать правильное истолкование личности Емельяна Пугачева, раскрыть сложность и противоречивость его характера и, в частности, разрешить проблему его самозванства.

Все эти задачи были удачно решены писателем¹. Причины восстания раскрыты в романе глубоко и всесторонне.

Состав пугачевского войска был много сословным и многонациональным: в него входили крестьяне, уральские и оренбургские казаки, работные люди, татары, башкиры, калмыки, удмурты и т. д. И каждая социальная или национальная группа имела свои причины быть недовольной своим положением. Все эти многообразные причины найдены писателем, и они объясняют, почему чаяния недовольных сошлись на Емельяне Пугачеве, именовавшем себя императором Петром III.

Оренбургский край стал центром восстания потому, что оно началось с недовольства яицкого казачества своими атаманами, старшинами и царскими генералами. К яицким казакам присоединились оренбургские казаки, и войско Пугачева стало быстро расти. 17 сентября 1773 г. Пугачев во главе отряда, состоявшего из 70 казаков и калмыков, выступил из Толкачевских хуторов по направлению к Яицкому городку (Уральску), и искра восстания вспыхнула. А затем, когда широко разнеслась весть о том, что объявился государь Петр III, «заступник» народа, чудом спасшийся от смерти, которую ему уготовила жена Екатерина, к Пугачеву хлынуло крестьянство. Армия его стала расти не по дням, а по часам.

Крестьяне ненавидели помещиков, пользовавшихся неограниченной властью над крепостными. В. Шишков показывает тяжелое положение крестьян, которым неволею стало терпеть гнет и издевательства. Писатель обнажает общие причины недовольства, характерные не только для района восстания, но и для всей России. Это очень яркие и впечатляющие картины. В специальную главу выделена история свирепой Салтычихи, убившей 138 своих крепостных крестьян. Как-то поехала эта разбойница в Киев на богомолье. Оставшись в одном из своих имений, она убила свою девку Марью. Сначала она избивала ее за нечисто вымытые полы. Натешившись, приказала гайдуку драть ее кнутом. Затем измученную девушку загнали в пруд, а был ноябрь, вода с краев в пруду подмерзла. Обезумевшая, с полчаса простояла в ледяной воде по горло. Салтычиха приказала снова перемыть полы, но Марья работать уже не могла, а только тряслась и стонала. Разбойница добила ее палкой с гвоздями. Марья тут же в хоромах скончалась.

Часто Шишков изображает зверства помещиков от имени Пугачева, который во время своих странствований и мытарств многое видел, многое на себе испытал.

Вот в одной избе он увидел крестьянина на скрипучем дощатом настиле с обмотанными тряпьем ногами, который не переставая стонал: «Гниют мои ноженьки, ни днем, ни ночью покою не вижу, смерть зову, не идет». Когда он размотал изуродованную ногу, Пугачев увидел: всю ступню раздуло, подошва и пальцы черные, в мокрых волдырях, кровоточат, истекают гноем. А произошло это с ним потому, что он отказался отдать помещику свою дочь, красавицу Дуню, на поругание. «Меня сгребли, — рассказывает он, — свалили, а барин-то зачал меня лежачего топтать. И велел он кострище запаливать... А как прогорел кострище, велел барин по огненным угольям взад-вперед меня, разутого, босого, под руки водить. Я дурью заревел, аж свет белый

---

¹ Можно отметить только некоторые мелкие погрешности топографического характера. Так, по роману выходит, что если стоять на Маячной горе лицом к городу, то Берды будут находиться далеко вправо, тогда как на самом деле — далеко влево; или Маячная гора оказывается продолжением Форштадта. Но эти погрешности заметны только жителям Оренбурга.

закачался, хотел подкорчить ноги-то, — не тут-то было, барин как зыкнет «а холопов, они и повисли, как собаки, на ноженьках моих... Ой, да лучше бы в костер меня кинули. Легче бы...»

Используя такие факты, автор показывает корни восстания, справедливость той ненависти, какую питали крестьяне к своим учителям.

Так же детально, как причины восстания, изучены и изображены В. Шишковым военные операции, успехи и неуспехи пугачевцев в их столкновениях с правительственными войсками. В. Шишков с добросовестностью историка останавливается на всех этапах пугачевского восстания, дает точные даты, называет подлинные имена. Вымышленных лиц в романе очень мало, и они, за исключением двух-трех, большого значения не имеют.

Движение вначале немногочисленного пугачевского отряда (70 человек), начавшись у Толкачевских хуторов, продолжалось вдоль правого берега Урала, по которому были расположены степные крепости-форпосты для защиты границы от кочевников. Отряд подошел к Яицкому городку (Уральску), сильно укрепленному, но его было решено, пока не будет добыта артиллерия и не увеличится войско, обойти. В это время у Пугачева насчитывалось около 400 человек.

21 сентября без боя был занят Илецкий городок на левом берегу Урала — казаки гарнизона сразу перешли на сторону Пугачева. Атаман Портной, который противился этому и приказал накануне разрушить мост, был повешен.

Легко овладели пугачевцы 26 сентября Нижне-Озерной на правом берегу Урала. Здесь казаки тоже присоединились к восставшим. Продолжали защищаться только офицеры. Они сами заряжали пушки. Комендант крепости майор Харлов перебежал от орудия к орудью и зажигал запалы. «Но уже с треском рушились ворота, пугачевская конница вскочила в крепость. Харлов выхватил саблю...

— Ура! Ура!.. — закричал он дико, пронзительно и бросился с валу навстречу коннице. Ударом пики ему выбили глаз, на щеку брызнула кровь, глазное яблоко моталось на толстом нерве, как маятник. Иступленный Харлов продолжал помахивать саблей направо-налево. В него вонзилось сразу несколько пик».

При описании Нижне-Озерной Шишков вводит эпизод, который должен был показать, что в стане Пугачева были элементы организованности. Некоторые казаки, перепившись, начали грабить всех без разбора. Обидели и простую девушку Анютку, отняв у нее сундук с приданым. Разгневанный Пугачев приказал найти виновного. «Кто смел обидеть тебя?» — обратился он к девушке и приказал повесить казака. «Детушки! — крикнул Пугачев, подымаясь на лафет пушки.— С пьянства да с грабительства немисленно нам дело свое зачинать! Обижать беззащитных женок, да сирот, да стариков недужных по нраву ли вам? Вот девушку избидел паскудник... Да что она, княгиня, что ли, какая альбо барыня?!»

Этот эпизод нужен был Шишкову для полемики с теми писателями, которые хотели представить пугачевское движение как исключительно разбойное и анархическое, лишенное каких-либо сдерживающих начал. Шишков здесь рисует Пугачева человеком, не лишенным гуманности и понимания общих задач восстания. Шишков идет в этом отношении не за Салиасами и Данилевскими, а за Пушкиным, пользуясь даже отдельными выражениями из «Капитанской дочки». Вспомним у Пушкина: «Кто смеет обижать сироту?» — вскричал Пугачев, когда Гринев пожаловался ему на Швабрину.

Трудной задачей для Пугачева было овладение крепостью Татищевой, имевшей сильный гарнизон. Описание этой крепости у Шишкова частично напоминает то, что писал Пушкин о Белогорской крепости в «Капитанской дочке»: те же, что у Пушкина, старички-солдаты в составе гарнизона, мало пригодные для военных действий (они попрятались «в казармах под нары», когда пугачевцы подступили к крепости), та же (властная комендантша; она изображена не менее энергичной и воинственной: забравшись на чердак своего дома, стреляет без промаха по пугачевцам. «Возле нее три ружья и две пары пистолетов. Выстрелы метки, вот двое свалились — казак и татарин, а за ними еще и еще...»

Пять сотен казаков татищевского гарнизона во главе с сотником Падуровым перешли на сторону Пугачева. Для взятия крепости Пугачев прибег к хитрости: поджег стог сена под крепостными стенами. Огонь перекинулся на деревянный тын крепости, на крыши домов. Пугачевцы бросились на штурм. Дым мешал осажденным защищаться. Пугачевцы ворвались в крепость. Ожесточенность происшедшей схватки Шишков передает в картине, исполненной

экспрессии: «Началась резня. Всюду сверкают ножи, кинжалы, острия топоров. «Режь, бей, коли!» Страшные чернобородые, рыжебородые, усатые, бритые лица. Зубы стиснуты или злобно оскалены. В накаленных яростью глазах забвенья всего, чем перед тем жили, радовались и печалились люди. Дым, огонь, лязг сабель, жалобное ржанье раненых коней, стоны падающих солдат... Штык порет сердце, выстрелы, визгливые выкрики, протяжные стоны, ругань, проклятия».

Нарисованная картина боя имеет несколько обобщенный характер, без ясного разграничения сторон, и это объясняется, очевидно, тем, что писатель не хотел подчеркивать существенных противоречий между простыми солдатами гарнизона и пугачевским войском. Сражение закончилось быстро. «Солдаты побросали оружие, — их сотни три, — вскинули руки, кричали: «Сдаемся, сдаемся!» Пленных солдат привели к присяге и переименовали в «государевы казаки».

Комендант Елагин был убит, комендантша и офицеры повешены. Взятие Татищевой было большим успехом Пугачева, пала самая сильная из оставшихся крепостей по Яику. Дорога на Оренбург была открыта.

Шишков опускает некоторые последующие эпизоды войны — взятие Чернореченской в 28 километрах от Оренбурга и других мелких крепостей, чтобы затем перейти к подробному описанию почти полугодовой осады Оренбурга (с октября 1773 по март 1774 г.).

Оренбург являлся в то время небольшим — от нынешней Студенческой площади на востоке до ул. Бурзянцева на юге и от Урала до площади Ленина. Шишков дает детальное описание Оренбургской крепости. Город был защищен земляным валом с десятью бастионами. (Остатки этого вала оренбуржцы еще недавно могли видеть. Сейчас на этом месте построен один из учебных корпусов сельхозинститута). Между бастионами четыре выхода из города. Одеты камнем только два бастиона. Оборонительные сооружения к моменту приближения повстанцев были в запущенном состоянии: «Окружавшие город рвы, — говорит писатель, — заросли бурьяном. Обыватели свозили сюда ободранные туши дохлых лошадей, битые горшки, бутылки, щепки, всякий дрызг. Через ров в любом месте ездили на телегах, и лишь в немногих местах, где откосы взяты в камень, было невозможно пробраться из крепости... Бревенчатый частокол вдоль вала и ограждающие ров рогатки отсутствовали. Крепостные ворота затворов не имели».

Пугачев мог рассчитывать на успех, если бы штурм Оренбурга начал без промедления. К этому времени армия его возросла до 2400 человек, имела артиллерию, захваченную в яицких крепостях и форпостах. Но Пугачев проявил излишнюю осторожность, надеясь на пополнение своего войска, и предпочел штурму длительную осаду, чтобы взять город измором. Тем самым он дал возможность гарнизону укрепить оборону. Больших сражений не было. Были разведки, небольшие стычки, происходившие между осажденными и пугачевцами, которые расположились в Бердской слободе. Более подробно описана попытка Пугачева взять город со стороны Форштадта, где осаждающие пытались затащить на Егорьевскую церковь пушку, но эта попытка окончилась неудачей; описан наскок пугачевцев на Меновой двор, чтобы захватить там купеческие товары.

Пугачев рассылает во все концы манифесты с призывом присоединиться к его армии, уничтожить помещичьи гнезда. Войско Пугачева начинает непрерывно расти. В Берды прибыло 1400 конных башкирцев во главе с Кинзей Арслановым. Восстание разрастается. Все имения вокруг Оренбурга, верст за 200, были брошены владельцами. Об одном из них В. Шишков рассказывает:

«А вот барыня Пополутова никак бежать не пожелала. Проводив мужа в Пензу, она схоронилась в лесу, в сторожке. Однако когда наехало человек двадцать казаков, крестьяне барыню выдали и приволокли в барский двор. Выпытывая, где у нее схоронены богатства, казаки били ее плетьюми.

— Хороша ли она была с вами? — спрашивали пугачевцы крестьян.

— Барин хорош, а она несусветная стерва, — в один голос отвечали мужики.

Помещицу Пополутову снова принялись драть. С особым усердием стегали свою госпожу крестьяне...

Казаки барыню пристрелили.

— А как же с девчонками ейными, господа казаки? У нее три маленьких дочери остались.

Рыжебородый хорунжий, посоветовавшись с людьми из отряда, сказал:

— Девочки ни в чем не повинны. Вы их разберите по домам и содержите детские души по совести. А как войдут оные в возраст, выдайте мужикам в замужество».

Пугачевцы не ослеплены ненавистью, они были способны справедливо решать вопросы в каждом данном случае, сообразуясь с обстоятельствами.

Со всех сторон шли в Берды к «батюшке-царю» для его войска подводы с провиантом.

Встреча Хлопуши с Пугачевым. Картина В. Тельнова

Однако осада носила безуспешный характер. Перевес в артиллерии был на стороне губернатора Оренбурга Рейнсдорпа: на каждую пушку Пугачева приходилось 5 пушек осажденных. Пугачев отправлял Хлопушу на Авзяно-Петровский завод в Башкирии, который был взят местными отрядами, лить мортиры. Хлопуша успешно справился с заданием. Артиллерия пополнилась. Кроме того, Хлопуша привел около 500 человек мастеровых. Теперь у Пугачева не только казаки и крестьяне, но и «работные люди» с заводов. Перестрелки происходили ежедневно. Пугачевцы подступали к валу, окружавшему Оренбург, осажденные в ответ делали вылазки. Происходили короткие схватки, но они не были результативными, и противники расходились. Осаждающие не могли взять Оренбург, осажденные тоже не имели шансов на победу.

Встревоженная восстанием, охватившим ряд губерний, Екатерина II посылает против Пугачева регулярные войска. Подойти к Оренбургу и снять осаду было поручено генералу Кару. Пугачеву угрожала большая опасность. У Кара было 1500 солдат и 5 пушек. Из Чернореченской, с запада, против пугачевской армии выступил сильный отряд Чернышева. Со стороны Сибири, с востока, стояли значительные силы генерала Деколонга. Таким образом, Пугачев мог оказаться в кольце.

Но судьба пока благоприятствовала предводителю восставших: между царскими войсками не было никакой связи, они не знали о местонахождении друг друга. И Пугачев одерживает ряд побед.

Навстречу Кару Пугачев отрядил Овчинникова с 500 казаками и 6 орудиями. Несмотря на трудное положение, Пугачев был бодр и оптимистичен, не отказывался, как всегда, от шутки. Напутствуя казаков, он говорил: «Царица Катерина выслала против меня генерала своего, бездельника, немчурю тонконового Кара. А нуте-ка, детушки, задайте этому Кару жару! Да такого жару задайте Кару, чтобы оный Кар и каркать позабыл».

Встреча с Каром произошла под Юзеевой (по дороге на Шарлык).

Солдаты не любили своего начальника Кара. Вот каким его изображает Шишков: «Невысокого роста, шуплый, большоголовый, виски запали, глаза смотрят немного в стороны, как у зайца, рыжеватые волосы торчком, нос большой. Он совсем некрасив. С солдатами холоден, занослив. по временам становится без толку криклив».

7 ноября Кар занял Юзееву, в 100 верстах от Оренбурга. В двух верстах в лесу находился Овчинников со своим отрядом.

К Кару двигалась в помощь рота гренадеров. В романе поражение ее описывается так:

«Ночь, темная, тихая, морозная. Кар не спит, Кар нетерпеливо поджидает прибытия испытанной в боях гренадерской роты.

Рота движется медленно, — дорогу перемело, попадаются длинные подъемы, лошади истомились. Обоз растянулся на версту — около полсотни подвод. На каждой подводе по четыре, по пять гренадер. Обессиленные трудной дорогой и холодом, большинство их крепко спит, дежурные подремывают, веки слипаются, головы валятся на грудь. Тут же, в санях, кой как сложены незаряженные ружья и мушкеты. А зачем их спозаранку заряжать, только зря порох отсыреет. Опасаться нечего: впереди отряд генерала, — значит врага нет и в помине... Из тьмы, как с неба гром, ударила пушка, другая, третья. По окрестности прогудело раскатистое эхо. На санях по всему обозу все повскакали, ночную тьму взорвали сотни крикливых, заполошных голосов. Обоз враз остановился. Мимо проскакал на коне начальник роты поручик Карташов.

— Ружья! Гренадеры! Ружья!.. — орал он с коня. — Стройся!

И путаные, в ответ, по всему обозу голоса солдат:

— Где ружья-то?.. Не заряжены они, чай?

— Ах, черт!.. Говорил — зарядить...

— Пули, пули забивай! Давай натруску!

Но ружья при себе были не у каждого. Капрал, стоя дубом в санях, изо всех сил кричал, размахивая шапкой:

— Сюда, черти, сюда!.. Здесь ружья-то! И ладунки здесья. Эвот, в энтях санях!.. Давай, давай!

Но «давать» было уже поздно. Молодцы атамана Овчинникова со всех сторон окружили полусонную перепуганную роту.

— Пли! — яростно командовал обезумевший поручик Карташов.

Затрещали недружные и малочисленные выстрелы гренадеров.

— Кладите оружие, солдаты! Нас две тысячи да двенадцать пушек при нас. А вас сколько? — отовсюду раздавались крики наскакивавших пугачевцев.

Засверкали сабли, пики. У Карташова вместе с мохнатой шапкой слетела голова. В быстрой свалке убиты были два офицера и семь солдат. Вся рота, бросая оружие, загалдела:

— Сдаемся!.. Не трог нас!»

Два офицера — Шванвич и Волжинский — согласились служить «государю», что для Пугачева было большим приобретением. Пугачев нуждался в грамотных людях, в военных специалистах. Переход на сторону Пугачева офицера Шванвича — исторически известный факт. Еще Пушкин в «Капитанской дочке» своеобразно использовал его, раздвоив исторического Шванвича на образ Гринева, который с симпатией относился к Пугачеву, но не хочет служить ему, и Швабрина, который служит Пугачеву, но, видимо, без всякой симпатии.

Кар, так и не дождавшись подкрепления, стал поспешно отступать. При отступлении он подвергся нападению отряда Овчинникова. Началась перестрелка, пугачевцы подбили лучшую пушку Кара, татарские конники перешли на сторону пугачевцев. Солдаты плохо понимали, за что и против кого они воюют. Против ли самозванца Пугачева, или против истинного государя. Они готовы были бы бросить оружие. Отстреливаясь от наседавших пугачевцев, отряд Кара отходил к деревне Сарманаевой, потеряв 123 человека убитыми.

Третьей победой была ликвидация отряда полковника Чернышева, двигавшегося с запада, со стороны Чернореченской. Чернышев спокойно переправился через Сакмару, поднялся на Маячную гору. Но тут, под самым Оренбургом, он неожиданно попал в засаду. Весь отряд с громадным обозом, который предназначался для осажденного Оренбурга, попал в руки пугачевцев и был отведен в Берды. Шишков, пользуясь правом художника, прибегает к домыслу, чтобы объяснить такую легкую победу. Вот как это произошло. Рыжеусый казак-пугачевец Чернов, сорви-голова, явился в стан к Чернышеву, прикинувшись врагом мятежников. Он ловко разыграл

свою роль, сумел внушить к себе доверие и завел весь отряд под удар. Пугачевцы без потерь провели всю операцию. Взятых в плен солдат остригли по-казацки и разместили по полкам, а офицеров повесили. Сам Чернышев думал спастись, переодевшись в крестьянский тулуп, валенки и усевшись вместо извозчика на козлы, «о он был опознан по белым рукам, по барскому бритому лицу и тоже казнен.

Войско Пугачева в Бердах росло. В него вливались новые отряды татар, башкир. Непрерывно прибывали мужики с косами, вилами, топорами или просто дубинами. Жили в землянках, которых много выросло вокруг Берды. Была учреждена Военная коллегия, в которой четко распределялись функции между ее членами. Обучением войск занимались офицеры Шванвич и Горбатов.

Горбатов — один из немногих вымышленных героев. Шишков отступил в этом случае от истории, рассказав о добровольном переходе на сторону Пугачева офицера Горбатова из Оренбургского гарнизона, хотя такого случая не было. Горбатов — образованный и революционно настроенный человек. Он, конечно, знал, что Пугачев не Петр III, но он был противником монархии и стремился к ее свержению — поэтому и примкнул к Крестьянскому восстанию.

Горбатов становится как бы идеологом Пугачевского восстания. Он — главный советчик Пугачева, знает больше его, что означает это восстание, я остаюсь до конца с Пугачевым.

Успехи Пугачева «е могли быть длительными. Силы противника росли. Со всех сторон к Оренбургу стягивались правительственные войска. Генеральный бой произошел за Татищеву. Здесь Пугачев решил встретить отряд Голицына, чтобы не допустить его до Оренбурга. В этом сражении, происшедшем 21—22 марта, пугачевцы несмотря на отчаянную храбрость и умелое ведение боевых операций, которыми руководил сам Пугачев, потерпели поражение. Вместе с тем была снята осада Оренбурга, большие силы полувооруженных масс, собранные в Бердах, стали рассеиваться. С небольшой частью своих самых стойких сторонников Пугачев уходит в Башкирию, туда, где находятся большие заводы, где движение вновь стало разрастаться с еще большей силой.

Таким образом, восстание передвинулось в основном за пределы Оренбуржья.

Несмотря на поражение, Пугачевское восстание оставило след в истории. Оно свидетельствовало о силе и мощи народа, который никогда не хотел мириться с рабством, никогда не прекращал борьбы за свою свободу и человеческое достоинство.

Эту мысль В. Шишков выражает в прочувствованной лирической тираде: «Не понять было ни Кару, ни тем более графу Чернышеву, пославшему его охотиться за Пугачевым, что Пугачев — это тот самый сказочный Кащей Бессмертный, которого ни пуля, ни сабля не берет: живет и будет жить, пока на Руси бьется хоть одно горячее, жаждущее воли сердце... А полно — не тысячи ли тысяч таких сердец, не бесчисленно ли войско мятежное, не полным ли полна земля русская богатырской крови? Уж ежели и брызнет да прорвется — шибко забушует!.. И попробуй-ка останови, взнуздай этот огневой поток, положи-ка преграду ему!»

Эти строки перекликаются с нашей современностью, когда огневой поток испепелил все старое, отжившее, и массы стали, наконец, в результате победы Великого Октября, полновластными хозяевами своей страны.

М. М. ЧУМАКОВ, М. Ф. ЯКУШЕВ

НЕМЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Две небольшие пушки. Стоят они на подставках в музейной комнате. Как они оказались здесь?

Весной 1966 г. группа учащихся Спасской средней школы Саракташского района собирала металлолом. На окраине села ребята заметили металлический предмет, торчащий в земле. Попробовали выдернуть. Не поддался. На помощь пришла лопата. Предмет оказался... пушкой, точнее — стволом от нее. Деревянная подставка, к которой крепилось орудие, сгнила и рассыпалась. Так пушка стала редким экспонатом.

11 июня 1970 г. чабан колхоза «Россия» И. Ишмухамедов, проезжая через дубовую рощу в семи километрах от села Спасского, увидел в кустах торчащую из земли какую-то трубу. Вытащив ее, колхозник удивился: в руках у него оказался ствол пушки. Свою находку он также привез в музей. Она заняла место рядом со своей «сестрой».

Размер пушек примерно одинаков. Длина ствола первой 36 сантиметров, второй — 34 сантиметра. Разнятся они несколько калибром. Диаметр ствола первой пушки всего лишь 2 сантиметра, второй — 5,5 сантиметра. Заряжались обе пушки ядрами, выстрел из них производился путем поджигания пороха или фитиля через специальное отверстие, помещенное сверху тыльной стороны.

Изготовлены пушки не позднее XVIII века. Первая отлита на одном из уральских заводов (точно такие пушки можно видеть в музеях ряда городов Урала). А вот другая?.. Родина ее — Америка. Да, Америка, ошибки тут нет. Об этом свидетельствует сама пушка. На левой стороне ее ствола выпуклыми цифрами обозначен номер 8886, по правой стороне также выпуклыми буквами надпись по-английски указывает изготовителя — фирму «Диринг» и точный адрес — «Чикаго». К сожалению, не проставлен год выпуска.

Как же эти, разные по происхождению, но предназначенные для одной цели — убивать людей — находки оказались в одном и том же месте на расстоянии до десятка километров друг от друга? Кто их занес сюда, в Дикую Оренбургскую степь, где на месте обнаружения пушек люди появились в 1785 г. (дата возникновения села Спасского)? Заглянем в историю...

Документы гласят, что 1 апреля 1774 г. правительственные войска нанесли повстанцам Пугачева сильное поражение под Сакмарским городком. Тогда Пугачев вынужден был уводить остатки своих войск на север, в Башкирию. Там, на горных заводах, с помощью рабочих людей рассчитывал он набрать пополнение для своих отрядов.

Отступающие пугачевцы прошли через крепость Пречистенскую, а затем, рассредоточившись, мелкими отрядами пробивались к Ташле.

Место, где найдены пушки, лежит на полпути между Пречистенской и селом Ташлой (ныне Тюльганского района). Вполне возможно, что здесь произошло сражение пугачевцев с преследующими их правительственными войсками.

Так, на месте боя и лежали с той двухсотлетней поры немые свидетели одного из ярких событий отечественной истории. Заморская же «гостья»-пушка, отлитая в Чикаго, несомненно могла находиться на вооружении правительственных войск.

Прошло уже два столетия с того времени, а нет-нет да и обнаружится находка, так неожиданно напоминающая о давнем былом.

* * *

Яицкие казаки, как известно, принимали самое активное участие в Крестьянской войне 1773-1775 гг.

Один из очагов повстанческой борьбы сложился в районе среднего течения Яика, захватив, в частности, административный центр яицкого казачьего войска — Яицкий городок (ныне город Уральск). С конца декабря 1773 г. началась осада повстанцами крепости в районе Старого собора в Яицком городке. Крепость была выстроена по распоряжению коменданта городка подполковника И. Д. Симонова. Здесь засел гарнизон правительственных войск.

Жители города вместе с отрядами повстанцев держали эту крепость в осаде и неоднократно пытались взять ее штурмом. Когда в середине апреля 1774 г. прибывшие правительственные войска захватили Яицкий город, то местные жители, участвовавшие в штурме крепости, чтобы скрыть свою причастность к восстанию, стали зарывать оружие в землю...

Несколько пушек, спрятанных жителями города в апреле 1774 г., были обнаружены в старой части города — «Куренях» в 1957 г. в период сильного разлива реки Урал, вышедшей из берегов. Тогда городу Уральску угрожало стихийное бедствие. Насыпались земляные плотины. Во время выборки из котлованов земли для плотины была обнаружена старинная пушка, которую через десять лет после находки передали в Первомайский народный историко-краеведческий музей, здесь она хранится и сейчас. Можно предполагать, что пушка эта была захвачена Пугачевым в какой-то степной крепости.

Пушка хорошо сохранилась. У нее нет только одной цапфы, которую, по-видимому, отшибло во время боя.

Музейными экспонатами сейчас являются чугунное пушечное ядро и железная картечина, найденные на территории Первомайского района, где, как известно, загорелось пламя пугачевского восстания.

Картечина была найдена в песке на берегу Чагана. А вот находка большого пушечного ядра

весьма интересна. Оно обнаружено в поселке Революционный во время очистки колодца на глубине 6 метров. Здесь, вероятно, был полевой лагерь повстанцев, когда они, обойдя осенью 1773 г. Яицкий городок, устремились на крепости Илек и Татищево.

Как рассказывают старожилы, такие же ядра находили на Меловых горках, часто на Общем Сырту. Остается предположить, что именно этим путем прошли из Таловинского Умета отряды Пугачева, когда они двигались по Яику вверх к Оренбургу.

Г. Г. КОПЫЛОВА

ХУДОЖНИКИ РИСУЮТ ПУГАЧЕВА

В Государственном историческом музее находится портрет Е. И. Пугачева, выполненный 21 сентября 1773 г. в Илецком городке. Портрет написан масляными красками на изорванном и загрунтованном изображении Екатерины II. Надпись на портрете гласит: «Емельян Пугачев родом из казацкой станицы, нашей православной веры, принадлежит той веры Ивану сыну Прохорову...»

Это единственно достоверное изображение крестьянского вождя, относящееся к начальному периоду восстания. М. Бабенчиков так описывает этот портрет, обнаруженный им в 1924 г.

«На рассматриваемом портрете Пугачев похож на бурлака, ему около 30 лет, но он кажется старше; его несколько изможденное лицо смугловато, черты лица правильны, окладистая борода темно-руса, волосы позади довольно длинные, спереди из-под шапки слегка выбиваются на лоб. Особенно удались портретисту, при всей его живописной неумелости, черные, большие, выразительные и живые глаза Пугачева»¹.

Именно этот портрет и положил начало богатой иконографии Пугачева и теме Крестьянского восстания 1773-1775 гг. в изобразительном искусстве.

До наших дней сохранились многие портреты Пугачева,

¹ М. Бабенчиков. Портрет Е. И. Пугачева.— В кн.: Памятники пугачевского восстания, хранящиеся в государственном историческом музее. М., «Сов. Россия», 1961, стр. 7.

Портрет Пугачева, нарисованный на портрете Екатерины II

Страницы 118-119 в книге отсутствовали.

12 мая 1873 г. В. Г. Перов пишет члену Совета имп. Академии художников конференц-секретарю П. Ф. Исаеву: «...Позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: в первых числах будущего месяца я еду с художественной целью на Волгу и на Урал, мне нужно сделать несколько этюдов в местностях жительства черемисов, башкирцев и татар, но так как путешествия у нас по России большей частью сопряжены с разного рода неприятными приключениями, то я покорнейше прошу Вас дать мне какой-либо открытый лист за подписью...»

А вот строки из письма П. М. Третьякову: «Сердечно уважаемый Павел Михайлович! Нынешний день, то есть 9 июля, мы едем в Уральск, где думаю написать несколько этюдов, а потом в Гурьев, города Астрахань и Царицын.

В Оренбурге я написал 5 этюдов с преступников в остроге, да в Самаре 3, итого 8. Аммосов тоже написал 8 этюдов, он Вам кланяется и благодарит за деньги... Ваш Перов»¹.

В отчетах Московского училища живописи за 1872—1873 гг. читаем: «Профессор Перов руководил занятием учеников натурального класса... В летнее время ездил в Оренбургскую губернию и Уральскую область для собирания типов к картине «Пугачевский бунт», составлением которой и занят в настоящее время...»²

Поездка по Оренбуржью оказалась очень полезной и интересной. Роскошные пастбища неожиданно сменялись солончаковой степью, нудной и однообразной, но и в ней была своя красота и поэзия. По одну сторону дороги некоторое время провожала путников серебряная, окаймленная лесами лента исторической вольнолюбивой реки, и долго еще синели силуэты красивых по очертанию невысоких гор.

С. Н. Аммосов писал оренбургские пейзажи, восхищаясь красотой июньских степей, их раздольем, увлекаясь гармонией тонких теплых тонов, переносил в этюды закаты.

А Перова интересовали люди. На улицах пыльного знойного Оренбурга, в холодных сырых острогах, на шумных ярких базарах выискивал он характерные лица, типы, колоритные фигуры, писал облики башкир, татар, русских крестьян, казаков. Лица их в этюдах дышали непокорной силой, протестом, в глазах светилась мудрость, позы и жесты выдавали характеры. Именно такими представлялись художнику повстанцы пугачевского войска.

«Русский крепостной мир — вот где истинная сфера высших совершеннейших созданий Перова... крестьянские сцены принадлежат к наивысшему, что только создано Перовым... Фигуры мужиков в «Пугачевцах» — верные и поразительные типы»¹.

Так высоко оценивал пугачевские этюды и эскизы Перова В. Стасов. И именно они привлекают нас и в области творчества художника и в связи с развитием темы пугачевского восстания в изобразительном искусстве XIX века. С увлечением работал над темой пугачевского восстания С. В. Иванов (1864—1910). Он мечтал посвятить ей картину. Художник подолгу жил в Сакмарской губернии, в с. Марычевке, где предания о Пугачеве были свежи, живы и передавались из уст в уста. Там же сохранились остатки крепостей, которые когда-то брали приступом пугачевцы.

Неоднократно бывал С. В. Иванов и в Оренбуржье, откуда всегда возвращался обогащенный множеством впечатлений с этюдами, полный замыслов о новых вариантах Пугачевской темы.

В 1898 г. «21 июня вместе с семьей (Иванов — Г. К.) отправился в новое путешествие, тоже связанное с «ориентальными» интересами. Началось это путешествие поездкой в Оренбург и ближайшие степи. Здесь Иванов осматривает мечети, Меновой двор, киргизские кибитки, знакомится с киргизами и их жизнью. Иванов с интересом отнесся к памятным местам, связанным с Пугачевым, над образом которого он в эти годы работал... Он пользовался всяким удобным случаем для пополнения своих исторических знаний, сведений и впечатлений».¹

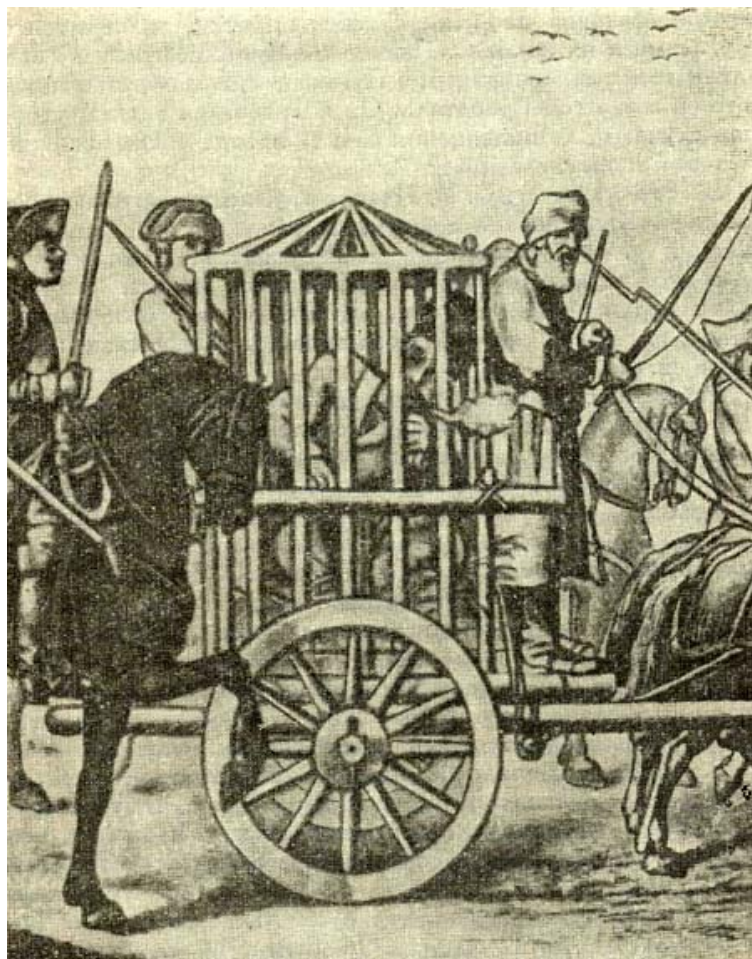
¹ В. Г. Перов. Текст А. А. Федорова-Давыдова. Приложения: «Документы, письма...» М., Госиздат, 1934, стр. 113.

² Н. Дмитриева. Московское училище живописи, ваяния и зодчества. М., «Искусство», 1951, стр. 100.

¹ В. Стасов. Избр. соч. М., 1952, т. 2, стр. 137—138.

¹ И. Грановский. Сергей Васильевич Иванов. Жизнь и творчество, «Искусство», 1962, стр. 162.

Пугачев, заключенный в клетку, перевозится под стражей. Гравюра XVIII в.

В 1898—1899 гг. С. В. Иванов трудится над иллюстрациями к «Капитанской дочке» для юбилейного издания сочинений А. С. Пушкина под редакцией П. П. Кончаловского. В этот период ему оченьгодились яркие, острые, полные драматизма, рисунки, сделанные в оренбургских степях, где художник наблюдал обозы крестьянских переселенцев.

Работа носила интересный, увлекательный и напряженный характер. Из иллюстраций, сделанных Ивановым, а их более 40, особенно интересны «Встреча в метель с Пугачевым», «Вожатый», «Суд Пугачева». В последней художнику удалось очень убедительно показать массовую сцену у крыльца комендантского дома, выразить в образе Пугачева силу и величие крестьянского вождя. Особенно удачен «Портрет Пугачева», выполненный черной акварелью. Образ руководителя Крестьянского восстания передает его характер, мысли, силу и энергию.

Иванов не успел написать картину о Пугачеве, но и то, что он отобразил в своих рисунках и иллюстрациях, явилось в условиях того времени гражданским подвигом.

В период столыпинской реакции, когда трудно было даже решиться написать и показать картину на тему вооруженной борьбы народа, темой крестьянского восстания под предводительством Пугачева заинтересовались живописцы В. И. Суриков и М. Б. Греков. Новое издание «Капитанской дочки» Пушкина иллюстрируют М. Нестеров, М. Жабан, П. Соколов, Б. Кустодиев, Н. Бенуа, М. Врубель. Иллюстрации эти очень интересны в том отношении, что им присущи глубокая творческая индивидуальность авторов, их оценка описываемых событий, отношений к народу, к Пугачеву.

Качественно новым этапом в развитии темы крестьянских бунтов и освободительной борьбы народа в искусстве является советское изобразительное искусство.

Уже в 20-е годы появляется ряд произведений о И. Болотникове, С. Разине, Е. Пугачеве. Авторы их с позиций участников и свидетелей Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны стремятся дать свою оценку значению народных восстаний, раскрыть образы их предводителей в единстве с образом народа. К теме о Пугачеве обращаются художники Г. Н. Горелов, Е. М. Ченцов, Н. Н. Шестопалов, А. П. Лежнев, А. А. Кузнецов.

Скульптор И. Г. Фрих-Хар участвовал в революционной борьбе в Самарской губернии, в годы гражданской войны сражался на Туркестанском фронте. Он прошел по тем дорогам, по которым водил когда-то свое мятежное войско Е. Пугачев, побывал в Оренбуржье. В 1923—1927 гг. художник делает портреты Салавата Юлаева и Емельяна Пугачева. Пугачевская тема более удачно была раскрыта им в 50-е годы. Если ранний «Побежденный Пугачев» — это скованный, сломленный человек с лицом, отмеченным печатью страданий и скорби, то уже в 1954 г. «Пугачев на допросе» — предстает как народный герой, убежденный в правоте своего дела, которое продолжают другие. Здесь положительную роль сыграл и тот факт, что одновременно с работой над образом Пугачева Фрих-Хар работает и над образом В. И. Чапаева, чья военные подвиги также связаны с нашим краем.

«Я стремлюсь в пластически опозитизированном образе каждого из них (Чапаева и Пугачева — Г. К.) раскрыть индивидуальный характер, чтобы донести до зрителя благородное чувство патриотизма обоих героев. И хотя содержание и смысл их героизма, любви к Родине глубоко отличны, общим является для них то, что оба они, выходцы из самой толщи народной, самоотверженно боролись в исторически различные и отдаленные друг от друга времена за счастье и свободу своего народа».¹ Именно это содержание сообщает образу глубокую жизненную правду, соизмеренную с правдой отношения художника к герою.

Следует сказать еще об одном большом художнике, чья работа над темой пугачевского восстания была связана с пребыванием в Оренбурге. Речь идет о Сергее Васильевиче Герасимове. Его картина «Восстание Пугачева» (1946) занимает в советской исторической живописи значительное место.

Пугачевская тема была для художника трудная, но желанная. В 1908—1909 гг. он впервые иллюстрировал «Капитанскую дочку» Пушкина. Художник, тогда еще молодой, дал интересную интерпретацию эпизодов повести и ее героев.

В 1927 г. Герасимов написал портрет «Пугачевец» — образ большой силы и красоты. С глубокой искренностью, свежо и убедительно передал он мужественные черты характера «русского мужика», восставшего против рабства.

В 1941—1943 гг. — новая встреча с Пугачевым. Это десятки этюдов, акварелей, рисунков. Они были сделаны в пути, когда Московский художественный институт, возглавляемый С. В. Герасимовым, эвакуировался из Москвы в Самарканд и возвращался обратно.

«Оренбургская степь», «Илецкая защита», «Метель под Оренбургом», «Берды», «Закат», «Оренбург», «Чкалов», «Бузулук» и другие — суровые, сдержанные по цвету, несут на себе печать происходивших здесь исторических событий 1773-1775 гг. Все они оказали художнику большую пользу в его работе над картиной «Восстание Пугачева».

---

¹ А. В. Парамонов. Исидор Григорьевич Фрих-Хар. М., «Сов. художник», 1959, стр. 41.

М. Авилов, Н. Левушкин, В. Печатан. Привоз пушек Пугачеву

Картина изображает торжественный момент вступления Пугачева в крепость и его встречу с народом. Эта сцена решена в мажорных тонах. Как обычно, Герасимов использует эмоциональную силу цвета-костюмы Пугачева, его соратников и крестьян ярко освещены солнцем; хороши нарядные типы — старик без шапки в толпе встречающих, коленопреклоненная старуха, крестьянине иконой. Полотно заслуживает особого внимания и тем, что автор изображает Пугачева в единстве с народом и не как крестьянского царя, принимающего поклонение или творящего суд над врагами, а как бесстрашного воина, идущего вместе со своим войском трудным и кровавым путем войны за народную правду. Лицо и одежда Пугачева в пыли и в поту, глаза запали. И бок о бок с ним — другие предводители и рядовые участники движения нарисованные художником также тонко и психологически проникновенно.

На протяжении многих лет события далекого прошлого России, драмы народных восстаний волновали художника А. П. Бубнова, будили его творческое воображение, затрагивали как гражданина. И он неоднократно обращался к теме пугачевского восстания, что нашло отражение в иллюстрациях, в крупномасштабных произведениях. И всякий художник через «завесу времени» приближал к нам эти события и ее героев, показывал широкие народные массы, бурное кипение страстей, мятежный дух народа, остроту социальных конфликтов XVIII столетия.

В 1956 г., работая над триптихом, Бубнов выполняет акварель «Пугачев». Великолепно разработав ее в цвете, он в то же время несколько противопоставляет Пугачева сопровождающей его группе повстанцев. Это угадывается и в позе, слишком величественной, и в нарядном узоре его одежды, и в богатом убранстве коня. Кроме того, акварельный вариант носит несколько повествовательный характер.

Последний вариант триптиха (1962—1964), к сожалению, несколько незавершенный из-за безвременной кончины художника, безусловно, принадлежит к значительным произведениям советской исторической живописи. Боковые его части — крупные фигуры русского крестьянина и башкира — написаны в горячих оранжево-коричневых тонах и, как огонь пожарищ, обрамляют среднюю часть.

Центральное место в картине принадлежит не Пугачеву, а восставшему народу. Очень выразительны на первом плане фигуры трех простых мужиков. Безвыходная нужда, тяжесть бесправия и унижения заставила их, мирных пахарей, поднять вилы и косы на своих угнетателей. Значительное место отведено деревенскому парнишке, чей призывный жест словно обращен к зрителю.

Тонкий колорист, Бубнов умело использует контрастные сочетания багрового зарева и холодного, почти синего сумеречного снега с алеющими на нем пятнами знамени и кафтана

Пугачева. Ритм сочно написанных фигур повстанцев четок, лица суровы. В картине, по сравнению с ранними вариантами, больше эмоциональной действенности, стремительного движения, которое становится особенно ощутимым, когда видишь триптих в целом.

Память народная хранит события далеких лет Крестьянской войны в песнях и легендах Оренбургского края, в географических названиях тех мест, по которым проходило пугачевское войско, в наименованиях новых улиц и городов. Неиссякаема эта тема и в творчестве оренбургских художников.

В 1932 г. на IV выставке оренбургских художников экспонировалась картина М. У. Петунина «Емельян Пугачев под Оренбургом. Обстреливают город с Георгиевской церкви». Тогда же к теме Пугачева обращается известный советский художник С. М. Карпов. Эта тема волновала его давно, родные места хранили достоверность событий, рассказы о Пугачеве рождали в воображении художника образ героический, зримый. Карпов делает множество эскизов, в которых все явственнее чувствуется непримиримость, убежденность крестьянского вождя.

В картине «Арест Пугачева» (Оренбургский областной краеведческий музей) Карпов и в цветовом, и композиционном отношении передает моральное превосходство крестьянского вождя над своими врагами, чью победу расценивает, как временную. И именно в этом глубокий патриотический смысл картины, ее историческая правда.

Этюды А. Ф. Степанова, рисунки Н. Ф. Соколова, акварели Г. Я. Барабаша и В. А. Тельнова, картины Ю. С. Морозова, эскизы оформления спектакля по пьесе В. Пистоленко «Пугачев» С. Н. Александрова, этюды и эскизы М. Г. Газизовой, портреты Пугачева, выполненные оренбургскими художниками в различные годы, — все это дает представление о том, как волновали художников героические страницы народной борьбы, как живо интересовал их характер крестьянского вождя, поднявшего народ против угнетателей.

С 1953 г. в экспозиции Оренбургского областного краеведческого музея находится картина художников В. Г. Живаева и В. А. Тельнова «Осада Пугачевым г. Оренбурга». Под знаменем повстанческой армии русские крестьяне и «работный люд», башкиры, татары, казахи, киргизы. Во главе с Е. Пугачевым единой сплоченной стеной противостоят они Оренбургской крепости, где замкнулось дворянство — оплот царского самодержавия...

Особенность некоторых произведений пейзажиста Ф. И. Козлова — сопричастность к событиям, человеческим судьбам, личностям. Есть у него немало пейзажей и на пугачевскую тему. Творческое воображение и кисть художника, используя природные краски, передают силу и драматизм народного восстания, свидетелем которых были родные места. Так, в произведении «Под Оренбургом. Берды» столь же торопливо, как 200 лет назад, несет свои воды к Уралу-Яику речка Сакмара. В контрасте ее холодной синевы с теплыми берегами, в быстром движении темных облаков, предвещающих ненастье, чувствуется тревога, растущее напряжение грозы...

Еще в студенческие годы взволновал скульптора Н. Г. Петину образ Пугачева. И дело не во внешности этого человека, а в его характере, связанности с судьбой и историей народа, с прошлым родного края. И уже в воображении образ рождался из дерева. Нетронутая с одной стороны часть ствола когда-то огромной липы. Она служит своеобразным фоном и обрамлением головы Пугачева. По-мужицки простое лицо с окладистой бородой прекрасно своей одухотворенностью, внутренней силой, оно словно озарено отсветом пожаров от горящих помещичьих усадеб. В глазах открытых, широко, твердо смотрящих из-под сурово сдвинутых бровей, читается гнев и ненависть, неугасимая жажда борьбы.

Композиция, приемы обработки дерева, его фактура как нельзя лучше соответствуют строгой простоте и мужественной силе образа крестьянского вождя, его значимости в истории Руси, духу времени.

Пугачев (дерево). Работа Н. Г. Петинной

Иную интерпретацию обретает тема крестьянского восстания в композиции П. Г. Сурначева. Его «Пугачев» — символ народного страдания, гнева, отчаяния, протеста. Печатью скорби и боли за свой народ отмечено лицо предводителя крестьянского восстания. А под его изображением резец художника запечатлевает по всему овалу ствола страшные сцены расправы с восставшими: виселицы, истерзанное тело распятого, обезумевшую от горя женщину, оплакивающую казненных. И над всем этим хищный двуглавый орел распластал свои черные крылья. Тяжелый, зловещий герб самодержавия, поверенный дважды, усиливает впечатление обреченности крестьянских бунтов и безысходных, по тому времени, народных страданий.

Н. С. Ерохин — художник из Орска — не так давно написал для Алексеевского районного Дома культуры картину «Встреча Пугачева с народом». Но не все в ней удовлетворяет живописца. Давно ему хотелось найти свое решение темы, новое, еще никем «нетронутое». И нашел — свадьба Емельяна Пугачева с уральской казачкой, красавицей и певуньей Устиньей Кузнецовой. И мыслится художнику эта картина яркой, веселой, шумной, с удалой тройкой, с конным экскортом.

«Праздник, пусть недолгий, но радостный, свободный, — вот что хочется выразить на картине», — говорит Николай Семенович. Есть уже наброски, рисунки, интересные этюды к картине, сделанные в г. Уральске. В ближайшее время Ерохин собирается поехать по местам пугачевских событий, побывать еще раз в Актюбинском краеведческом музее, посмотреть коллекцию национальных костюмов, предметов быта, сделать зарисовки, собрать необходимый для картины материал.

Высокая оценка роли Крестьянского восстания под предводительством Е. Пугачева нашла в истории народного освободительного движения свое выражение в том, что эта тема для советского искусства поистине неисчерпаема.

П. П. МАЛЫЙ

ТРИ ТЕКСТА ПЕСЕН О ПУГАЧЕВЕ

Публикуемые тексты песен посвящены Крестьянской войне под руководством Емельяна Пугачева. Они записаны и обработаны мною в одно время.

Еще в юношеские годы начал я собирать песенный фольклор Оренбуржья. В течение тридцати с лишним лет записал в степях сотни песен (тексты и музыку). Многие из них в моей обработке исполняются народными хорами и самодеятельными коллективами, записаны на грампластинки.

Ниже приводятся три текста этих песен.

Из-за леса темного

Из-за леса, леса темного
Не бела заря занималася.
Не бела заря занималася,
Не красно солнце выкаталось.
Не красно солнце выкаталось,
Выезжал в поле добрый молодец,
Добрый молодец, удалой казак,
Удалой казак Емельянушка,
Удалой казак Емельянушка,
Емельян казак, сын Иванович.

Ой ты, ворон сизокрылый

«Ой ты, ворон сизокрылый,
Ты скажи мне правду, где мой милый?» —
«А твой милый на работе,
Ой, да, на литейном на заводе.
Не пьет милый, не гуляет,
Ой, да, медны трубы выливает,
Медны трубы выливает,
Ой, да, Емельяну помогает».

Ой, да, ты, батюшка, вот и Оренбург-город

Ой, да, ты, батюшка,
Вот и Оренбург-город!
Ой, да, про тебя-то идет,
Вот и слава добрая.
Ой, да, про тебя-то идет,
Вот и слава добрая,
Ой, да, будто ты, Оренбург,
Вот и на красе стоишь.
Ой, да, на красе стоишь,
Вот и на крутой горе,
Ой, да, на крутой-то горе,
Вот и на Урал-реке.
Ой, да, на Урал-реке,
Вот и на желтых-то песках,
Ой, да, на двух речушках,
Вот и, да, на устьеце.
Ой, да, на двух речушках,
Вот и, да, на устьеце,

Ой, да, как и первая речушка,
Вот и, да, Уралушка.
Ой, да, как и первая речушка,
Вот и, да, Уралушка,
Ой, да, как другая-то речушка,
Вот и, да, Сакмарушка.
Ой, да, на Уралушке,
Вот и, все живут казаченьки,
Ой, да, на Сакмарушке,
Вот и там живут татарушки.
Ой, да, как Уралушка
Звался все Яик-река.
Ой, да, там ходил, да, гулял
Большой атаманушка.
Ой, да, там ходил, да, гулял
Большой атаманушка,
Ой, да, атаманушка,
Казак Емельянушка.

К историй песен

Из-за леса темного. Историческая песня оренбургских казаков. Записана 14 сентября 1940 г. с напева колхозницы сельхозартели «Ленинский луч» Анны Федоровны Мельниковой, 1885 г. рождения, в селе Берды Оренбургского района и группы других пожилых колхозниц.

Вариант текста песни был записан в бывшем Оренбургском крае, без указания источника. Напечатана в 9-м выпуске «Песен» П. В. Киреевского, стр. 247. Кроме того, в сб. «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», составленном А. Н. Лозановой под редакцией Ю. М. Соколова (изд. «Академия», 1935, стр. 185); в сб. «Фольклор Оренбургской области», 1940, стр. 114.

Ой ты, ворон сизокрылый. Историческая песня оренбургских казаков, передающая настроение рабочих, крестьян и трудового казачества, помогавших Емельяну Пугачеву и его армии в борьбе с крепостничеством. Записана П. Малым 14 сентября 1940 г. с напева группы тружениц колхоза «Ленинский луч» в селе Берды. Песня, как и ряд других записей, сделанных композитором с помощью жителей бывшей Бердской станицы, показывает, что память о вожде и участниках Крестьянской войны и об осаде г. Оренбурга в 1773—1774 г. жива в памяти народной.

Ой, да, ты, батюшка, вот и Оренбург-город. Историческая песня оренбургских казаков, сложенная ими, по словам исполнителей, во время Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева. В войне активно участвовали и казаки станицы Берды (Бердской крепости), которая всю зиму 1773—1774 гг. являлась центром лагеря повстанцев, осаждавших г. Оренбург. Несмотря на запрет царской цензуры, песня была распространена до революции почти во всех казачьих войсках (Донском, Сибирском, Уральском и др.).

Записана П. Малым 14 сентября 1940 г. с напева группы казачек-колхозниц села Берды.

В. А. КОРОСТИН

ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНД

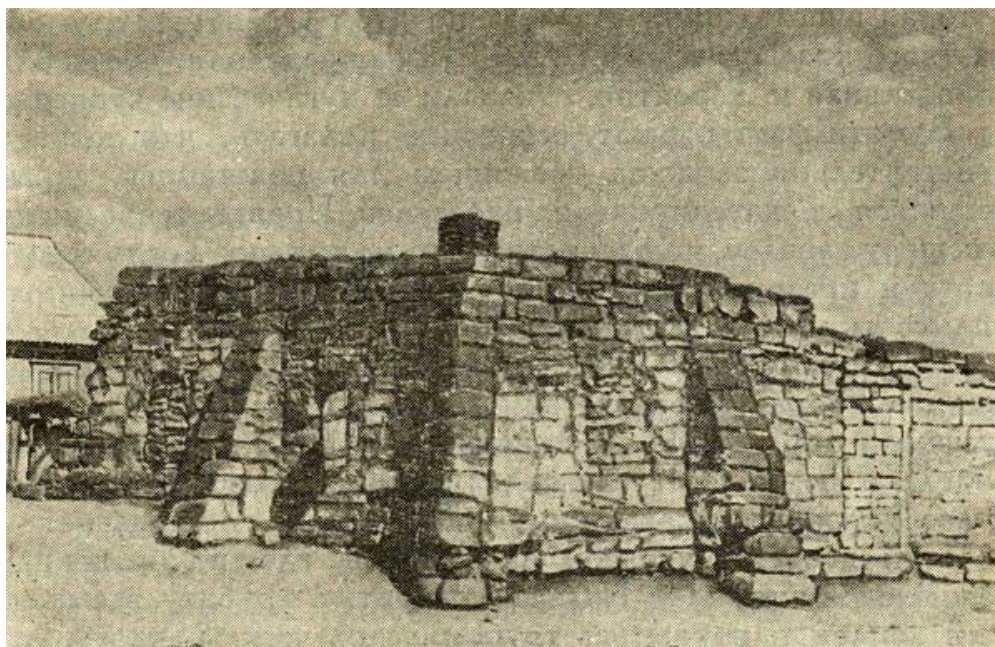
К северу от Оренбурга на правом берегу Сакмары раскинулся поселок имени Ленина. Когда-то здесь был хутор, основанный в середине XVIII века бывшим переводчиком Петра Первого А. И. Тевкелевым и заселен его крепостными крестьянами.

30 сентября 1773 г. Пугачев со своим отрядом шел из Чернореченской крепости в Сеитову слободу (теперь село Татарская Каргала), на хуторе Тевкелева он ночевал, и утром с ним ушли почти все крепостные. Зимой следующего года во время осады Оренбурга здесь квартировала часть крестьянской армии. Тогда через хутор пролегла оживленная дорога, которая связывала

Сакмарский городок, Татарскую Каргалу, пугачевскую «столицу» Берды и крепости на нижнем течении Яика. Несомненно, что леса, холмы, овраги в окрестностях хутора повстанцы знали хорошо и после неудачных боев с царскими войсками весной 1774 г. использовали их как убежища от плена и расправы.

Именно потому и получила название Пугачевской одна пещера, расположенная в полутора километрах юго-западнее поселка имени Ленина. Есть там овражек, в левом скате которого подземные воды пробили галерею с низким, но широким выходом. Вот об этой-то пещере в поселке и рассказывают удивительные истории.

— Старые люди сообщили мне, — говорит директор местной школы И. А. Репин, — что раньше вход в пещеру был значительно шире, а сама она имела форму длинного коридора, уходящего к северу чуть ли не на два километра. Там якобы находились старинное оружие и разные предметы пугачевских времен.

Остатки дома в селе Татарская Каргала, в котором останавливался Пугачев

Председатель колхоза имени Ленина В. В. Барт:

— В детстве я бывал в Пугачевской пещере и видел большое помещение, вырубленное в красном песчанике. Библиотекарь М. И. Перевалов:

— Однажды трое сельских мальчишек полезли в пещеру, а нашли их только через сутки. Они оказались в каком-то ответвлении, перепуганные и полузадохнувшиеся от недостатка воздуха. Еще раньше там нашли бочку, грубо сколоченный стол, человеческие кости и старинные пистолеты.

А вот еще одно интересное обстоятельство: в 1958 г. местный семиклассник Сергей Музыка нашел в Пугачевской пещере заржавленную, без рукоятки кривую саблю, которая впоследствии стала экспонатом Оренбургского областного краеведческого музея. Там определили, что сабля самодельная и, вероятно, отковали ее пугачевские кузнецы. Все эти факты дают основание полагать, что пещера действительно служила убежищем для повстанцев, скрывавшихся от екатерининских карателей. Правда, сейчас вход в пещеру завален, но расчистить его не трудно. Тогда спелеологи и историки получают возможность подтвердить правильность многих предположений.

19 сентября 1833 г. А. С. Пушкин и В. И. Даль приезжали в Берды. Впоследствии Даль писал: «В Бердах мы отыскали старуху (И. А. Бунтову — **Б. К.**), которая знала, видела и помнила Пугачева. Пушкин разговаривал с ней целое утро, ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец..., указали на Гребени, где, по преданию, лежит огромный клад Пугачева, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, чтобы отвлечь всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это — простая могила».

И вот в 1960 г. группа оренбургских краеведов отправилась по следам предания, рассказанного Пушкину. Сначала следопыты побывали в Бердах и убедились, насколько хорошо видна оттуда белая, острая вершина Гребенской горы, хотя до нее считается 20 километров. А затем поехали в Сакмарский район.

У восточного подножия горы ютились Гребени, старинный выселок Сакмарской казачьей станицы. Туда краеведы прибыли вечером и зашли к пенсионеру Д. Ф. Плотникову. Вот что он сказал:

— Под горой у озера Сандурихи часто находят битый кирпич, человеческие кости, царские деньги и, по слухам, там зарыт большой клад. Но об этом лучше спросите моего соседа Погадаева.

— Слышал я про этот клад, — ответил Сергей Дмитриевич, — Еще до революции наши старики ходили ночами по горе, клад искали. Одна старушка Пелагея Ивановна у Сандурихи даже горшок с деньгами нашла и со мной поделилась.

Хозяин дома покопался в жестяной банке и подал медяк с надписью: «1 копейка серебром, 1840». — Но по-моему, — добавил Погадаев, — этот горшок не из пугачевского клада, а спрятан каким-то нашим скопидомом.

На другое утро краеведов разбудили гулкие взрывы. Люди вышли из палатки и под горой, ярко освещенной солнцем, увидели глубокий карьер. Оттуда высоко взлетали глыбы камня, чистый воздух все больше насыщался мелкой белой пылью, густо пудрившей ряды построек и вагоны, стоявшие на железнодорожной ветке.

— Подземный клад добываем, — сказал один из взрывников.

— В зашитой рубахе? — поинтересовался самый молодой краевед.

— Нет, зачем же в рубахе.

— А кости уже попадались?

— Мы их в школу передали. Оказались окаменелостями древних морских животных.

— А из клада что-нибудь нашли?

— Конечно. Ежедневно по тридцати с лишним кубометров известняка достаем, и тут же обжигаем. Видали в селах новые здания? Ну так вот, на их строительство и идет наша известь...

Краеведы порылись в битом кирпиче у озера Сандурихи, забирались на самый гребень горы и почти с двухсотметровой высоты любовались живописным междуречьем Урала и Сакмары. Конечно, пугачевского клада они не нашли, а когда вернулись домой, то встретились со старейшим оренбургским геологом В. Л. Малютиным.

— А ведь клад на Гребенях все же есть, — загадочно произнес он.

— Знаем, знаем, — дружно ответили краеведы, — на известковом сами были.

Владимир Леонидович снисходительно посмотрел на них сквозь очки.

— Известь — это одно, — сказал он. — Сырье для нее у озера Сандурихи добывали еще в начале прошлого века, там и кладбище старинное есть, где хоронили каторжников. Но я хочу сказать о другом. Под толщей известняков и мергелей, под так называемым гипсовым куполом горы, залегает каменная соль с прослойками калийных солей, которые применяются для удобрения полей. Но главное опять не в этом. Геологи считают, что известняк, гипс, каменная соль очень часто сопутствуют такому ценному минералу, каким является...

— Нефть! — выпалил один из следопытов.

— Совершенно верно, — кивнул Владимир Леонидович. — И если геологическая разведка подтвердит, то этот клад под Гребенской горой окажется куда богаче клада пугачевского...

Был ли Пугачев на Гребенской горе? Вполне возможно, когда со 2 до 4 октября 1773 г. стоял с лагерем неподалеку, на левом берегу Сакмары. У него, бесспорно, имелась подзорная труба, с Гребенской горы он сделал тактическую оценку местности. Может быть, как раз тогда и выбрал Берды, как ближайший населенный пункт на подступах к Оренбургу, и вскоре со своим войском перебрался туда. А там, в Бердах, впоследствии и возникло предание, связанное с пребыванием Пугачева на горе...

В 1830 г. переселенцы из центральных губерний России основали на левом берегу Урала село Павловку, ставшее потом казачьей станицей. А ровно через сто лет, уже при Советской власти, на бывших «атаманских» землях станицы возник поселок сельскохозяйственной коммуны имени 9 Января. Конечно, ни переселенцы, ни коммунары местных исторических достопримечательностей не знали. Тем не менее под впечатлением романтических рассказов о Крестьянской войне они создали свою собственную легенду о Пугачеве.

Летом 1959 г. в поселке проходили практику старшеклассники оренбургской средней школы № 2. Пенсионер Д. Я. Андросов им посоветовал:

— Сходите-ка в свободное время на Пугачевский курган. Это километрах в шести к югу от поселка. Пройдете по дороге к полевому стану, пересечете лесопилку, взберетесь на высоты и увидите вышку. Она как раз на кургане и стоит. А курган этот образовался так... Пришел сюда Пугачев с войском и начал думать, как взять Оренбург. Но до города десять верст, видно плохо, и тогда пугачевцы начали таскать шапками землю. Три дня таскали, курган насыпали порядочный; с его вершины Пугачев разглядел в Оренбурге все, что надо, и двинул свое войско на приступ. А от кургана по городу его артиллерия стреляла...

Эту легенду повторил колхозный ветеран П. Ф. Волков, который добавил:

— О Пугачевском кургане у нас тут все говорят: наверное, Пугачев и впрямь здесь был.

На самом деле Пугачев здесь никогда не был. И его сподвижники навряд ли забирались в такую глушь, где ни дорог, ни поселений не существовало. Осмотрев под руководством учителя «Пугачевский» курган старшеклассники установили, что вдоль правого берега степной реки Донгуза тянется невысокая, до 120—180 метров, гряда холмов. Она сложена красными песчаниками с выходами известняков, и холмы образуют местами довольно крутые склоны. На одном холме и находится «Пугачевский» курган с тригонометрической вышкой.

Курган размыт дождями, едва достигает двух метров высоты, его вершина и скаты также размыты. С ним соседствуют еще четыре кургана меньших размеров, и все они, вероятно, как и другие, уже исследованные в этом районе, относятся ко времени поздних кочевников. Их уединенное положение, неизвестное происхождение и создали легенду, связанную с Пугачевым.

Отсюда к северу открывается широкая панорама зеленой поймы Урала, золотистых полей, перепоясанных лентами государственной лесополосы, вдаль просматривается Оренбург, поселок имени 9 Января, села Нижняя Павловка и Дедуровка.

В последние годы у подножия Донгузских высот в ландшафт вписались буровые вышки, тут и там видны грандиозные сооружения Всесоюзной ударной комсомольской стройки — газоконденсатных промыслов, и, надо думать, со временем к прежней молве о старом Пугачевском кургане прибавится новая народная легенда о первооткрывателях газовых месторождений.

В 1890 г. архивариус Оренбургского казачьего войска Н. К. Бухарин со слов старых казаков записал такую легенду.

В поселке Хабарном жил силач, отличный стрелок из лука Архип Дмитриевич Лямзин (Лябзин). Он был среднего роста, коренаст, зимой ходил без шапки, с одного маху разрубал шашкой войлочный потник, брошенный в воду, и никакие пули его не брали. Архип дружил с башкирскими, казахскими батырами, защищал бедных, а богачи, всякие разбойники, армейские капралы и даже крепостные коменданты боялись этого человека.

Архип Лямзин дожил до 125 лет. Он носил почту на лыжах из Таналыка в Верхнеозерную крепость (120 верст), а во время Пугачевского восстания примкнул к восставшим. Его прозвали тогда «Тумановым атаманом», то есть главнокомандующим. Был он в большом почете у «Пугача», лично от него получил золотое массивное кольцо с печаткой, а за заслуги в боях с царскими войсками «Пугач» разрешил возить жену Лямзина в карете на пятерке лошадей...

В этой легенде фигура народного героя и богатыря, грозы противников народа и приближенного самого «Пугача» представлена со всей силой, она вызывает симпатии, уважение. И такой человек был на самом деле. В 1890 г. в Хабарном в возрасте 78 лет жил внук героя легенды Федор Михайлович Лямзин, хорошо помнивший деда; помнили его и другие престарелые казаки. Потомки Архипа Лямзина до сих пор живут в Хабарном. Значит исторически его личность подтверждается.

Под стать легендарному герою были и его потомки.

В середине 1920-х г. в селе Хабарном возникла комсомольская ячейка, секретарем которой стал батрак Афанасий Лямзин. Туда из Орска приезжали шефы, комсомольского секретаря наставлял инструктор уездного комитета ВЛКСМ Муса Джалиль, будущий известный татарский поэт и Герой Советского Союза.

Встреча с Мусой не прошла даром. Афанасий и остальные четверо комсомольцев активно участвовали в работе клуба, избы-читальни, увлекаая за собой остальную молодежь. Это вызвало бешеную злобу кулаков и местных церковников. Они решили расправиться с комсомольцами. 23

июня 1929 г. Афанасий Лямзин и его товарищ Александр Фальков были зверски убиты.

Много общего в делах Архипа и Афанасия Лямзиных. Далекий предок стоял за правду, справедливость, его потомок был таким же. Как и старый пугачевец, Афанасий Лямзин боролся за права униженных и оскорбленных, за лучшую жизнь своего народа. И если богатырский образ Архипа Лямзина увековечен в старинной легенде, то героический подвиг Афанасия воплощен в памятнике, воздвигнутом в селе Хабарном новотроицкими комсомольцами.

Теперь настали новые времена и, как говорится, народные легенды, сказы о Пугачеве складываются с учетом современности, имена вождя Крестьянской войны и его сподвижников сочетаются с именами героев гражданской и Великой Отечественной войн, с событиями, порожденными Великим Октябрем и Советской властью.

Оренбургский учитель В. В. Корабельщиков был в Илекском районе. В знойный летний день оказался он в селе Студеное. Захотелось выпить холодного молока. Зашел учитель в дом, покрытый новой шиферной крышей.

— Милости просим, — поклонилась ему старушка.— И молочко, и свежий хлебушко — все найдется, проходите!

За столом в прохладных сенях разговаривали Корабельщиков со старушкой.

— Окрестности у нас просторные, — сказала она, — и степи вольные да хлебородные, а посреди всех степей возвышается Соколиная гора.

— Там что, — спросил гость, — соколы гнездятся?

— Гора не по птице названа, — пояснила старушка, — по человеку, соколиной, стало быть, породы был человек.

— Это кто же такой?

— Слышал ли ты про Емелюшку Пугачева, народного заступника? Ну так вот, был у него сердечный друг и советчик, молодой казачий сын Иван из нашего поселка, высокий да в плечах широкий, с лицом белым, а кудрями черными.

— Но ведь, — возразил Корабельщиков, — из истории известно: вашего поселка при Пугачеве еще не было!

— А ты не верь истории, — отмахнулась старушка.— Был поселок, только назывался форпостом...

...Ну так вот, когда под Оренбургом дела у мужицкого царя Емельяна Ивановича пошатнулись, послал он своего сердечного дружка собирать новое войско. И поскакал наш Иван по казачьим станицам и крестьянским селам, по татарским деревням и киргизским аулам, по уральским заводам и башкирским стойбищам. Всю бедноту на свою сторону склонил, и пошли за ним стар и млад, пешие и конные, батраки и совсем неимущие. Кто с дедовским ружьем-поджигалкой, кто с вострой саблей или пикой, а кто просто с топором или косой.

По дороге в пугачевскую столицу повстречался им вражий генерал из немцев, с тысячью солдат и с пушками. Генерал при встрече с Иваном испугался и по оврагам в Петербург убежал, а солдаты вместе с пушками пришатились к мужицкому отряду, потому как сами были из мужиков.

Пугачев встретил дружка колокольным звоном, скинул с себя алый кафтан и самолично надел на своего любимца, низко в пояс поздоровался с приведенным войском и начал его считать. До мильена досчитал, а там сбился.

— И не трудись, — говорит Иван.— Это еще не все. Остальная твоя верноподданная голытьба пока дома сидит, оружие выковывает и провиант готовит.

— Тогда, — отвечает мужицкий царь, — мы обязательно победим помещиков, а власть устроим народную!

— Так давай скорее приказ, — зашумели пугачевские полковники и все большое войско.— Выступать мы давно готовы!

О ту пору пугачевцы взяли Казань, Саратов и продвигались вниз по Волге. И всюду их встречали хлебом-солью простые люди, и везде от них в страхе разбегались притеснители народа.

Война-войной, а жизнь да любовь своим чередом идут. На реке Иргизе нашему Ивану давно приглянулась одна русая девушка-голубушка, по имени Анисьюшка, певунья с соловьиным горлышком.

— Пусти, — говорит он Емельяну Ивановичу, — к ней съездить, повидаться хочу!

— Ну что же, — отвечает мужицкий царь, — поезжай, коли так загорелось. Дела наши идут хорошо, со своей любезной возвращайся прямо в Царицын, там и свадьбу справим!

Приехал Иван с отрядом на Иргиз-реку, начал сватать свою суженую. Вино рекой льется, от пляски у всех каблук поотлетали, да в самый-то разгар веселья врывается к ним пропыленный посланец Пугачева.

— Велел, — говорит, — тебе Емельян Иванович немедля мчаться на речки Узени. И он там будет.

— Это почему? — застыл Иван с поднятой кружкой.

— Потому что ниже города Царицына дворяне разбили и рассеяли наше большое войско, теперь опять новое собирать будем.

Иван грохнул кружкой об пол:

— А мы-то тут бражничаем... Седлай, ребята, лошадей!

— Возьми меня с собой, — прильнула к нему Анисьюшка.— Одной-то теперь свет не мил станет, а на походе я тебе пригожусь!

— Не девичье это дело, по степи гонять, — нахмурился Иван, поцеловал побелевшую невесту и ускакал с отрядом, только пыль к небу поднялась.

От Иргиза до речки Узени недалеко, дружинники в тот же день туда попали, да поздно: на стоянке Пугачева нашли разломанные шалаши да раскиданные вещи. Из-под одного шалаша выполз весь израненный знаменщик.

— Нету, — стонет, — нету больше нашего отца родного, мужицкого царя-батюшки. Связали его богатые казаки-изменщики и отвезли к дворянскому коменданту в Яицкий городок. Чем, говорят, самим гибнуть, мы лучше его выдадим!

Помчался Иван вдогонку за предателями, да где там, разве догонишь ветра в поле!? Остановился он с ребятами на перекрестке дорог, а из-за красноглиняных холмов, из-за маров-то, со всех сторон на них напозавет целая туча дворянского войска.

Пошла тут сеча, какой свет не видывал. Сколь солдатушек подневольных погибло — и не счесть, а Ивановы дружинники все до единого полегли.

Остался бывший Пугачев советник один со сломанной саблей; кольцо врагов сжимается, а генерал сзади прыгает да подзуживает. Солдатики вплотную подошли, вот уже штыками размахнулись, а офицеры шпаги подняли над кудрявой головой Ивана, да в таком положении и застыли: разлилась по степи звонкая песня, заморозила она по рукам и по ногам дворянское войско. Из-за ближнего мара выплыла русая девушка и сквозь солдатские ряды прошла прямо в круг к Ивану. Запела она еще пуще свою песню про любовь, которая побеждает саму смерть, и поднялись один за другим все Ивановы сообщники. Взяла она руку своего нареченного и так, с песней, всех вывела с побоища.

Первым расколдовался генерал.

— Марш-марш вперед, — замахал он руками.— Ловите Ивана и эту чародейку, а не то всех в Сибирь упеку!

От последних генеральских слов разворожилось все войско и кинулось вслед за народными восстанниками. А те собрались под высоким яром.

— Ну, спасибо, Анисьюшка, — обнял Иван невесту, — выручила! А теперь отправляйся домой, у нас опять сражение начнется.

— Оставь меня с собой, — просит девушка-голубушка.— Чует сердце: новая беда надвигается.

— Не могу, — отвечает Иван.— Мне рубиться надо, а я тебя оберегать должен... нет, нет, ступай!

— Ну, тогда давай уговоримся: если моя слабая помощь понадобится, ты только склики: ку-ку, ку-ку. Знаешь, как малые ребята друг друга ищут, когда играют...

Так они порешили и расстались.

К вечеру схлестнулись две рати ярые в Полынной ростоши, бились до темной ночи, и тут Иван сподвижникам сказал:

— Мало нас осталось, а войско вражье прибывает. Айдате ускачем на мою родину, в степи оренбургские, там затеряемся и снова станем силушку накапливать!

— Айда, — ответили соратники, сели на лошадей и поскакали, только искры из-под лошадиных подков посыпались.

Увидел эти искры генерал, почернел весь, закричал по-немецки, и вдруг все войско его обратилось в волков, погнались за Ивановым отрядом. Подбегут волки к оставшему всаднику,

кинутся на лошадь и повалят, а потом за Другим мчатся. И так до самого рассвета. Оглянувшись Иван: волки дружину ополовинили, десятка два людей осталось, не более.

— Поднажми, ребята, — кричит, — до моего поселка недалеко, там укроемся!

А волки взяли конников в кольцо, чтобы Ивана живьем схватить. Видит он такое дело, взмахнул руками, оторвался от седла и взлетел на воздух горным соколом, а по его примеру все приятели взлетели: кто ястребом, кто кобчиком. Завыли волки, залязгали зубами, но генерал тоже хитер был: тут же обернулся коршуном, а войско превратил в стаю черных воронов.

Закрыла стая солнце и сделалось опять темно, как давеча ночью. Нападают вороны на усталых пугачевцев, сами гибнут сотнями, но и ястребы, и кобчики один за другим замертво на землю валятся.

Под конец остался один сокол ясный. Заклевали его вороны, из крыльев кровь сочится, силушка совсем вся вышла. Приблизился он к горе посреди степи, откуда уже поселок виден, чует, что дальше лететь не может, грохнулся о гору и снова человеком стал. Замахал он саблей, отбиваясь от черных воронов, а коршун-генерал возьми да брось новую стаю хищных сарычей. Изнемог Иван под ударами железных клювов сарычей — детей помещичьих, упал на камни красные и позвал, как малые ребята друг дружку кличут, когда ищут: ку-ку, ку-ку!

На лежачего-то по-подлому набросились все вороны и сарычи, вконец исклевали Ивана и косточки его раскидали. Тогда генерал обратил своих поганых птиц снова в дворянское войско, построил его и с победной музыкой увел в Петербург. На том и пугачевское восстание закончилось. Прилетела на гору птица серая, ростом с голубя. Круги делает, горем давится и глухо кличет: ку-ку, ку-ку! Только ей Иван не откликается, тишь в степи, ковыль колышется, да за горой солнце к западу склоняется.

С той поры и прозвали гору — Соколиная...

— Да где же эта гора? — спросил Корабельщикова. — Я о такой что-то и не слышал!

— А не слышал потому, — пояснила старушка, — что императорша Екатерина велела прозвать ее Воровским маром, это чтобы вытравить в народе память об Иване, пугачевском пособнике.

Она подошла к открытой двери и указала на север:

— Вот он, Воровской-то мар краснеется...

— Значит, — спросил оренбургский гость, — там и погиб Иван?

— А кто тебе сказал, что он погиб, — отозвалась старушка. — Ведь спасла его кукушка-то! Обернулась снова девушкой-голубушкой и своими песнями про любовь да пугачевщину возвернула его к жизни. Незримо он с нами навсегда. Вон в гражданскую войну наши поселковые ребята Абоимов, Сатунков, Платонов к самому Чапаеву ушли, и вместе с ними невидимо Иван сражался, против дворянства-то. А когда фашисты напали на страну, от нас, чай, полпоселка поднялось, и не только что Иван, все его дружинники ото сна-то пробудились, с врагами воевали, и с ними весь народ к старой славе пугачевской славу новую, советскую добавил.

— Значит, — опять спросил Корабельщикова, — жив герой?

— Был герой, — ответила старушка, — а стало пятеро.

— Это как понять?

— Орехов да Сорокин отличились на войне, Боков с Зайцевым на колхозном поле, и все Золотыми Звездами отмечены.

— Ну, а где теперь кукушка?

— И кукушечка жива, — заулыбалась, закивала головой старушка. — По-секретному летает на гору Соколиную, а обитает в роще за озером Янашкиным... Нашему колхозу-то за хорошие дела дали орден Ленина, колхозники теперь в почете да богатстве; ну, как-то я услышала кукование из лесу, дай, думаю, загадаю, на сколько лет протянется это наше привольное житье...

— И сколько вышло? — спросил Корабельщикова. Старушка махнула рукой и весело ответила:

— До миллиона досчитала, а там сбилась!.. Легенды, предания, сказы о Крестьянской войне 1773— 1775 гг. живут и всегда будут жить в народе.

ПОХОДЫ ПО СЛЕДАМ СОБЫТИЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Илек — Черноречье

В связи с 200-летием Крестьянской войны 1773-1775 гг. Оренбургский педагогический институт совместно с областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры организовал экспедицию по местам событий начального периода Пугачевского восстания.

Маршрут экспедиции как бы подсказала сама история. Илецкий городок, Рассыпная, Нижнеозерная, Татищево, Черноречье — вот первые крепости по Яику, взятые пугачевцами на пути их движения к Оренбургу, пункты, которые намеревались посетить следопыты.

Перед нашей экспедицией стояла задача — обратиться к прошлому и к настоящему населенных пунктов, связанных с восстанием Пугачева, записать народные предания, легенды и песни о Пугачеве, обнаружить остатки оборонительных сооружений старых крепостей, места сражений и стоянок повстанцев.

* * *

Экспедиционный автобус быстро мчит нас на запад по асфальтированному шоссе, пролежавшему по левому берегу Урала мимо селений, расположенных вдоль живописной поймы.

Очень скоро начинают встречаться буровые вышки, а затем открываются величественные контуры газосборного пункта у села Дедуровки. Это набирает силу крупная стройка девятой пятилетки — промышленный комплекс по освоению богатейшего оренбургского газоконденсатного месторождения. Разведанные его запасы составляют около двух триллионов кубометров газа.

Побывав в старинном казачьем селе Краснохолме, возникшем уже после Пугачевского восстания, и записав несколько народных песен, направляемся в Илек.

Илецкий казачий городок (так назывался в прошлом Илек) занимает особое место в истории восстания. Вступление в крепость повстанческого отряда, встреченного торжественно илецкими казаками хлебом-солью и колокольным звоном, явилось первым успехом Пугачева. Этот успех открыл ему путь к Оренбургу — столице огромного Оренбургского края.

Невольно вспомнилось яркое описание этих событий в одном из лучших художественно-исторических произведений о восстании Пугачева, в романе Вячеслава Шишкова «Емельян Пугачев».

«Возле открытых крепостных ворот большой толпой стояли одетые по-праздничному казаки со знаменами и пиками, женщины, ребята... Вся эта цветистая картина с белой приземистой церковкой, поросшим блеклой травой и бурьяном крепостным валом, выглядывавшими из-за него красными крышами построек, полусгнившим, в лишаях, бревенчатым тыном поверх вала и кудрявыми садами возле хат — вся эта необычайная картина, мягко освещенная утренним сентябрьским солнцем, поражала и настраивала на особый лад Пугачева. Он впервые въезжал в укрепленный городок, как признанный государь...

Пугачев со свитой подъехал ближе, осадил коня, приосанился, обвел толпу неспешным строгим взглядом и громко поздоровался:

— Здорово, господа илецкие казаки! Встаньте, детушки! Народ дружно поднялся на ноги и, кто во что горазд, до хрипоты кричал;

— Будь здоров, надежда-государь!»

Современный Илек — экономический и культурный центр района — напоминает скорее небольшой город, чем село. Повсюду новостройки. На одной из благоустроенных улиц читаем табличку: «Улица им. Пугачева». На восточной окраине села растет новый район — Восточный. В Илеке сосредоточены предприятия местной промышленности, работают межколхозная строительная организация, районное отделение объединения «Сельхозтехника». Имеется большой Дом культуры, восьмилетняя и средняя общеобразовательные школы, зоотехникум, Дом быта. Местная библиотека — одна из передовых в области.

Колхоз «Урал», расположенный в Илеке, — крупное хозяйство, оснащенное современными сельскохозяйственными орудиями. Оно занимает 11 тысяч гектаров земельных угодий, на полях работают 39 тракторов, 22 комбайна, 17 автомашин и много другой техники.

Знакомясь с поселком, обращаем внимание на стройный обелиск. Это — памятник жителям Илека, павшим в борьбе за Советскую власть в годы гражданской войны. Неподалеку от обелиска — новый кинотеатр «Урал», в этом же здании находится краеведческий музей. Знакомство с историей села решаем начать с посещения музея. Его хранитель Петр Иванович Кузин, пенсионер, неутомимый общественник и краевед, любезно согласился быть нашим гидом.

— Илецкий казачий городок, — говорит Петр Иванович, — был основан более двух столетий тому назад, в 1737 г. Городок быстро рос, к началу восстания Пугачева здесь насчитывалось более 300 дворов, он выделялся среди других крепостей так называемой Оренбургской пограничной линией. Крепость, расположенная на левом берегу Урала, недалеко от впадения реки Илек, была укреплена рвом, валом и четырехугольной бревенчатой стеной с батареями по углам.

М. И. Кузин увлекательно рассказал о некоторых эпизодах участия илецких казаков в Крестьянской войне.

Музей располагает хорошей коллекцией картин местных и оренбургских художников. Большой интерес представляет маленькая репродукция с портрета Е. И. Пугачева, выполненного в Илецком казачьем городке 21 сентября 1773 г. поверх портрета Екатерины II (подлинник хранится в Историческом музее Москвы). Любопытно, что этот первый портрет вождя Крестьянской войны получил своеобразное истолкование в народе. От одного из жителей Илека мы услышали такое объяснение портрета (на нем видны глаза и часть лица Екатерины II, выявленные в результате реставрации). «Портрет Пугачева не зря написан на портрете Екатерины. Если наложить портрет на карту Российской империи, то изображение Пугачева закроет районы, охваченные восстанием. Изображение Екатерины видно потому, что власть ее была еще сильна. Если бы Пугачеву удалось захватить власть, то изображение Екатерины II было бы закрашено полностью».

Оренбургский край с давних пор славится богатством устного народного творчества, причем немалую долю составляют произведения о Разине и Пугачеве. Хотя собирателями проделана большая работа по выявлению и изучению местного фольклора, мы не теряли надежду записать неизвестные еще народные предания и песни о Пугачеве.

Вооружившись магнитофоном, блокнотами и фотоаппаратом, отправляемся по адресам старожилов, указанным П. И. Кузиным.

82-летний Дмитрий Никифорович Соловьев рассказал, что за Уралом, в лесу, по дороге из Илека в Мухраново есть насыпь: 200 сажен в длину и сажен 10 в ширину (в народе она называется Вышка). Сейчас на ней стоит домик лесника. От стариков он слышал, что это было пугачевское укрепление, что будто бы там Пугачев держал оборону. Между селами Мухраново и Мустаево есть большой холм, который называется «Мар-блюдо». Говорят, это тоже пугачевское укрепление...

В тот же день мы беседовали еще с одним старожилом Илека, 77-летним Евстифеем Никитичем Поляковым. Он сообщил, что на правой стороне Урала много холмов-маров. В давние времена они предназначались для захоронений, в них также прятали богатства; некоторые мары служили казакам как дозорные вышки. Под Яманом есть Жареный мар. В 1900-х г. в трех верстах от села Киндели местные жители разрыли один из маров. Здесь нашли медную и золотую посуду, сбрую, украшения.

По правобережью расположены также «городища» — возвышенные места среди низких заливных лугов и лесов. Е. Н. Поляков назвал некоторые из них: Чилижное, Ковыльное, Кислое, Кузнешное, Форпостное. Мы осмотрели одно городище, расположенное недалеко от Илека по дороге в Мухраново. По словам Полякова, тут находилась сначала Илецкая крепость, но так как вода заливала все вокруг, ее перенесли на левый берег Урала. Ныне на городище расположена овцеводческая ферма колхоза «Урал».

Евстифей Никитич рассказал также о так называемом «военном рубеже», который проходил в пяти верстах восточнее Илецкого городка. Там, по словам Полякова, проходила граница земель илецких казаков, занимавшихся, наряду с военной службой, хлебопашеством и скотоводством. «Военный рубеж» представлял собой высокий и длинный земляной вал и глубокий ров.

Запомнилась встреча с Д. П. Помошниковым. От него мы услышали рассказ о «Пугачевской даче».

«Сам я рассыпнянский, — начал Дмитрий Павлович, — но здесь, в Илеке, живу с 1938 г. В бытность моей работы директором леспромхоза, был у нас участок леса, который назывался Пугачевская дача. Это отсюда километров шестнадцать, в сторону Рассыпной. Когда Пугачев проходил со своим войском, он временно здесь останавливался. Помню там землянки.

Нам хотелось как можно быстрее попасть в Рассыпную. Она была одним из населенных пунктов, взятых Пугачевым, значительно меньше Илецкого городка и напоминала скорее укрепленную деревеньку, чем военную крепость. А. С. Пушкин в своей «Истории Пугачева» так описывает подобные ей крепости: «Крепости, в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором. Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитой двух или трех пушек, были в них безопасны от стрел и копий диких племен, рассеянных по степям Оренбургской губернии и около ее границ».

Основанная в 1742 г. Рассыпная располагалась на правом берегу Урала между двумя глубокими оврагами, защищающими подходы к ней с запада и востока.

О своих действиях при продвижении к Рассыпной Пугачев так показал на следствии: «Забрав в городке (Илецком — Ю. 3.) все потребное, — не помню сколько, — пушек и пороху, только число немалое, людей триста человек, выступил далее. А прошел Илецкие хутора, верст двадцать от городка, сделал из илецких казаков круг, и велел им выбрать полковника. А они в тот чин удостоили Ивана Творогова, который потом был судьей и секретарем. Тут же выбраны были есаулы, сотники и харунжия.

А ночевав тут (может, в местности, названной потом Пугачевской дачей? — Ю. 3.) пошел в Рассыпную, куда я посылал наперед указ, чтоб здались без сопротивления. А как они не здались, то я взял на слом...»

24 сентября повстанцы штурмом овладели крепостью, ворвавшись через южные ворота и проломы в стенах, казнили коменданта Веловского, трех офицеров, священника и привели к присяге Петру III (Пугачеву) небольшой гарнизон.

От Илека до Рассыпной менее 30 километров. Проехав мост через реку Урал, автобус входит в живописную долину с. заливыми лугами и лесами. Мимо сел Мухраново и Сладкова направляемся к Рассыпной, следуя маршрутом пугачевских войск.

Современное село уже ничем не напоминает старую крепость. Усадьба колхоза «Вперед к коммунизму» раскинулась на территории, значительно превышающей прежние размеры крепости. В селе силами колхозников построены новая школа, дома, Дом культуры.

В сельском совете нам называют старожилов и знатоков истории села. Направляемся к одному из них.

80-летний А. Л. Боборыкин всю жизнь живет в Рассыпной, знает здесь, как говорится, каждый камешек. Вместе с ним не спеша идем осматривать старинную часть села, называемую и по сей день «крепостью».

— Вот, посмотрите, — говорит Алексей Лупович, — это улицы старой крепости.

Действительно, три узенькие и короткие улицы явно сохранили старую, крепостную планировку. Ширина их не превышает 9—10 метров. Пройдя по одной из старых улиц, выходим к берегу крутого оврага.

— А вот здесь, — продолжает наш собеседник, показывая на улицу, расположенную вдоль оврага, — проходил крепостной вал. Помню, как в детстве с мальчишками мы бегали играть, говоря, идем играть на вал. Тогда он был выше и заметнее, чем теперь.

Присмотревшись, замечаем след крепостного вала. Сейчас на нем расположены дома по улице, названной именем Пугачева.

Овладев Рассыпной, Пугачев стал стремительно продвигаться вперед, по направлению к Оренбургу. На его пути лежали Нижнеозерная, Татищева и Чернореченская крепости.

В село Нижнеозерное мы приехали в начале дня. На вопрос, в каком месте располагалась старая крепость, житель села М. П. Козлов, встретившийся нам, ответил: «А вон там у Красной горы» — и показал в южную сторону, где у самого берега Урала возвышался небольшой холм. В сопровождении Михаила Петровича мы направились туда.

— Старая крепость, — рассказывал он, — была основана в 1754 г. Она располагалась на высоком берегу Урала. С юга ее прикрывала река, с востока и запада — мощные овраги. Как и

другие крепости, Нижнеозерная была обнесена земляным валом и частоколом. Особенно была укреплена открытая северная сторона. В восточной части крепости лицом к востоку находилась деревянная церковь, рядом с ней дома попа и коменданта. Вне крепости с восточной стороны располагался татарский поселок. Поэтому и сейчас население села состоит из русских и татар.

В трех километрах вверх по Уралу, в том месте, где был брод, находился редут для предупреждения нападения степных кочевников. Татары и до сих пор зовут это место «Шампал». Другой сторожевой пункт, охранявший дальние подступы к Нижнеозерной, находился в семи километрах юго-западнее крепости на возвышенном месте — городище — среди лесов и лугов по левому берегу Урала. Ныне там расположен дом лесника.

26 сентября 1773 г. отряды Пугачева подступили к Нижнеозерной крепости и приступом овладели ею.

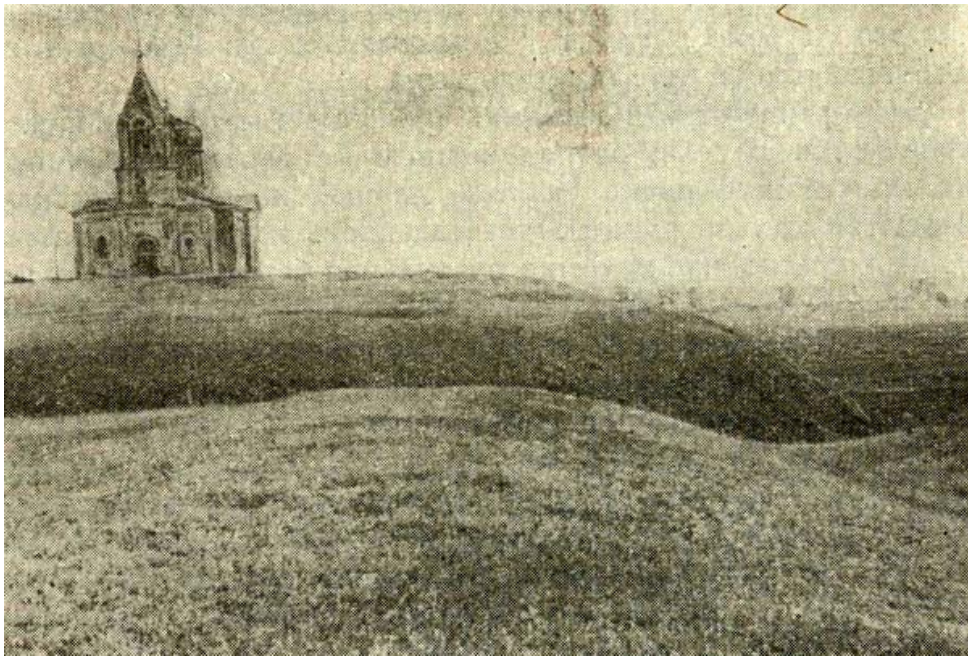
В Нижнеозерном находится колхоз «Борьба за мир» — одно из крупных хозяйств Илекского района. В селе построены новая школа, магазин, жилые дома, животноводческие помещения.

От Нижнеозерной до Татищевой дорога проходит через Чесноковку и Вторую Зубочистку по возвышенности, пересекаемой оврагами и грядами холмов, вдоль лесополосы и распаханых полей. Не доезжая Чесноковки, мы увидели Белые горы, называемые так по меловым обнажениям на западном и южном склонах, которые в яркие солнечные дни хорошо видны издалека. А. С. Пушкин, проезжая по этим местам, обратил, видимо, внимание на Белые горы, так как крепость, описываемую в повести «Капитанская дочка», назвал Белогорской.

На вершине Белых гор виднеется небольшая роща, называемая в народе «Красная колка». Почетный колхозник сельхозартели имени Пугачева, расположенной в Чесноковке, 73-летний Исимбетов Хусаин Абдрахманович сказал нам, что, по преданию, в этом лесу останавливались пугачевцы, двигаясь к Татищевой крепости.

С крепостью Татищевой связаны важнейшие события первого периода восстания Пугачева. Овладение крепостью в конце сентября 1773 г. устраняло главную преграду на пути к Оренбургу. Победа над высланным из Оренбурга карательным корпусом бригадира Х. Билова и падение Татищевой явились серьезным военным успехом повстанцев. Позднее, здесь же, под Татищевой 22 марта 1774 г. восставшие потерпели первое крупное поражение от правительственных войск под командованием генерал-майора князя П. М. Голицина. После поражения под Татищевой Пугачев вынужден был снять осаду Оренбурга и с остатками повстанческой армии уйти в горные районы Южного Урала. И вот мы в Татищевой. Знакомимся с прошлым и настоящим села. Повсюду замечаем, как много сделал и делает местный колхоз для его благоустройства. Построены новый Дом культуры, здание правления колхоза, сооружается водопровод. У Дома культуры — памятник А. С. Пушкину, посетившему Татищево в 1833 г. во время поездки в Оренбургский край для сбора материалов об истории восстания Пугачева. Среди историков существует мнение, что именно Татищева была выбрана писателем в качестве прообраза Белогорской крепости, описанной в «Капитанской дочке».

Нас интересует, не сохранились ли старинные постройки и крепостные сооружения. На основе рассказов старожилов и осмотра местности устанавливаем приблизительные очертания крепости. Местный житель 70-летний Андрей Петрович Дюгаев показал нам место, где до сих пор сохраняются остатки крепостного вала. Мы тщательно осмотрели их, измерили и нанесли на схематический план. Слабый след вала тянется по середине одной из улиц с севера на юг на протяжении 130 метров. Ширина основания вала 6 метров, высота 40—50 сантиметров. В северной части вала мы заметили очертания углового бастиона, в котором помещалась батарея. Бастион имел форму буквы «П», обращенной верхней частью на внешнюю северо-восточную сторону. Размеры сохранившейся части бастиона составляют: боковые стороны по 9 метров, передняя — 15 метров.

Село Черноречье. Крепостной вал и старая церковь

Ров, проходивший вдоль вала, почти не заметен. Препятствие позволило выяснить осмотр свежей водопроводной траншеи, пересекающей линию бывшей крепостной стены. В боковом срезе траншеи хорошо видно, как в том месте, где проходил ров, материковая часть прерывается большим овальным углублением, засыпанным многослойным грунтом, состоящим из слоев черной земли, глины и мелкого камня. Глубина рва — 2,5 метра, ширина верхней части — 3 метра. На глубине более полутора метров мы заметили тонкую прослойку золы. Очень хотелось верить, что перед нами свидетельство событий далекого 1773 г.

Известно, что во время штурма крепости повстанцами сгорели стены и часть построек. В срезе вала мы обнаружили след от толстого бревна диаметром около полуметра, врытого глубоко в грунт. По-видимому, это был один из опорных столбов бревенчатого тына.

Черноречье было последним пунктом в маршруте нашей экспедиции. В селе, расположенном на берегу Урала при впадении в него речки Черной, давшей название поселку, находится колхоз имени Пугачева. Есть и улица, носящая это имя. Видно, что потомки пугачевцев бережно хранят память о выдающемся предводителе мятежного крестьянства. Завуч местной школы А. Н. Шалкин говорил нам, что к нему неоднократно обращались колхозники с просьбой приобрести для колхозного правления портрет Емельяна Пугачева.

Недалеко от церкви, метрах в 180, на берегу старого русла Урала мы обследовали сохранившийся участок вала, рва и бастиона у юго-западного угла старой крепости. Вал представляет собой земляную насыпь высотой до 70—80 см, глубина рва до 40—50 см. По форме, размерам и расположению бастион несколько отличается от аналогичного сооружения Татишевой крепости. Он является продолжением южной стороны вала и затем под прямым углом поворачивает на север, вдоль берега реки Камыш-Самары.

Из встреч со старожилками села запомнилась беседа с бывшим бойцом бригады Г. И. Котовского П. А. Волженцевым. От своей прабабушки он слышал рассказ про Пугачева. Она была еще совсем маленькая, когда здесь проходил Пугачев. Встречали его хлебом-солью. К народу он относился милостиво.

В Оренбург мы возвращались по широкой автостраде, прокладываемой к строительной площадке Оренбургского газоперерабатывающего завода, возводимого у станции Каргала. От впечатлений, навеянных знакомством с местами событий XVIII века, мы снова обращались к панораме грандиозной стройки, которая во многом изменит облик Оренбургского края, имеющего славное историческое прошлое и замечательное будущее.

ОТ ОРЕНБУРГА ДО ОРСКА

С середины сентября 1773 г. и по конец марта 1774 г. в Бердской слободе и ее окрестностях стояла многотысячная повстанческая армия, осаждавшая Оренбург. Все многонациональное трудовое крестьянство, жившее тогда на территории нынешней Оренбургской области, поголовно участвовало в восстании и сражалось против правительственных войск.

С тех пор прошло 200 лет. В течение этих двух столетий произошли огромные изменения в общественном строе. Феодално-крепостническая система, против которой боролись повстанцы в 1773-1775 гг., сменилась в середине XIX столетия капитализмом. Великая Октябрьская социалистическая революция свергла капитализм и открыла новую эру в истории человечества — эру социализма и строительства коммунизма.

Там, где еще полстолетия назад шумел степной ковыль, сейчас расстилаются безбрежные нивы колхозных и совхозных полей; там, где в дни восстания стояли убогие селения и жалкие укрепления, носившие громкие названия «крепость», «редут», — поднялись города и новые села, возникли фабрики и заводы, школы и клубы, дома культуры и добротные дома. И все же память о былых героических страницах борьбы крестьянства, с их угнетателями помещиками и дворянами, сохранилась. Она осталась местами как материальные памятники времени восстания — остатки былых укреплений, в названиях различных урочищ, в виде преданий и рассказов.

Чтобы познакомиться с местами событий Крестьянской войны 1773-1775 гг., совершим небольшую экскурсию вверх по реке Урал от Оренбурга до Орска, следуя тем путем, которым двигались повстанческие отряды вверх по Уралу-Яику. Общая протяженность нашего пути составит около 300 километров. Начало экскурсии — город Оренбург, конец — город Орск.

От Оренбурга до села Нежинки

Мы отправились в путь от современного Ленинского сквера Оренбурга. Зеленые аллеи, цветы, памятник В. И. Ленину, один из первых в России, торжественно открытый 1 мая 1925 г., — все это привлекает сюда многих. Здесь приятно отдохнуть в знойный летний день под тенью деревьев, подышать вечерней прохладой.

Отправляясь в поездку по местам событий Крестьянской войны вверх по реке Урал, вспомним, каким было это место 200 лет назад в те дни, когда повстанческая армия осаждала Оренбург.

Тогда нынешний Ленинский сквер являлся главной, центральной площадью города (в начале XIX века она именовалась «плац-парадной площадью»). В сравнении с теперешним сквером площадь выглядела значительно больше. Она доходила до нынешней Пролетарской улицы. Ни кустика, ни деревца, только два сооружения возвышались тут — городской колодец и здание главной гауптвахты, построенной из дикого камня в 1745 г.

Унылый вид площади оживляли разводы, а в торжественные и праздничные дни — военные парады. Тогда здесь гремел барабан, звучали военные марши, раздавались команды...

Но порой тишину площади нарушали не звуки музыки, а стоны солдат под ударами розог. «Не жалея, бей сильней!» — слышались окрики командиров, наблюдавших за экзекуцией...

Время преобразило старинную центральную площадь. В начале 30-х г. XIX века на месте колодца и гауптвахты поднялись новые сооружения, в том числе здание военного манежа (впоследствии оно было приспособлено под Оренбургский городской театр).

Наш автобус отходит от площади и поднимается вверх по Ленинской улице (Штабской — во времена восстания Е. Пугачева). Две-три минуты езды по асфальту, и мы переезжаем сначала улицу 8 марта (Артиллерийскую — в XVIII веке), а затем на не существовавшую в Пугачевскую пору современную Студенческую улицу. В период осады Оренбурга повстанческим войском Пугачева здесь проходили вал и ров Оренбургской крепости, а чуть левее, в конце нынешней Пушкинской улицы, стояли Орские ворота крепости с двумя земляными бастионами по сторонам — Николаевским и Неплюевским. С внутренней стороны ворот находилось каменное караульное помещение — кордегардия, с внешней стороны — мост через крепостной ров. Отсюда, от Орских ворот, начиналась дорога вверх по реке Яику.

Еще недавно, в 20—30-х г. нашего столетия, за Студенческой улицей располагалась обширная Красная площадь. Она отделяла старинный казачий Форштадт (предместье) от города. Ныне на месте площади высятся корпуса Оренбургского сельскохозяйственного института. Во время осады Оренбурга строения казачьего Форштадта начинались почти у самых крепостных валов, вопреки требованиям тогдашнего военного искусства.

Мы медленно движемся за троллейбусом и вереницей машин по Чкаловской улице — центральной улице нынешнего Красного посада, Атаманской улице бывшего казачьего Форштадта. Едем мимо небольших, большей частью деревянных одноэтажных домов, среди которых встречаются еще типичные казачьи дома с высоким крытым крыльцом и верандой. Вспоминаем...

В дни осады повстанцами Оренбурга казачий Форштадт представлял огромное пепелище. Лишь на самом берегу Урала возвышалась небольшая каменная церковь с колокольней, так называемая Георгиевская или Егорьевская церковь, а рядом с ней один-единственный дом, уцелевший от огромного пожара. 5 октября 1773 г., когда повстанческие отряды Пугачева приближались к Оренбургу, оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп «по совету лучших городских жителей» (так пишет П. И. Рычков в своей летописи осады города) приказал поджечь Форштадт, а его жителей переселить в город. Военные власти опасались, что повстанцы могут обосноваться в Форштадте и под прикрытием домов вести прицельный обстрел Оренбурга.

Вот и конец Форштадта. Пересекаем овражек и вступаем в район Оренбургских «Черемушек». По обеим сторонам дороги многоэтажные новые дома и учебные корпуса кооперативного техникума, пединститута.

Минуем последнюю остановку троллейбуса. Перед нами асфальтовая нить, убегающая вдаль на восток, вверх по Уралу. Она идет по старинной «линейной дороге», пересекая современные села и поселки, многие из которых двести лет назад носили громкие названия — «крепость», «редут» и «форпост». Все они в совокупности составляли часть Оренбургской военной пограничной линии по реке Яику. Напомним историю ее возникновения и состояние ее в пред-верии событий Крестьянской войны 1773-1775 гг.

Оренбургская военная пограничная линия создавалась в течение нескольких десятков лет. Начало ей положил Иван Кириллович Кирилов, первый начальник Оренбургской экспедиции и основатель Оренбурга в 1735 г. на месте современного Орска. Затем созданием укреплений продолжали заниматься преемники И. К. Кирилова. При первом оренбургском губернаторе Иване Ивановиче Неплюеве (И. И. Неплюев служил в Оренбургском крае с 1742 по 1758 г.) линия приобрела стройную систему и была разбита на дистанции. В каждую из них входило несколько крепостей (одна из них считалась главной, здесь находился Начальник дистанции), редутов и форпостов. В канун восстания линия состояла из следующих дистанций: Самарской (в нее входили все укрепленные пункты по реке Самаре, в том числе такие крепости, как Красносамарская, Борская, Елшанская, Бузулукская, Тоцкая и Новосергиевская, а также Сорочинская — главная крепость дистанции; Сак-марской (укрепления по р. Сакмарю, среди них крепости Пречитенская и Воздвиженская). Укрепления по Яику, начиная с его устья и кончая Илекским городком (современное село Илек), находились в ведомстве Яицкого казачьего войска и представляли главным образом форпосты.

Линия по Яику выше Илекского городка делилась на дистанции: Нижне-Яикскую (состояла из крепостей: Рассыпной, Нижне-Озерной, Татищевой — главной крепости дистанции, Чернореченской и Переволоцкой); Красногорскую (начиналась с Нежинского редута и состояла из крепостей: Красногорской, Верхне-Озерной, Ильинской и Губерлинской; главной крепостью дистанции была крепость Красногорская, но в канун восстания и в дни его главной являлась Верхне-Озерная крепость и дистанция называлась Озерной); Орскую, которую составляли крепости: Орская (главная), Таналыкская, Уртазымская, Кизылская и Магнитная. С Верхнеуральской крепости сначала по степи, а затем по реке Уй, притоку Тобола, располагались крепости Верхней и Нижней Уйской дистанций. Оренбургская военная пограничная линия заканчивалась Звериноголовской крепостью на р. Тоболе, где она соединялась с Сибирской военной линией. Между крепостями стояли редуты и форпосты — небольшие земляные укрепления.

Придерживаясь в своей поездке старинной «линейной дороги», вспоминаем, что по ней проезжали участники путешествий XVIII века академики Петр Симон Паллас в 1769 г. и Иоганн

Петер Фальк в 1771 г. По этой же дороге в 1829 г. следовал знаменитый немецкий ученый Александр Гумбольдт, возвращаясь из своего путешествия по Сибири, а летом 1837 г. Известный русский поэт, Друг А. С. Пушкина В. А. Жуковский, сопровождая будущего императора Александра II в его путешествии по России.

Наконец, мы будем следовать тем же маршрутом, по которому проезжал великий сын украинского народа Т. Г. Шевченко, направляясь из Оренбурга к месту своей ссылки.

* * *

Машина набирает скорость. Направо от нас обширная пойменная долина Урала, налево — поля. Рядом с дорогой — широкая лента лесной полосы. Вот и девятый километр. На пригорке стоит высокий обелиск. Он установлен в память героической обороны Оренбурга от белоказаков в трудный 1919 г. Здесь был крайний рубеж защитников города. Здесь насмерть стояли рабочие полки Оренбурга.

Еще один километр, и вправо в пойму Урала убегает проселочная дорога к поселку 2-го отделения пригородного совхоза «Овощевод». Поселок и поля отделения примыкают к озерам Лопушье и Коровье Стойло.

Название озера Коровье Стойло весьма примечательно. Оно связано с началом осады Оренбурга повстанческой армией. Один из современников этого события — оренбургский священник Иван Осипов, свидетель осады города и оставивший любопытные записки о ней, пишет, что 5 октября Е. Пугачев, «не доходя до города версты за четыре, в степь к стороне востоку налево поворотил в луга, расстоянием от города верстах в 5 на озере, называемом Коровье Стойло, лагерем стал, который имеется вверх по Яику близ дороги, лежащей к крепости Орской¹. Другой священник села Ташлы (нынешнее село Ташла Тюльганского района), некий Ефим Марков, говорил впоследствии, что в начале октября 1773 г. он находился в повстанческом лагере, который располагался под Оренбургом у «Коровьего озера»¹. Ясно, что названия «Коровье Стойло» и «Коровье озеро» обозначают одно и то же урочище, где повстанцы разбили свой первый лагерь под Оренбургом.

Несомненно, что нынешнее озеро «Коровье Стойло» есть остаток того самого озера, которое Иван Осипов и Ефим Марков упомянули под именем «Коровье Стойло» и «Коровье озеро». Во время восстания его размеры были значительно больше.

П. И. Рычков, оставивший подробную летопись осады повстанцами Оренбурга, ограничился лишь тем, что только указал расстояние повстанческого лагеря от города. Он писал, что повстанцы разбили лагерь «в казачьих лугах... подле имеющегося тут озера... расстоянием от города в 5 верстах, или меньше»².

Где именно, в каком определенном месте находился первый повстанческий лагерь, установить теперь трудно. Несомненно одно, что современное озеро «Коровье Стойло» — часть старинного озера этого же наименования, на берегах которого стоял первый повстанческий лагерь. В этом лагере у озера Коровье Стойло повстанцы оставались недолго. С наступлением холодов они подожгли свои шалаши и землянки, перебравшись на новое место, между Бердской слободой и Маячной горой.

Село Нежинка

Продолжаем наш путь... Проезжаем мимо Оренбургского аэропорта и через 15—20 минут перед нами большое старинное село Нежинка. Это первое встретившееся нам селение. Название его напоминает об Украине. И действительно, село было основано украинскими казаками Нежинского слободского полка, прибывшими в Оренбургские степи в 1742 г. Одна из партий переселенцев расположилась на месте нынешнего села, и новый поселок стал именоваться Нежинским редутом.

Суровая жизнь на пограничной линии заставила украинцев в 1744 г. покинуть берега Яика.

---

¹ А. С. Пушкин. Поли. собр. соч., т. 9, ч. II, стр.556. Изд. АН СССР, 1940.

¹ Государственный архив Оренбургской области, ф.172, оп.1, св. 36. Далее ГАОО.

² А. С. Пушкин. Поли. собр. соч., т. 9, ч. II, стр. 222.

Памятью о первых поселенцах осталось одно название. На месте украинцев здесь были поселены солдаты и казаки, а затем, в начале XIX века, несколько десятков семейств татар-нагайбаков из бывшей Нагайбакской станицы Оренбургского казачьего войска.

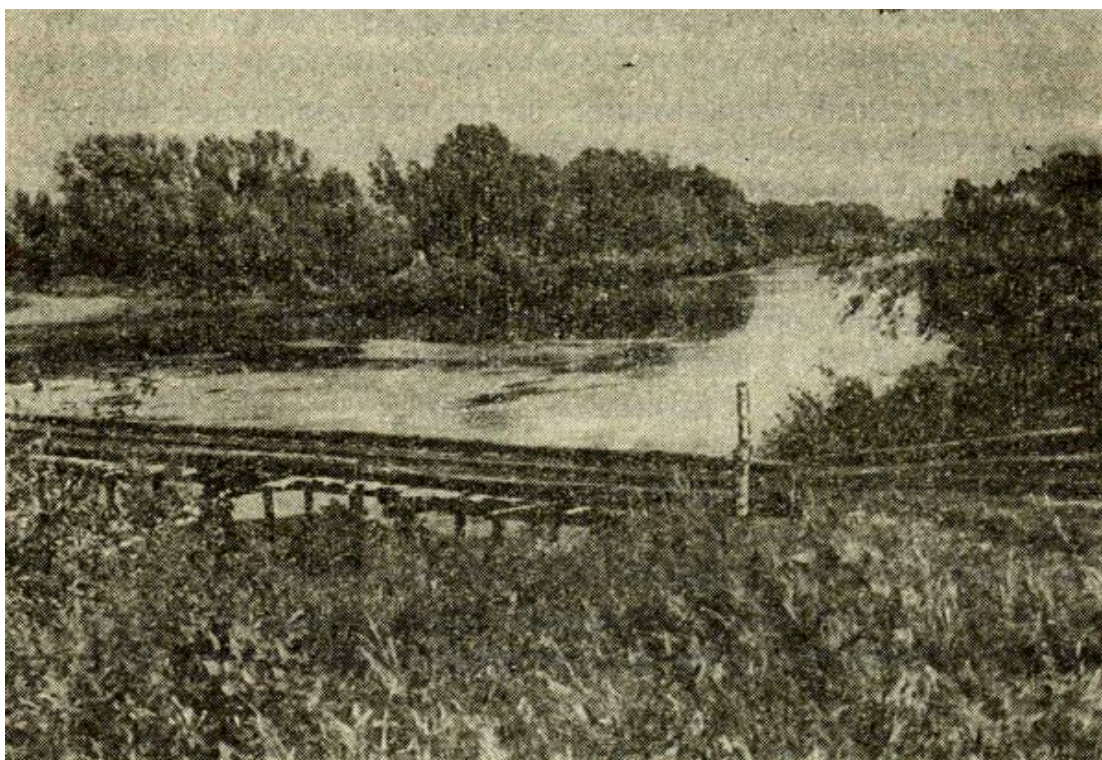
В канун восстания тут стоял Нежинский редут. Академик П. С. Паллас, проезжавший летом 1769 г. от Оренбурга до Орской крепости (нынешнего города Орска), так описывает этот редут: «Помянутой редут построен деревянной на берегу Яика. В нем находится немного домов для драгунской и казацкой команды, также одна пушка и высокая каланча, вышка называемая, которая сделана для того, чтобы лежащую по ту сторону реки степь с оной видеть можно было».¹

С первых дней Крестьянской войны население редута присоединилось к восставшим.

Село Каменно-Озерное

Село Каменно-Озерное или, по местному, просто Каменка — бывшая станица Оренбургского казачьего войска. Ныне здесь колхоз им. Ильича. В нем 260 хозяйств.

Село стоит далеко в сторону реки Урал. Некогда под берегом тянулось большое глубокое озеро. Отсюда и возникло название села — Каменно-Озерное. Во время разлива воды Урала подходят под самое село и ударяются о каменистый берег.

Здесь проходили отряды Пугачева

В период восстания здесь не было постоянного селения. В конце XVII! века стоял Каменный редут. В 1805 г. Оренбургские военные власти поселили в нем часть казаков из Красноуфимской станицы (ныне г. Красноуфимск, Свердловской области).

Свидетельством стародавнего былого военного значения Каменки являются остатки земляного укрепления на восточной окраине села, называемого «кордоном». Контуры его превосходно сохранились. Кордон представляет земляной вал прямоугольной формы, размером примерно 100x160 метров. Снаружи он имел глубокий ров. Остатки рва лучше всего сохранились на северной стороне вала.

Старожилы села помнят о стычках с «ордой», о пленении киргизами-казахами казаков и казачек. В памяти населения сохранились также предания об Емельяне Пугачеве. В их основе лежат сюжеты «Капитанской дочери».

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть I. Изд. 2-е, СПб, 1809, стр. 372.

«Рудокопные заводы»

За Каменкой асфальтовое шоссе поворачивает влево и идет на Сакмару. Вверх по Уралу — обычное шоссе. Проезжаем центральную усадьбу совхоза «Боевой», а затем 2-е отделение этого хозяйства и на 49-м километре от Оренбурга дорогу пересекает возвышенность. По другую сторону ее, у подошвы, виднеется русло почти пересохшей речки Шубинки. По этой возвышенности, по обеим сторонам дороги, тянутся следы старинных медных рудников XVIII века в виде заплывших ям и высоких отвалов породы, покрытых зеленоватыми кусочками медной руды. В период восстания здесь добывали такую руду. Академик Паллас осмотрел эти «рудокопные заводы» 18 июля 1769 г. Он сообщал, что одни медные рудники принадлежали владельцу Каноникольского завода купцу Мосолову, другие — заводчикам Твердышеву и Мясникову.

С первых же дней появления повстанческой армии под Оренбургом рудокопы оставили работы и влились в ряды повстанцев. Через рудники прошел отряд Пугачева, направлявшийся в октябре 1773 г. к Каноникольскому заводу.

Рудники были оснащены механизмами и имели строения. В делах Государственного архива Оренбургской области сохранилось «нижайшее доношение служителя заводчика Ивана Алексея Мосолова» Федора Набатова оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу от 5 мая 1774 г. Оно имеет непосредственное отношение к этим рудникам.

Набатов писал в своем «доношении», что 22 апреля он ездил «на состоящий вверх по Яику реке близ Вязовского рудута означенного хозяина моего Троицкие и Вязовской рудники для свидетельства и описания оных. А по свидетельству моему при оных рудниках после грабления известного злодея Пугачева оказалось в наличности как медной руды, верхового строения, так и для отливания ис подкопов воды и таскания земли и руды сделанных из соснового леса машин и заводных машинных вещей немалое число, которое

и поныне состоит без всякого призрения...» Набатов просил разрешения поставить там свой караул. Рейнсдорп дал разрешение¹.

Неизвестно, как долго функционировали эти рудники. Никаких следов «машин» и заводских строений не сохранилось. Памятью о рудниках, бывших здесь, кроме ям и отвалов, являются названия урочищ в окрестностях бывших рудников — Рудницкий овраг и Рудницкое и Банное озера. Последнее название возникло, конечно, в связи с нахождением там бани горняков.

Село Вязовка

...Спускаемся с сырта, переезжаем небольшую речку Шубинку, и вдали перед нами показалось село. Это Вязовка. Она стоит на обоих берегах небольшой речки Вязовки, притока Урала.

Село, как рудут, основано в 1742 г. В первые же дни восстания казаки, жители рудута, примкнули к нему. Для перехвата курьеров, отправляемых из Оренбурга, а также, очевидно, для наблюдения за движением правительственных войск из Сибири, со стороны Орской крепости, «за Вязовским рудутом на рудниках» стояла повстанческая застава².

Ни в селе, ни в окрестностях его следов старинного рудута нет. Единственным свидетельством о былом военном назначении села является название возвышенности в окрестностях села—«гора Маяшная». Некогда здесь находился наблюдательный пункт или маяк казаков Вязовского рудута.

Двигаясь дальше вверх по Уралу, мы неоднократно встретим название «Маячная гора». Поэтому следует вспомнить, что такое «Маяк». Маяк — это наблюдательный пункт, имеющий деревянный столб, или толстый шест, или деревянную вышку, которую увенчивал большой пучок соломы, травы. В случае тревоги они поджигались. Дым, пламя извещали соседние укрепления о наступившей опасности. Такие сооружения — маяки — устанавливались на возвышенных местах, откуда открывался широкий обзор местности. Памятью о самих маяках и остались современные названия — «Маячная гора».

¹ ГАОО; ф, 173, оп. 1, ед. хр. 141, л. 32.

² См.: А. С. Пушкин. Соч., т. 9, ч. 1, стр. 310.

Как и в соседней Каменке, здесь все знают о Пугачеве, о событиях Крестьянской войны 1773-1775 гг.

Село Красногор

Находится на самом берегу Урала. Ниже селения правый берег реки представляет возвышенность. Крутой, местами почти отвесный обрыв высотой в 20—30 метров сложен из глыб красного песчаника. Отсюда название урочища— Красная гора, а по нему и название села. С высоты обрыва открывается замечательный вид на лежащую внизу пойменную долину Урала с ее озерами, лугами, зелеными рощицами.

Любопытна история основания села. Ведь именно здесь, на урочище Красная гора, был вторично заложен город Оренбург. Вспомним несколько строк из истории. Оренбург, основанный начальником Оренбургской экспедиции И. К. Кириловым в устье реки Ори в августе 1735 г., оказался преемнику И. К. Кирилова В. Н. Татищеву построенным на неудобном месте. Уже осенью 1737 г. Татищев отправил инженер-майора Ретиславского для осмотра урочища Красная гора.

2 июля 1738 г. Татищев лично осматривал это место и выбрал «особливое место ровнее», приказал Ретиславскому снять план. 9 августа 1739 г. императрица Анна Ивановна издала указ о постройке на урочище Красная Гора Оренбурга и о наименовании прежнего Оренбурга Орской крепостью. С отъездом Татищева из Оренбургского края, вопрос о перенесении города Оренбурга остался нерешенным.

В 1742 г. преемник князя Урусова, новый начальник Оренбургской комиссии И. И. Неплюев, выдвинул новый проект. Он предложил построить Оренбург там, где сейчас находится этот город. Проект был принят, и 19 апреля 1743 г. был заложен Оренбург. На месте его строительства в урочище Красная Гора возникла Красногорская крепость.

Академик Фальк, проезжавший через крепость в 1771 г., писал, что она «подобна всем прочим крепостям; имеет деревянные укрепления, несколько пушек, небольшой гарнизон казаков, милицию и одну деревянную церковь»¹.

Казаки Красногорской крепости принимали участие в пугачевском восстании. Уже в начале октября 1773 г. они получили от имени самозванного Петра III—Пугачева — один из первых повстанческих указов. Согласно указу, казаки призывались на службу. «И за то будите жалованы, — говорилось в нем, — крестом и бороною, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованием, хлебным провиантом, свинцом и порохом, и вечною вольностию...»².

Командир крепости капитан Б. Уланов прочел публично этот указ казакам. За это он был арестован, но указ оказал свое воздействие — казаки присоединились к восставшим. Среди жителей крепости были также татары-казаки. Часть из них примкнула к повстанческой армии. После того как под крепостью Татищевой и под Каргалинской слободой повстанцы потерпели поражение, около 30 красногорских татар вернулись под Красногор и скрывались в его окрестностях. Татары, жившие в крепости, ждали Пугачева.

В какое-то время повстанческим атаманом в Красногорской крепости был казак Талин. В начале апреля 1774 г. его схватили у Красногорской крепости и отправили в Оренбург. Талину предъявили обвинение в том, что он перехватывал курьеров, отправляемых полковником О. Демариным из Верхнеозерной крепости в Оренбург, и оказывал повстанцам помощь фуражом.

Село Гирьял

Село — бывшая станица Оренбургского казачьего войска. Гирьяльский редут, как и Нежинский, основан в 1742 г. Он построен у подошвы горы Гирьял, подле озера Ерика. Остатки, слабые следы земляного вала Гирьяльского редута сохранились в конце восточной окраины села, в виде ломаной линии длиной менее ста метров.

В дни восстания Гирьяльский редут находился в руках повстанцев. 25 ноября 1773 г. во

¹ Записки путешествия академика Фалька. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук по предложению ее президента, СПб, 1824, стр. 248.

² «Пугачевщина». Т. 1. М — Л., 1926, док. № 8.

главе с Пугачевым они захватили здесь 593 исетских казака, отпущенных из Оренбурга домой «за худобою лошадей». Три казачьих атамана — Севастьянов, Дьяков и Черкашенинов за отказ присоединиться к восставшим были казнены. Остальные казаки вошли в состав повстанческих войск и 26 ноября 1773 г. участвовали в штурме Верхнеозерной крепости.

Село Верхнеозерное

В старину это село называлось Верхней Озерной крепостью, в дни восстания Пугачева здесь располагался военный центр Озерной дистанции. В 1754 г., когда ниже Оренбурга была построена другая Озерная крепость, она стала именоваться Верхней Озерной крепостью, а вторая — Нижней Озерной (ныне село Нижнеозерное Илекского района).

В период Крестьянской войны в Верхнеозерной крепости находились командир дистанции бригадир А. Корф, комендантская канцелярия. П. И. Рычков указывал, что «укрепление ее вокруг из всех по Яику имеющих крепостей, включая токмо Оренбург и Орскую крепость, есть лучшее и регулярное, рвом и валом, а в некоторых местах палисад»¹.

Гарнизон крепости состоял из солдат, казаков и небольшого числа калмыков, башкир и мешеряков, несших на линии сторожевую службу. Среди солдат были поляки, высланные из Польши и расселенные по крепостям Оренбургской пограничной линии за участие в движении конфедератов в 1771—1772 гг.

Крепость Верхнеозерная вошла в историю Крестьянской войны 1773-1775 гг. Вспомним страничку из истории восстания.

Комендант Верхнеозерной крепости и командир Озерной дистанции бригадир А. Корф, получив сообщение о начале восстания, созвал 2 октября в крепости военный совет. Совет постановил, что вследствие ненадежности поляков-конфедератов и «иноверцев» «колебания российских людей», незначительности регулярных войск и артиллерии, собрать со всей дистанции артиллерию, деньги и всю команду в Озерную крепость, а затем выступить в Оренбург².

В Верхнеозерную крепость собрались команды далеко не из всех укреплений дистанции. Казаки и «прочая иррегулярная команда» разбили лагерь под крепостью. Между тем один из казаков, бывших в лагере, табынский казак Тимофей Красильников успел побывать в повстанческом лагере под Оренбургом и в ночь на 8 октября привез указ на имя казачьего атамана Озерной крепости И. В. Немирова-ва. Днем 8 октября казаки во главе с Красильниковым отправились в крепость к дому Корфа. «И как скоро усмотрено, — писал Корф в рапорте оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, — такое позорище, то я, вышед из квартиры моей, требовал онога казака к себе. Причем тот казак противным образом не давал мне в руки, требовал всех казачьих старшин, и особливо атамана Немирова.., объявляя при том, чтоб оной указ прочитат всенародно».

Указ был отнят насильно. «Тогда, — пишет Корф, — все притом бывшие казаки, взбунтовавшись, из крепости с великим гвалом побежали в лагерь их, крича, притом единогласно: «Ступай на конь и бери ружья!»

Против казаков Корф бросил солдат. Два казака были убиты, прочие разбежались и только часть из них возвращена «ласкательством». «Из чего примечается, — заключает свой рапорт Корф, — что они все сообще заговор имели».¹

Таково было начало неудавшейся попытки казаков присоединиться к восстанию.

В течение октября и начала ноября в Верхнеозерную крепость прибыли военные отряды из Сибири. 8 ноября, после неоднократных приказов Рейнсдорпа и даже угрозы ответственностью перед Государственной военной коллегией, бригадир Корф выступил из Верхнеозерной крепости к Оренбургу. Вследствие ошибки повстанцев Корфу 13 ноября удалось войти в Оренбург. Его отряд состоял из 2495 человек с 22 орудиями.

Комендантом Верхнеозерной крепости стал полковник Отто Демарин, переведенный сюда бригадиром Корфом из Ильинской крепости с большей частью гарнизона.

Чтобы получить военные припасы и провиант, Пугачев по совету своих сподвижников в

¹ П. И. Рычков. Типография Оренбургской губернии. Оренбург, стр. 331—332.

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, лл. 384—385.

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, л. 505.

середине ноября 1773 г. направил отряд атамана А. Соколова-Хлопуши и яицкого казака А. Бородина вверх по Уралу в крепости Верхнеозерную и Ильинскую. Немалую роль в организации этого похода имели, вероятно, также дошедшие до руководителей восстания слухи о движении правительственных отрядов со стороны Сибири на помощь осажденному Оренбургу. Весьма характерно, что оба руководителя отрядов — А. Бородин и А. Соколов-Хлопуша — были крепостные крестьяне. Первый, по сообщению П. И. Рычкова, являлся крестьянином яицкого казачьего старшины М. Бородина¹, второй — тверского архиерея. По показаниям Хлопуши, в отряде Бородин насчитывалось 400 илецких казаков, а в его отряде 400 заводских крестьян. Отряды выступили из Бердской слободы вверх по реке Сакмарю. В пути руководители отрядов разделились: Бородин с полученными от Пугачева указами поехал за башкирами на реку Ик, а Хлопуша — на Желтый редут (современное село Желтое Саркытского района), чтобы привлечь в отряд ногайцев, живших в редуте. Из Желтого редута Хлопуша отправляется под крепость Ильинскую, приказав ногайцам Конду-ровской слободы идти под Верхнеозерную крепость.

22 ноября отряд Хлопуши занял Ильинскую крепость, а на рассвете 23 ноября подступил под Верхнеозерную крепость.

Гарнизон Верхнеозерной крепости представлял значительную боевую силу. «Регулярных», то есть солдат (в том числе и поляков-конфедератов), он насчитывал 369 человек, «нерегулярных» 332 человека (казаков — 73, ставропольских калмыков — 170, башкир — 53 и мещеряков — 14 и др.). Крепость имела 16 пушек разного калибра, в том числе две пушки без лафетов, поставленные «на обруб». В состав гарнизона входили две роты из Сибири, из Звериноголовского батальона. Один из офицеров этих рот поручик А. Пospelов оставил любопытные записки о штурме повстанцами Верхнеозерной крепости².

Пользуясь темнотой, восставшие бесшумно расставили артиллерию, разместились в двух оврагах, окружавших крепость (один — это теперешний овраг с ручейком Касымка), и намеревались врасплох овладеть крепостью. Но неожиданный выстрел из среды Повстанцев поднял здесь тревогу. Захватить крепость не удалось. Повстанцы открыли огонь из пушек, ружей и луков и несколько раз предпринимали штурм крепости, но были отбиты картечными выстрелами. В своем рапорте о нападении на крепость полковник Демарин писал 23 ноября 1773 г. оренбургскому губернатору Рейнсдорпу: «Сего числа перед светом за два часа оная возмутительная толпа, атаковав вокруг, с артиллериею производили почти до вечера пушечную пальбу и подъезжав кричали: «Не стреляйте, казаки, не смотрите на офицеров. Государь Петр Федорович идет!» Демарин сообщал также, что «на казаков, калмык и башкирцев никакой надежды нет...»¹ По воспоминаниям поручика Пospelова, ввиду ненадежности казаков, калмыков и башкир, Демарин отдал приказ: разместить их между солдатами и в случае намерения изменить, колоть без пощады.²

С заходом солнца повстанцы отступили от крепости к Кундуровской слободе, но осада продолжалась. Пospelов отмечал, что крепость обложили кундуровские татары. Они сожгли заготовленное сено и не давали выходить из крепости.

А. Бородин известил Пугачева о неудачном штурме Верхнеозерной крепости. Тогда на помощь Хлопуше и Бородину выступил сам Пугачев. С ним находились видные участники восстания И. Почиталин и И. Творогов. 26 ноября соединенные силы повстанцев во главе с Пугачевым возобновили штурм крепости. По воспоминаниям Пospelова, Пугачев подошел к ней с Оренбургской стороны на рассвете 26 ноября и остановился на горе (на нынешней Маячной горе), а затем, спустившись в овраг (в теперешний овраг Касымку), применил военную хитрость: чтобы выманить гарнизон из крепости, разделил повстанцев на две части и инсценировал между ними как бы междоусобный бой. Полковник Демарин колебался, но в крепости решил остаться. Маневр Пугачева не удался. Тогда он разделил свои силы на два отряда. Один оставил в овраге, второй незаметным образом перешел на другую сторону крепости. Затем была расставлена артиллерия.

Повстанцы пытались убедить гарнизон крепости. В рапорте Рейнсдорпу о вторичной попытке повстанцев захватить ее, Демарин писал, что они «подъезжали к валу и кричали: «Что вы,

¹ См.: А. С. Пушкин. Соч., т. 9, ч. I, стр. 258.

² См.: Н. А. Серeda. Пугачевский бунт по запискам современника и очевидца. В справочной книжке Оренбургской губернии на 1870 г. Оренбург, Изд. Оренбургского губернского статистического комитета, отдел IV, стр. 79—120.

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 3, л. 228.

² См.: Н. А. Серeda. Пугачевский бунт по запискам современника и очевидца, стр. 90—91.

казаки, не идете, выходите и делайте, что вам приказано, не смотрите на бояр!»¹ Но убеждение не подействовало. Тогда повстанческая артиллерия открыла огонь. Огнем управлял Пугачев. Затем «с обеда» повстанцы с глубокого оврага двинулись на штурм крепости. Пугачев ободрял атакующих, говоря: «Грудью, други!» Атака была отбита ружейным и пушечным огнем. Повстанцы повторили атаку, но с другого глубокого оврага «от гумен», однако и она закончилась неудачно. Тем не менее попытки овладеть крепостью не прекращались. Рапортуя Рейнсдорпу, Демарин сообщал, что повстанцы «продолжали неугасимый ружейный с пушечным огонь, также из сайдаков. Неоднократно взвизгивали ударить копьями. Которой неумолкнул огонь и продолжался с полуден до десятого часу ночи».²

Ночью пугачевцы отошли к Кундуровской слободе. Хотя они и не могли взять Верхнеозерную крепость, но положение в ней было весьма шаткое. В рапорте, приведенном выше, Демарин отмечал, что он находится во «внутренней опасности» в крепости. Сообщалось, что казаки «обо всем знать дают» повстанцам и «ропчут почти публично» и что удерживают их страхом: «ежели кто изменит или бежит, то тово тотчас колоть приказываю солдатам».

После штурма 26 ноября Пугачев не возобновлял попытку взять Верхнеозерную крепость. Узнав о том, что Ильинская крепость занята отрядом, прибывшим из Сибири, он двинулся туда к крепости, а затем вернулся в Бердскую слободу.

С уходом повстанческих сил во главе с Пугачевым осаду Верхнеозерной крепости продолжали башкиры и ногайцы. «Постоянная опасность, угрожавшая Озерной от пугачевских полчищ, — пишет в своих записках Поспелов, — была так велика, что гарнизон всю осень и зиму, не исключая и фасных (т. е. отрезков крепостных укреплений — С. П.) начальников, прожил в землянках, нарочно вырытых в земляном вале крепости»¹.

Чтобы отомстить ногайцам за участие в осаде и штурме Верхнеозерной крепости, гарнизон ее зимой совершил набег на Кундуровскую слободу. Ногайцы, по словам Поспелова, вступили сначала «в жестокое сражение» с карателями, а затем вынуждены были отступить. Отступая, они пытались в первую очередь переправить через Сакмару, которая не замерзла из-за быстрого течения, своих жен и детей. Многие из них утонули. Много ногайцев было убито, а слобода разорена»².

Подробности осады Верхнеозерной крепости утратились из памяти народной. Они восстанавливаются только на основе исторических документов. Однако события далекого прошлого оставили неизгладимый след в здешних краях. Тут, как и в других местах, любые старинные находки и памятники древности относят к Крестьянской войне. Например, остатки древнего могильника из каменных колец эпохи бронзы, находящегося по правой стороне дороги, не доезжая села около пяти километров со стороны Алабайтала, население Верхнеозерного считает следом Пугачевского лагеря. Каменные кольца — это якобы остатки от основания юрт лагеря.

Село Никольское

В селе, находящемся почти на самом берегу Урала, проживает исключительно татарское население. Русское название села возникло по названию редута, основанного в 1742—1743 гг. (в 1774 г. он уже существовал).

Мы не встретим в документальных источниках упоминаний о прямом участии гарнизона и жителей редута в восстании Пугачева. Однако известно, что через этот редут проходили повстанческие отряды во главе с Пугачевым и его соратниками, двигаясь на крепость Ильинскую. Вероятно, воспоминанием о Пугачеве является название гор, соседних с селом, — «Ямелька-Тау» — «Емельянова гора». В представлении 84-летнего жителя села Сиратдина Тунбаева образ Емельяна Пугачева ассоциировался с башкирским героем-батыром по имени Ямелька, который стрелял из лука на левый берег Урала, оберегая башкир от казахских набегов. Другие жители села название «Ямелька-Тау» уверенно связывают с именем Емельяна Пугачева. Заметим, что название

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, л. 69.

² Там же.

¹ Н. А. Серeda. Пугачевский бунт по запискам современника и очевидца, стр. 91.

² Там же, стр. 109.

«Ямелька-Тау», или «Емелька-Тау» известно и в другом месте. Башкиры села Карагузино Саракташского района также называют окрестные горы Емелька Сырты — Емельянов Сырт.

Село Ильинка

Эта бывшая Ильинская крепость эпохи восстания основана в 1742 г. Название получила по церковному празднику Ильи пророка, так как в день этого праздника 20 июля 1742 г. начальник Оренбургской комиссии И. И. Неплюев выбрал здесь место для постройки крепости.

Сейчас в селе находится центральная усадьба совхоза Ильинский. Село перестраивается и благоустраивается, возводятся добротные дома. Есть тут Дом культуры, детский сад, школа-десятилетка. Ильинское — родина Героя Советского Союза Михаила Алексеевича Рубина. Здесь же родился советский писатель Павел Ильич Федотов, автор романа «Синий Шихан».

Следов Ильинской крепости в селе не сохранилось. Территория его давно перешагнула пределы этой крепости. Здесь хорошо знают о восстании Пугачева, о том, что крепость была взята повстанцами, но детали и подробности этого события, естественно, неизвестны. Воспользуемся историческими документами.

22 ноября 1773 г. Ильинской крепостью овладел отряд атамана Соколова-Хлопуши. Гарнизон сопротивления не оказал, в крепости, после того как комендант ее полковник Демарин почти со всем гарнизоном ушел в Верхнеозерную крепость, осталось всего десятка полтора инвалидов. Взяв артиллерию, снаряды и продовольствие, Хлопуша направился к Верхнеозерной крепости.

27 ноября крепость Ильинскую занял правительственный отряд майора Е. Заева, шедший на помощь осажденному Оренбургу со стороны Сибири. В этот отряд входили три пехотные роты и около сотни казаков — всего 406 человек.

В то время, когда отряд Заева занимал Ильинскую крепость, посланцы повстанцев скакали в Желтый редут, где стояли повстанческие силы во главе с Пугачевым, чтобы сообщить о прибытии отряда в эту крепость. В тот день Пугачев выступил из редута к крепости.

Последние события, как свидетельствовали показания очевидцев — капрала Кайгородова и фурьера И. Панова, — происходили так:

Вечером 28 ноября в обзоре крепости появился небольшой конный повстанческий отряд, вооруженный копьями, ружьями и луками. Разъезжая на недалеком расстоянии от крепости, повстанцы обращались с призывом к солдатам не стрелять, а сдаваться и переходить на сторону восставших «ибо-де подступил под крепость государь» и «будите-де награждены от государя жалованьем». Вслед за этим отрядом вскоре появились основные силы пугачевцев во главе со своим предводителем (до 1500 человек) с двумя пушками. В отряде были яицкие, оренбургские и исецкие казаки, «заводские мужики» и башкиры, вооруженные ружьями, копьями, саблями и луками. «Все на лошадях порозно, а не кучами», — показывал капрал Кайгородов. Из крепости по повстанцам было произведено несколько пушечных выстрелов, повстанцы ответили тем же. С наступлением сумерек пугачевцы ушли в татарскую деревню в полтора верстах от Ильинской крепости, «где расклав огни и ночевали».

Утром началась новая атака крепости повстанцами. Под прикрытием пяти возов сена они везли две пушки, стреляя из них. В свою очередь, из крепости также стреляли из пушек. Первая попытка штурма не удалась. Тогда пугачевцы изменили план атаки, начав ее со стороны реки Яика, против бастиона, где пушки не было. По приказанию Заева защитники крепости перенесли пушки на прибрежный бастион. Повстанцы, по словам фурьера Панова, «усились, тот бастион пушками разбили» и ворвались в крепость. Сопrotивлявшиеся были убиты, другие взяты в плен. Среди убитых были некоторые офицеры и командир правительственного отряда майор Заев. Казаков из отряда Заева повстанцы не трогали, а говорили им: «Для чего вы к нам не вышли?» Казаки отвечали: «что-де нас, если б с крепости стали выходить, солдаты-де побили».

Оставшихся в живых повстанцы отправили в соседнюю татарскую деревню. Здесь произошел тот самый эпизод, который, по мнению некоторых литературоведов, лег в основу описания А. С. Пушкиным сцены помилования Пугачевым героя романа «Капитанская дочка» Гринева. За отказ признать Пугачева царем Петром III и перейти на сторону восставших капитан Камешков, прапорщик Воронов и казачий сотник были казнены. К виселице был подведен также и капитан Башарин, но пленные солдаты стали просить за него, говоря: «...оной капитан был до нас

добр и во всяких солдатских нуждах не оставлял». Пугачев ответил: «Когда он был до вас добр, то я его от смерти прощаю». И Башарин остался жив.

Пленные солдаты были поставлены против заряженной пушки-единорога. Когда к ним подъехал Пугачев, казаки-повстанцы приказали солдатам встать на колени. «И он, Пугачев, выговорил, — показывает фурьер Панов, — прощает вас бог и я, ваш государь Петр Федорович третий, император. И потом приказал всем встать, и единорог, обо-ротя в степь, выстрелить». Затем раненые солдаты из отряда Заева были отправлены в крепость, а прочим остригли волосы по казачьему образцу и зачислили в ряды повстанческого войска.

Вечером, забрав с собой оружие, припасы, провиант, а также товары ташкентского каравана, вошедшего в Ильинскую крепость, Пугачев ушел в Бердскую слободу.

Фурьер Панов оказался среди тех солдат, которые были приведены повстанцами в татарскую деревню и поставлены против пушки-единорога. Он лично видел Пугачева и Соколова-Хлопушу. В его показаниях сохранились описания их внешнего вида:

«...Собою он...(Пугачев) росту среднего, с небольшим лет 30. Волосы и небольшая борода черные, лицом бел и несколько смугловат, в казачьем красном платье. И с ним всегда ездит неведомой мне человек Соколов-Хлопуша в казацком же платье, волосы и борода русые, ряб, ноздри рваные и клейма на лице поставлены»¹.

Еще более полное описание внешнего облика Пугачева оставил сотник исецких казаков Иван Белоносов, перешедший под Ильинской крепостью в ряды восставших.

«Он же росту среднего, волосы и борода черная, под правым глазом рубец и лицом бел, несколько сухощав. Платье на нем казачье: шаровары малинова бархату, бешмет голубова штофу, шапка малинова бархату, мерлушка черная, рубашка белая — косой ворот; волосы обриты под кружало и несколько сверху спущены...»¹

Уходя, повстанцы подожгли татарскую деревню, находившуюся рядом с Ильинской крепостью, а затем, спустя несколько дней, 2 декабря повстанцы-башкиры предали огню Ильинскую крепость. От пожара сгорела церковь и 25 домов. На предложение генерал-майора С. К. Станиславского, стоявшего с войсками в Орской крепости, переселиться в Орскую крепость жители Ильинской ответили отказом. Казаки, посланные Станиславским в Ильинскую крепость для доставки раненых солдат, донесли генералу, что жители крепости «предались и усердствуют изменнику Пугачеву»². Видимо, и эти оставшиеся жители покинули крепость, так как в январе 1774 г. генерал Станиславский отправил из Орской крепости в Ильинскую капитана Винклера, чтобы доставить оттуда провиант. Вернувшись, Винклер писал в рапорте: «нашел ее всю в пепел превращенную, и более никого нет, как только мертвых тел в погребках лежит немало»³.

Взятие Ильинской крепости, гибель майора Заева и переход его отряда на сторону повстанцев настолько напугали генерала Станиславского, двигавшегося вслед за отрядом Зуева, что с Подгородного редута он повернул обратно. Объясняя в рапорте Рейнсдорпу свой поступок, Станиславский писал: «...рассудил я за лутчее, чтобы и последней малой моей команды не потерять и не открыть бы тем всей линии на похищение злодеем, возвратиться в крепость Губерлинскую для ожидания из крепости Верхояицкой 10 легкой команды и гарнизонной команды, которых я требовал»¹. Из Губерлинской Станиславский затем вернулся в Орскую крепость.

После событий 1773 г. деревянные стены Ильинской крепости уже не восстанавливались.

Село Подгорное

Село — бывший Подгорный редут времен Крестьянской войны, основанный, как и другие редуты, между Оренбургом и Орской крепостью в 1742—1744 гг. В 1774 г. он уже входил в состав линейных укреплений. Академик Паллас, проезжавший через редут летом 1769 г., отметил в своих записках, что он стоит на берегу Яика и имеет деревянное укрепление. Ныне следов укрепления не сохранилось.

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, л. 115.

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, л. 100.

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, л. 160—171.

³ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 5, л. 151.

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, стр. 99—100.

Когда 29 ноября Пугачев штурмовал Ильинскую крепость и когда генерал-майор Станиславский шел вслед за майором Заевым, Подгорный редут населения не имел.

В рапорте к Рейнсдорпу от 4 декабря 1773 г. Станиславский писал, что 30 ноября из-за сильного бурана пришлось остановиться в Подгорном редуте.

После Крестьянской войны Подгорный редут был восстановлен.

Село Губерля

Губерля — бывшая Губерлинская крепость времен восстания. По проселочной дороге от Подгорного до Губерли около 25 километров.

Район Губерлинских гор — один из самых живописных в Оренбургской области. Недаром его прозвали «Оренбургской Швейцарией». На протяжении нескольких десятков километров, между селом Подгорным и почти до г. Орска, древний Яик течет в обрамлении гор. Местами берега его представляют высокие скалистые кручи.

Проезжаем меленькую речку Коноплянку, затем еще одну — Сухоречку, текущую в глубокой лощине. Где-то здесь на ее берегах стояло временное летнее укрепление — Сухоречинский форпост. Далее дорога поднимается в горы, и мы едем, любуясь горным пейзажем. Особенно чудесная панорама открывается с вершины, поднимающейся при спуске в узкую долину реки Губерли, утопающей в зелени леса. Вдали, вверх по Губерле, виднеются белые домики и различные строения. Это — село Губерля. Вокруг — горы. То тут, то там поднимаются одна за другой их острые каменистые вершины.

Машина осторожно спускается с горы в долину Губерли, а затем выходит на берег реки. И вот мы в селе одноименного названия.

Село расположено в небольшой долине, как бы на мысу, образованном слиянием двух речек — многоводной стремительной Губерли и тихой, небольшой Чебаклы. С трех сторон село окружено горами и лишь с четвертой, южной стороны горы расходятся, образуя долину реки Губерли.

Северную сторону села занимает высокая скалистая гора Шихан. С ее вершины открывается чудесный вид на окрестности. Сельские строения почти вплотную подходят к подошве Шихана.

Во время восстания Пугачева село было крепостью. Как и Верхнеозерное, оно принадлежит к числу самых старинных населенных пунктов области. Селение основано в 1736г. И. К. Кириловым, первым начальником Оренбургской экспедиции, основателем Оренбурга в устье реки Орь, и в начале именовалось Губерлинским городком. В 1738 г. оно значилось уже Губерлинской крепостью.

В дни восстания крепость была малолюдной. Генерал Станиславский в своем рапорте Рейнсдорпу (4 декабря 1773 г.) о движении из Орской крепости вслед за майором Заевым в сторону Верхнеозерной крепости писал, что в Губерлинской крепости он не может вместить всю Команду, «понеже в крепости Губерлинской 14 изб»¹.

Зимой 1773—1774 гг. Губерлинская крепость оставалась в руках правительственных войск. Жители ее перебрались в Орскую крепость, а гарнизон был усилен отрядом, присланным из Орской крепости в начале декабря 1773 г. Он состоял из солдат и казаков — 151 человек с 4 пушками.

Гарнизон Губерлинской крепости под командованием капитана фон Винклера получил приказ — обороняться «до последней капли крови» и «чинить поиски» над повстанцами-башкирами, стоящими на Сакмаре.

Если сама Губерлинская крепость находилась под контролем правительства, то в окрестностях ее повстанческие башкирские отряды внимательно следили за действиями правительственных войск и сообщали о них в повстанческий центр. Рапортуя 3 декабря 1773 г. начальнику Сибирской пограничной линии генералу Деколонгу, генерал Станиславский писал: «...разосланные башкирцы примечают мои движения. В Губерлинских горах, на высотах, как козы ходят и усмотреть их можно».

Летом 1774 г., когда главные силы повстанческой армии находились в пределах Башкирии,

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, ал. 99—100.

двигаясь в Прикамье, Губерлинской крепостью овладели повстанцы-башкиры. Во время вспыхнувшего пожара сгорела часть домов крепости и деревянная церковь.

О существовании крепости, о солдатском гарнизоне, поселении казаков в предместье за пределами собственно крепости напоминают еще недавние названия частей села: «Крепость», «Форштадт», «Солдатская» и «Казачья» улицы.

Как и во многих других населенных пунктах области, отдельные памятники древности в селе Губерле связываются с восстанием Пугачева или непосредственно с самим Пугачевым. Так, в Губерлинских горах, на правом берегу речки Чебаклы, в 15 километрах от села Губерли и 7 километрах от поселка Калиновка, на вершине горы, рядом с группой древних курганов находится каменное сооружение в виде замкнутого прямоугольника размером 16 X 50 метров. Стороны его представляют каменную наброску шириной от 1, 5 до 2 метров и высотой до 0, 7 метра. В начале XX века этот памятник именовался «Пугачевским станом», а сейчас среди старожилов села Губерли известен под именем «Чертовой городьбы». Время происхождения памятника не установлено. Возможно, это один из старинных казачьих наблюдательных пунктов.

Губерлинские горы. Города Ново-Троицк и Орск

Последний пункт нашей экспедиции — город Орск, бывшая Орская крепость эпохи восстания. На этот раз мы покидаем старинную «линейную дорогу» вдоль Урала и поднимаемся в Губерлинские горы, оставляя далеко вправо гористое побережье реки, по которому в XVIII веке, начиная с Губерлинской крепости и до Орской, тянулись редуты: Кокуй, Горюн и Разбойный. Только в самом конце столетия рядом с Разбойным редутом возник Хабарный редут — современное село Хабарное.

За селом, на прибрежном увале поднимается высокий стройный обелиск. На нем краткая надпись: «Разведчице Марии Корецкой». Этот памятник напоминает нам о легендарных годах гражданской войны. Здесь, в окрестностях села Хабарного, летом 1918 г. была расстреляна дутовцами красная разведчица Мария Корецкая.

От Села Хабарного до Ново-Троицка менее 10 километров. Едем проселочной дорогой мимо полей пригородного совхоза. И вот мы в Ново-Троицке — городе металлургов. До революции здесь был хутор казачьего офицера Сильнова. В первые годы Советской власти на месте хутора возник маленький поселок Новотроицкий, где в 1939 г. началось строительство Орско-Халиловского металлургического комбината, удостоенного впоследствии ордена Трудового Красного Знамени. Вместе с предприятием рос новый советский город Ново-Троицк.

...Кончатся последние строения. Дорога, закованная в тяжелые бетонные плиты, поднимается в гору. Всего несколько километров разделяют Ново-Троицк и новый Орск, возникший в годы Советской власти на правом берегу Урала против старого Орска — бывшей Орской крепости времени восстания Пугачева. Дорога идет по горному увалу.

В прошлом захолустный уездный город Орск — ныне крупный индустриальный центр Южного Урала. Его заводы дают стране никель, машины, продукты переработки нефти. На знамени города — орден Трудового Красного Знамени.

Проспект Мира приводит нас к площади имени Гагарина. Отсюда начинается дамба к мосту через Урал. Минувя его, оказываемся на левой стороне Урала, в старой части Орска, там, где впервые был заложен город-крепость Оренбург, где в казарме, а затем в каземате, томился опальный поэт, писатель и художник Т. Г. Шевченко, и который казахи, башкиры и татары называли в старину Яман кала, что значит «Плохой город».

В XVIII веке Орская крепость являлась главной крепостью Орской дистанции Оренбургской военной пограничной линии. Кроме нее самой в эту дистанцию входили крепости, расположенные вверх по Уралу выше Орской: Таналыкская, Уртазымская, Кизильская и Магнитная с редутами и форпостами между ними.

Ныне от укреплений Орской крепости ничего не сохранилось. Лишь старожили рассказывают, что в районе нынешней Базарной улицы проходил участок крепостного вала. Утверждают они и то, что на месте нынешнего сада имени Малишевского стояли постройки Орского менового двора, а там, где высятся сейчас здания кинотеатра «Октябрь» и Орского пединститута, с прилегающим к ним сквером, была пустынная площадь — «плац». Здесь муштровали солдат, здесь в тяжелых сапогах и бескозырке проходил военную муштру Т. Г.

Шевченко. Одно лишь осталось неизменным — Яшмовая — Преображенская гора в центре старого Орска. По-прежнему, как и в XVIII веке, возвышается она над старым Орском, но и ее все теснят и теснят новые дома, поднимающиеся все выше по склону.

В период Крестьянской войны Орскую крепость контролировало правительство. Гарнизон ее значительно увеличился за счет прибытия 21 ноября 1773 г. 14-й полевой команды, во главе с генерал-майором Станиславским. Комендантом крепости был секунд-майор Беник, который, как писал Станиславский Рейнсдорпу, «весьма слаб и нерасторопен».

Станиславский находился в Орской крепости до 1 мая 1774 г. Единственная попытка, которую он предпринял, чтобы двинуться против восставших вниз по Яику, был поход вслед за отрядом майора Заева. 29 ноября 1773 г. Станиславский дошел только до Подгорного редута, а оттуда повернул обратно, считая, что дальнейшее движение к крепости Верхнеозерной вследствие морозов и буранов «дерзновенно».

В декабре 1773 г., когда восстание охватило Башкирию и соседнюю с Сибирью Исетскую провинцию (примерно территорию нынешней Челябинской области), когда башкиры «генерально взбунтовались» и когда пламя восстания грозило переметнуться в Сибирь, возник вопрос об оставлении Орской крепости. Начальник Сибирской военной пограничной линии генерал И. О. Деколонг, учитывая, что ни одна крепость вниз по Яику не находится «в оборонительном состоянии» и «имеет одни только вокруг себя деревянные заплоты», за исключением Верхнеозерной и Орской, где есть «небольшое земляное укрепление», решил сосредоточить все войска в Верхнеяицкой крепости. 23 декабря 1773 г. он приказывает генералу Станиславскому снять гарнизоны, начиная с Озерной крепости, взять «денежную казну и сколько возможно артиллерию, а невозможную загвоздя и сделав к действию неспособною, скрыть в воде или в земле», забрать провиант и фураж сколько возможно, а остаток после раздачи жителям, которые не пожелают уйти с войсками, «сжечь весь без остатка» и «елико возможно с крайним поспешением» отойти к Верхнеяицкой крепости¹.

27 декабря Станиславский сообщал Деколонгу, что в Орской крепости можно организовать только 313 подвод, а «обыватели в Орске, все мужеска и женска пола, заключительно сказали, что выезжать из крепости никуда не хотят с рассуждением, чтобы малых своих детей в нынешнее время не поморозить и своих стариков не растерять». «Уповательно, — писал дальше Станиславский, — и в других крепостях обыватели тоже откажутся»².

Эвакуация Орской крепости не состоялась. Генерал Станиславский и гарнизон остались здесь, не предприняв никаких действий.

Между тем в крепости среди орских татар назревал заговор с целью захватить ее и присоединиться к повстанцам. 25 февраля 1774 г. с лошадьми, уведенными из крепости, были схвачены два татарина — Али Асанов и Иш-мухамет Абдукаримов. При допросе «с пристрастием» они сознались, что присланы из Берды узнать, сколько в крепости войск «и для подговору здешних орских татар к побегу или в случае приступу к здешней крепости злодейской толпы к измене, предательству и истреблению ночью временем солдат-постояльцев в домах их».

Допрошены были также орские татары «под пристрастием». Они признали свою причастность к заговору. Имущество, оружие, скот, принадлежавшие им, были конфискованы. Участником заговора оказался также прибывший из Бухары каргалинский татарин Абдрахим Юсупов. После допроса «с пристрастием» он и Али Асанов умерли. Станиславский арестовал группу татар-казаков. Среди них были атаман Заин Берде Касимов, хорунжий Усеин Максимов, четыре капрала и мулла. Сообщая об этом Рейнсдорпу, генерал писал, что всех татар в Орской крепости «мужеска и женска полу и с младенцами 263 души», что о заговоре «уповательно и женска пол не неведали ж», что за малостью команды и отсутствием помещения трудно охранять арестованных и наблюдать за их семействами. Станиславский просил «резолуцию», как поступить с арестованными¹.

Оказалось, что орские татары установили связь с казачьим атаманом Верхнеозерной крепости И. В. Немировым. Комендант этой крепости полковник Демарин, рапортуя 2 апреля Рейнсдорпу, писал, что в деле «измены» орских татар замешан атаман казаков крепости Немиров,

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 5 лл. 66—67.

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 5, лл. 73—74.

¹ ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 7, лл. 6-9.

что он «давно по смущению сомневался и потому ни во что не употреблял»².

22 марта повстанческая армия потерпела поражение под крепостью Татищевой. Рейнсдорп немедленно уведомил об этом Демарина и Станиславского. Сообщение Рейнсдорпа Станиславский получил 30 марта. По сигналу был собран гарнизон, и население крепости выслушало извещение о победе правительственных войск. Станиславский приказал отслужить молебен и дать пушечный салют³.

Разгром повстанческой армии сказался на судьбе орских татар-«изменников». 18 апреля Станиславский получил «ордер» Рейнсдорпа, который предписывал «изменников — орских татар», как раскаявшихся, освободить, за исключением зачинщиков.

1 мая 1774 г., выполняя приказ Рейнсдорпа, генерал Станиславский выступил из Орской крепости вверх по Яику в помощь другим правительственным отрядам. Эти отряды преследовали новую повстанческую армию во главе с Е. Пугачевым, двигавшуюся вверх по Яику и вниз по реке Уй к Троицкой крепости (нынешний город Троицк Челябинской области).

Когда повстанческая армия из-под Троицкой крепости продвигалась с боями к Казани, а затем, перейдя на правый берег Волги, устремилась вниз по ее правобережью, в это время Орская крепость подвергалась набегам казахов. Они угоняли скот, захватывали пикеты, нападали на сенокосную команду, высланную в степь¹. Однако крепость казахи не взяли.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Александров Анатолий Иванович. Заслуженный учитель школы РСФСР, член Союза журналистов СССР, научный корреспондент НИИ содержания и методов обучения Академии педагогических наук СССР. Автор ряда книг по историческому краеведению: «Из истории Южного Урала», «Следопыт Урала», «Подводная лодка «Челябинский комсомолец», «Северный летучий» и др.

Голынский Георгий Григорьевич. Журналист, зам. редактора газеты Асекеевского района. Автор очерков в областных и районных газетах.

Евстратов Николай Гаврилович. Кандидат филологических наук, доцент Уральского педагогического института.

Зобов Юрий Спиридонович. Старший преподаватель кафедры истории Оренбургского педагогического института. Ведет исследовательскую работу по теме «Крепостное крестьянство и крестьянское движение в Оренбургском крае в парной половине XIX в.».

Изотов Иван Трифионович. Доцент кафедры литературы Оренбургского педагогического института, кандидат филологических наук, Автор книги «Вячеслав Шишков» (изд. «Советский писатель», 1956), работы «Из истории критики советского исторического романа (20—30-е годы)», опубликованной в Ученых записках Оренбургского педагогического института в 1967 г.

Копылова Галина Григорьевна. Старший научный сотрудник Оренбургского областного музея изобразительных искусств.

Коростин Борис Андреевич. Краевед. Преподаватель военной подготовки в учебных заведениях Оренбурга. Автор многих очерков на краеведческие темы, опубликованные в сборниках, журналах, областных и районных газетах, посвященных туризму и военно-патриотическому воспитанию школьной молодежи.

Малый Павел Петрович. Композитор. Член Союза композиторов СССР. Собрал и обработал в Оренбургской области множество русских народных песен. Многие из них опубликованы в сборниках «Песни оренбургского казачества» (Оренбург, 1938), в различных сборниках, изданных в Москве и Оренбурге.

Овчинников Реджинальд Васильевич. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР. Автор книги «Пушкин в работе над архивными документами» («История Пугачева», Л., 1969. Опубликовал около 50 статей, посвященных истории Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.

Попов Сергей Александрович. Этнограф, педагог по образованию, по профессии музейный работник. В Оренбургском областном краеведческом музее заведует отделом истории досоветского периода. Автор научно-популярной работы по древней и средневековой истории

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 7, л. 161.

³ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 7, л. 109.

¹ Н. А. Серeda. Пугачевский бунт по запискам современника и очевидца, стр. 116.

Оренбургского края «Тайна Пятимаров» (Южно-Уральское книжное издательство, 1971).

Чумаков Михаил Мефодьевич. Педагог. Директор Спасской средней школы Саракташского района Оренбургской области. Награжден значком «Отличник народного просвещения» и медалью имени Н. К. Крупской. Опубликовал в областных газетах и уральских журналах ряд статей на краеведческие темы и о писателях Оренбуржья.

Якушев Михаил Филиппович. Учитель биологии, журналист. Директор (на общественных началах) народного историко-краеведческого музея в районном центре Оренбургской области с. Первомайском.

ПОД ЗНАМЕНАМИ ПУГАЧЕВА

Редактор **Г. О. Абрамович**

Худож. редактор **Я. Н. Мельник**

Техн. редактор **М. А. Выголова**

Корректор **С. М. Кадошникова**

Сдано в набор 6/VIII—1973 г.

Подписано к печати 19/XI—1973 г. ФБ 02725

Формат бумаги 70x108/32—6, 125 физ. печ. л.,

8,58 усл. печ. л., 8, 78 уч.-изд. л.

Тираж 10 000 экз. Бумага № 1. Изд. № 3167.

Южно-Уральское книжное издательство,

г. Челябинск, пл. Революции, 2.

Областная типография Челяб. облуправления издательств,

полиграфии и книжной торговли,

г. Челябинск, ул. Творческая, 127.

Заказ № 3029.

Цена 30 коп.

Переплет 11 коп.